

Христофор Греческий и Датский

МЕМОУАРЫ

Les mémoires

MEMOIRS
OF H.R.H. PRINCE
CHRISTOPHER OF GREECE

London: Hurst and Blackett Ltd.
1938

ХРИСТОФОР ГРЕЧЕСКИЙ и ДАТСКИЙ

МЕМУАРЫ

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

Христофор Греческий и Датский.

Х93 Мемуары / Христофор Греческий и Датский ; пер. с англ. Е. Е. Преображенской. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 322 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Les mémoires). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0792-3

Принц Христофор Греческий и Датский был младшим сыном первого греческого короля из династии Глюксбургов, Георга I, и урожденной российской великой княжны Ольги Константиновны. Таким образом, принц Христофор был связан родственными узами со многими правящими домами Европы и приходился племянником королю Дании, королеве Великобритании Александре и русской императрице Марии Федоровне. На страницах своей автобиографии, увидевшей свет в 1938 году, всего за два года до смерти принца, он описывает события конца XIX — первой трети XX века: будни греческой королевской семьи, пышные визиты в Российскую империю, королевские семейные торжества, события Великой войны и последовавших за этим революций, Балканские войны и революции в Греции, изгнание, путешествия по Европе и в США, образы многочисленных венценосных особ, аристократов, политиков, артистов, дипломатов, встречавшихся на его жизненном пути. В различных обстоятельствах, в том числе и трагических, принц Христофор всегда сохранял невероятный оптимизм и любовь к жизни. Будучи очень близок к сильному миру сего и зная жизнь монархов изнутри, он дважды отказывался от предложенных ему престолов, предпочитая жизнь менее формальную, свободную от бремени ответственности за страну и народ.

На русском языке мемуары принца Христофора еще не издавались, хотя некоторые книги его сына, принца Михаила Греческого, известны российскому читателю.

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3

Электронное издание на основе печатного издания: Мемуары / Христофор Греческий и Датский ; пер. с англ. Е. Е. Преображенской. — Санкт-Петербург : Евразия, 2024. — 320 с. — (Les mémoires). — ISBN 978-5-8071-0612-4. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0792-3

© Преображенская Е. Е., перевод, 2023
© Бодров А. В., научное редактирование, предисловие, 2023
© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2024
© Оформление, ООО «Издательство «Евразия», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Предваряя перевод на русский язык «Воспоминаний» принца Христофора Греческого и Датского, следует вкратце познакомить читателя с основными вехами биографии главного героя. Само рождение Христофора в семье короля эллинов Георга I из датской династии Глюксбургов и королевы Ольги Константиновны Романовой 10 августа 1888 года было несколько неожиданным, принимая во внимание, что их первенцу в этот момент было уже двадцать лет. Христофор был единственным из восьмерых детей (пяти сыновей и трех дочерей) королевской четы, родившимся за пределами Греции — а именно, в России, в Павловском дворце родителей Ольги Константиновны. Несомненно, принц ощущал определенную связь с местом своего рождения всю свою жизнь: в его мемуарах России посвящено немало страниц, а сама география его поездок по нашей стране была весьма широка.

Как и его братья и сестры, принц Христофор владел множеством иностранных языков: греческим, английским, датским, русским, французским и итальянским. Наряду с другими королевскими отпрысками, он прошел службу в греческой армии, был участником Балканских войн, но военная стезя принца не привлекла. В силу своей молодости он не успел сделать сколь-нибудь значимой карьеры

до своего изгнания из Греции вместе с другими представителями королевской семьи. Впрочем, будучи младшим из пяти братьев, он имел лишь призрачные шансы на корону, что позволяло ему сосредоточиться на своем увлечении музыкой. Читатель отметит для себя, сколь важным для Христофора было признание в качестве пианиста-любителя, хотя о профессиональном занятии музыкой он не помышлял. Принц Христофор никогда всерьез не претендовал ни на один из европейских престолов. По его утверждению, начиная с 1910 года ему предлагались короны Португалии, Литвы и Албании (в «Воспоминаниях» им прокомментированы лишь первые два случая), но всякий раз по разным причинам он не был готов рассматривать их всерьез. Стоит также отметить, что все эти предложения, по-видимому, не носили официального характера, а их инициаторами выступали небольшие группы монархистов.

Христофор Греческий был дважды женат, и обстоятельства заключения обоих браков подробно описываются в его мемуарах. Стоит отметить, что первая супруга принца — богатая американка Нони Мэй Лидс (в девичестве Стюарт, 1878–1923) — хотя и не была королевских кровей, все же была признана греческой королевской семьей как его «династическая» жена под именем принцессы Анастасии Греческой и Датской. Причиной было то, что принц Христофор в тот момент замыкал длинный список претендентов на престол и появление у него пасынка Уильяма (сына его жены от второго брака) никак на эту очередность не влияло. Кроме того, внушительное состояние американской супруги Христофора облегчило финансовые трудности греческой королевской семье в изгнании. Но уже меньше чем через три года после свадьбы принцесса Анастасия, которая была старше своего мужа на десять лет, скончалась от рака.

В 1929 году принц Христофор женился вторично — на сей раз на более близкой по статусу дочери Жана Орлеанского, герцога де Гиза, Франсуазе (1902–1953). В январе

1939 года у пары в Риме родился долгожданный сын Михаил. Однако всего год спустя во время поездки в Грецию у принца Христофора начался абсцесс легкого, от которого 21 января 1940 года он и скончался в Афинах в возрасте 51 года. После официальной церемонии прощания в кафедральном соборе Афин во главе с королем эллинов Георгом II (племянником усопшего) он был похоронен на королевском кладбище в Татое. В 1953 году рядом с ним была похоронена и его вторая жена Франсуаза. Их сын Михаил состоялся как писатель, став автором более двадцати биографий, исторических романов и книг по искусству. Ради женитьбы на художнице Марине Карелла в 1965 году принц Михаил отказался от прав на греческий престол.

Все вышесказанное наложило существенный отпечаток на характер рассматриваемых мемуаров: исторические события описываются в них с позиции заинтересованного наблюдателя, но редко деятельного участника. Мемуарист избегает почти всякого упоминания о собственной роли в политических событиях эпохи. Это имеет ту выгодную сторону, что автору не нужно постоянно оправдываться за принятые решения и отвечать на критику оппонентов. Космополитичный мир породненных между собой королевских семей Европы обеспечил мемуаристу широчайших круг знакомств и свободу от сугубо национального взгляда на события «века наций». Именно подробности повседневной жизни королевских семей, сравнение порядков при русском, британском, греческом и датском дворах и составляют особенно интересную сторону воспоминаний.

С другой стороны, значительная часть описываемого относится к частной стороне жизни и потому особенно трудно поддается критической проверке. Как дает понять сам автор, он пользовался некоторыми работами современников, чтобы не только освежить свою память, но и вооружиться аргументами для подтверждения своей точки зрения. Как подробнее будет показано ниже, мемуарист

порой очень пристрастен в оценках, но чаще следует путем умолчания о неудобных фактах, чем прямого их искажения. При всех традиционных издержках этого жанра, мемуары Христофора Греческого можно смело назвать интересным историческим источником. Зарубежные историки с удовольствием их цитируют, но самому автору мемуаров до сих пор не посвящено ни одного подробного исследования.

Воспоминания Христофора Греческого написаны прекрасным литературным стилем и оживляются как легкой иронией, так и благодушным юмором автора. На момент публикации мемуаров в 1938 году лондонским издательством «Херст энд Блэкетт» многие описываемые лица были еще живы, поэтому не следует удивляться тому, что в книге преобладают комплиментарные оценки. К тому же речь часто идет о королевских особах, о которых было допустимо рассказать лишь безобидный анекдот, выдававший в них нечто человеческое. Автор часто встает на защиту человеческих слабостей сильных мира сего и крайне деликатно касается скандальных историй из их жизни. Мистицизм автора, его вера в сверхъестественное и судьбоносность случая, в частности, чуть лучше объясняют атмосферу, в которой стал возможен феномен Г. Распутина.

Стоит отметить, что наиболее подробно Христофор Греческий касается политических событий 1910–1920-х годов, что отражало как их значимость для судеб Греции и его семьи, так и степень его вовлеченности в них. При этом в мемуарах не отражено стремительное нарастание международной напряженности во второй половине 1930-х годов и скатывание мира навстречу новой мировой войне. Отчасти это объясняется консервативными политическими воззрениями автора, для которого рост числа диктатур в Европе явно не выглядел тревожным симптомом. Заметно, что его лестных оценок удостоиваются лишь правые греческие и зарубежные политики: И. Метаксас,

Д. Гунарис, Д. Раллис, Б. Муссолини. Любопытно, однако, что среди американских знакомых принца, о которых он упоминает на страницах автобиографии, было немало тех, кто симпатизировал в 1930-е годы социалистам. Политические приоритеты Христофора, таким образом, вполне сочетались с его личным демократизмом.

Общая тональность учитивого великосветского гран-сеньора редко изменяет принцу Христофору, и это происходит всякий раз, когда речь заходит об Элефтериосе Венизелосе (1864–1936). Мемуарист подчеркнуто пристрастен в том, что касается лидеров республиканской оппозиции. Образ Венизелоса как двуличного и беспринципного интригана, созданный автором мемуаров, безусловно, далек от объективности. Венизелос долгие годы пользовался огромной популярностью у значительной части греческого общества. Например, его призыв к бойкоту парламентских выборов в декабре 1915 года привел к тому, что к избирательным урнам пришло лишь 32 % избирателей. Важно отметить и то, что образ Венизелоса у мемуариста во многом сложился постфактум. На деле многолетний лидер Либеральной партии вовсе не сразу перешел к открытому противостоянию с греческой королевской семьей и долгое время занимал куда более умеренные позиции, чем большинство его сторонников. Однако этот пристрастный портрет хорошо отражает всю глубину политического раскола в Греции в межвоенный период и остроту противоречий между либеральными республиканцами-венизелистами и консерваторами-монархистами, по очереди сменявшими друг друга у власти.

Мемуарист в своем повествовании частенько отходит от хронологии, поэтому не будет лишним еще раз напомнить основные повороты истории Греции описываемой в мемуарах эпохи. Это также позволит воссоздать необходимый исторический контекст. В конце концов мемуарист обращался к читателям-современникам, для которых описываемые события были куда ближе и знакомей.

Королевство Греция стало в 1830 году первым независимым государством на Балканах, но ее внешняя политика во многом определялась тремя великими державами: Великобританией, Францией и Россией, — благодаря военному и дипломатическому вмешательству которых эта независимость от Османской империи и была завоевана. С момента своего рождения внешняя политика королевства строилась вокруг так называемой «великой идеи» — «собирания» всех территорий с греческим населением, оставшихся под контролем турок. Однако реализация этой программы отсрочивалась как в силу разобщенности балканских народов, так и в силу стремления великих европейских держав поддерживать баланс сил в регионе, нарушение которого грозило их позициям.

В конце XIX в. на первый план выдвинулся так называемый «критский вопрос» — вопрос о национальном самоопределении этого крупного острова с преимущественно греческим населением, остававшимся в составе Османской империи. В 1897 году на острове началось восстание. Оно потерпело неудачу, но благодаря вмешательству европейских держав Крит добился автономии в составе Османской империи. Один из лидеров местных революционеров Э. Венизелос входил в число разработчиков Конституции Крита и возглавил министерство юстиции. Вскоре между ним и правителем автономии принцем Георгом — сыном греческого короля и братом автора мемуаров — начались трения. Венизелос боролся за ответственное перед парламентом правительство и ограничение полномочий принца, за что в итоге был отправлен в отставку, но развернувшаяся в дальнейшем борьба привела к новому восстанию и изгнанию принца Георга с острова в 1906 году.

Греко-турецкая война 1897 года, начатая Афинами на стороне критян без союзников и поддержки великих держав, наглядно продемонстрировала слабость греческого государства. Греческая армия во главе с наследником престола Константином (будущим Константином I) потерпела

поражение, а от более тяжелых последствий Грецию спасло только вмешательство «европейского концерта». Поражение вызвало огромное разочарование в греческом обществе, поставив под вопрос судьбу самой монархии. Под влиянием младотурецкой революции, Боснийского кризиса 1908–1909 годов и отказа правительства поддержать призыв к воссоединению с островом Крит, грозивший новой войной с Турцией, в августе 1909 года произошло восстание афинского гарнизона во главе с полковником Николасом Зорбасом. Под давлением восставших король Георг I отозвал с командных постов в армии своих сыновей и отправил в отставку правительство.

В этот момент на политическую арену Греции и вступил приглашенный революционерами с номинально османского Крита Э. Венизелос. Его сторонники одержали победу на парламентских выборах, и в ноябре 1910 года Венизелос стал премьер-министром, начав требуемые реформы. Благодаря реформам Венизелоса и его соратника адмирала Кундуриотиса страна оказалась хорошо подготовленной к двум Балканским войнам, в результате которых ее территория увеличилась на 70 % за счет присоединения Македонии, Крита и Эгейских островов, а население — с 2,7 млн до 4,8 млн человек. Новые земли обеспечили страну необходимыми ресурсами и способствовали росту ее политических амбиций. Обратной стороной медали стали возросшие риски ее безопасности в силу обострения противоречий с ближайшими соседями — Болгарией и Турцией, равно как и необходимости оборонять более протяженные и уязвимые границы. Период Балканских войн также отметился новыми противоречиями Венизелоса и наследника престола (с 18 марта 1913 года — короля) Константина — двух самых популярных, пожалуй, деятелей тогдашней Греции.

Нападение Австро-Венгрии на Сербию в июле 1914 года и быстрое перерастание их конфликта в мировую войну поставило перед греческим руководством новые дилеммы.

С одной стороны, Сербия и Греция были связаны соглашением о взаимопомощи в случае нападения третьей страны, пусть оно и имело в виду Турцию или Болгарию, а не Австро-Венгрию, с которой у Афин не было прямых противоречий. Вооруженная поддержка союзника к тому же повышала уязвимость Греции в случае удара болгар или турок. С другой стороны, строгий нейтралитет создавал риск изоляции Греция. Именно поэтому Афины не только объявили свой нейтралитет благоприятным Сербии и обеспечили поступление той военных поставок извне через греческий порт Салоники, но и обещали ей помощь в случае нападения Болгарии.

Вступление в ноябре 1914 года в войну Турции на стороне Германии и Австро-Венгрии обострило разногласия между королем Константином I и Венизелосом. Король, равно как и верхушка греческого Генерального штаба, ставили на победу Германии и рассчитывали за нейтралитет получить южную часть Албании. Венизелос с самого начала был уверен в победе Антанты и пропагандировал вступление в войну на ее стороне. Перспектива нового поражения Турции и ее территориального раздела победителями открывала перед Грецией возможность увенчать «великую идею» присоединением малоазийского побережья Анатолии со значительным греческим населением. Важно отметить, что конфликт не сводился к личному противостоянию премьер-министра и короля и сугубо внешнеполитическим соображениям. К этому прибавлялся спор о конституционных полномочиях монарха, а также борьба экономических приоритетов старых («южных») и новых («северных») элит страны.

В течение 1915 года король Константин I дважды отправлял Венизелоса в отставку: в первый раз в связи с готовностью последнего направить греческие войска против Турции на Галлиполи в рамках так называемой Дарданельской операции союзников, во второй — в связи с согласием премьера на высадку войск Антанты в Салониках для

действий против Болгарии в случае ее удара в тыл сербской армии. Греция ответила мобилизацией своей армии на болгарскую мобилизацию, и 5 октября 1915 года греческий Парламент одобрил отправку войск против Болгарии. Вмешательство короля вновь удержало Грецию в состоянии вооруженного нейтралитета и после вступления в войну Болгарии, но очередная отставка Венизелоса привела к глубокому политическому расколу в стране. К этому добавился фактор появления войск Антанты в Салониках и формирование нового фронта на греческой территории, но поначалу без греческого участия. В результате в августе 1916 года венизелисты взяли контроль над Салониками и провозгласили создание правительства национальной обороны. Греция фактически раскололась на два государства и оказалась в состоянии гражданской войны.

Христофор Греческий справедливо отмечает в мемуарах неуклонно растущее давление Антанты на Грецию, которое включало фактический контроль над Салониками и окрестностями, а также эвакуацию остатков сербской армии, вопреки протесту Афин, на греческий о. Корфу. Дальнейший рост подозрений стран Антанты в отношении греческого короля произошел в связи со слабым сопротивлением греческой армии в подконтрольной ей части Македонии, что позволило существенно продвинуться болгарским войскам, занявшим в сентябре 1916 года порт Кавала. После отражения греческими войсками попытки высадки союзниками 1 декабря 1916 года небольшого десанта в Пирее Франция взяла курс на принуждение Константина I к отречению, распространив на подконтрольную королю часть страны морскую блокаду. Конфликт завершился изгнанием короля в июне 1917 года, коронацией его сына Александра и вступлением Греции в войну на стороне Антанты.

Участие Греции в заключительных сражениях Первой мировой позволило ей занять место среди победителей и получить новые территориальные приращения за счет

Болгарии — Западную Фракию. Еще больше территорий Греция получала от Турции по условиям Севрского договора 1920 года: все остатки ее европейских владений (Восточная Фракия) за исключением Стамбула и зоны Черноморских проливов, а также западное побережье Анатолии вместе с портом Измир (Смирна). Однако попытка реализации навязанных последнему султану условий привела к новой греко-турецкой войне 1919–1922 годов, увенчавшейся поражением греческой армии и оставлением ею всех занятых территорий. Замысел Венизелоса о создании Великой Греции потерпел крах. Поражение привело к очередному глубокому политическому кризису в стране и казни ряда генералов и министров, обвиненных в преступной халатности и государственной измене.

В мемуарах принца Христофора освещается тема политического насилия в Греции, пусть по понятным причинам и лишь со стороны венизелистов. Первые «чистки» в стране прошли в 1917 году, когда в изгнание вслед за Константином I были вынуждены отправиться верные королю военные (В. Дусманис, И. Метаксас) и лидеры монархистов. Вторая волна прокатилась в августе 1919 года, когда Венизелос был ранен в Париже (где он представлял Грецию на мирной конференции) в результате покушения со стороны двух греческих офицеров-роялистов. В ходе вспыхнувших беспорядков в Афинах дома монархистов были разграблены, а один из их лидеров — Ион Драгумис — расстрелян.

В 1920 году, после смерти короля Александра I, роялисты вернули на трон его изгнанного отца, Константина. Большинство греков и впрямь винило Венизелоса во всех послевоенных тяготах, но результаты референдума были сфабрикованы и дали 99 % голосов в пользу короля. Для Франции и Италии реставрация стала поводом отказать Греции в дальнейшей поддержке против турок. Важно отметить, что монархическое правительство и Константин I остались привержены борьбе за Западную Анатолию

и предприняли попытку нанести решающее поражение силам Кемаль-паши в марте и июле 1921 года. Тем самым, вопреки утверждениям мемуариста, они разделяли ответственность за последовавший в августе 1922 года разгром греческих войск и репрессии турок против греческого и армянского населения Смирны. 27 сентября 1922 года король Константин вторично отрекся в пользу сына — Георга II.

Особенностью 1920–1930-х годов в истории Греции стало беспрецедентное вовлечение в политику армии, также расколотой между двумя фракциями, что привело к многочисленным попыткам переворотов. За 11 лет своего существования Вторая греческая республика (1924–1935) увидела смену 23 правительств, диктатуру генерала Пангалоса (январь — август 1926) и 13 попыток государственного переворота. Открытым политическим насилием в отношении своих оппонентов: избиениями, убийствами и грабежами — отметились как республиканцы, так и монархисты. Подобные явления были характерны для многих стран Европы межвоенного периода и всех без исключения балканских государств.

Вплоть до середины 1930-х годов венизелизм доминировал в политической жизни Греции. В 1928–1932 годах Венизелос вновь возглавлял правительство и добился нормализации отношений с Турцией, Италией и Югославией. Однако под влиянием последствий мирового экономического кризиса в 1933 году Либеральная партия потерпела окончательное поражение на выборах, и наступил период монархической реакции. В 1933 и 1935 годах венизелисты во главе с генералом Пластирасом предприняли две неудачные попытки государственного переворота, итогом чего стал разгром роялистами оппозиции, многие представители которой были убиты или арестованы.

В ноябре 1935 года был срежиссирован (98 % голосов «за») очередной референдум по вопросу о восстановлении монархии и возвращении на трон Георга II. В 1936–1941 годах в Греции с одобрения короля была установлена

диктатура генерала И. Метаксаса как выход из продолжавшейся политической нестабильности. Политические партии были распущены, а их лидеры отправлены в ссылку на отдаленные острова в Эгейском море. От фашистских режимов диктатуру Метаксаса отличало отсутствие соответствующей идеологии, идей расового превосходства, планов территориальных захватов и антисемитизма.

Впрочем, на этом небольшой экскурс в историю следует завершить и предоставить наконец слово самому автору.

Моей жене

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего я хотел бы высказать свои самые теплые пожелания Миссис Дженнифер Эллис, без чьей неутомимой помощи и сотрудничества эта книга никогда не была бы написана.

Я также чрезвычайно благодарен сэру Бэзилу Томпсону, чья чудесная книга «Секретная служба союзников в Греции» помогла мне воскресить в памяти некоторые каверзные подробности. Всем друзьям, которые, часто невольно, или через какой-то случайный спор, вызывали забытые воспоминания, я также выражаю свою горячую благодарность.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Все книги этого типа начинаются одинаково. Начальное образование любого маленького мальчика не очень отличается в разных странах. Няни и классные комнаты более или менее одинаковы во всем мире. Поэтому, если это вас утомляет, пропустите в начале главу или две, и я надеюсь, вам станет интересно, прежде чем вы доберетесь до середины.

ГЛАВА I

ДЕТСТВО

Оглядываясь на свою жизнь, я чувствую себя так же, как, должно быть, чувствовал Рип Ван Винкль¹, потому что мир, в котором я живу сегодня, совсем не тот, в котором я родился. Когда мне было около 49 лет, произошел перелом. С одной стороны оказалось прошлое, овеванное воспоминаниями об эпохе мира и богатства, когда короли надежно восседали на своих тронах, а в Европе было три империи и четырнадцать монархий. С другой стороны, настоящее, возможно, отрицающее наваждение, которое, как принято считать, окружало королевскую семью от колыбели до могилы, но, тем не менее, богатое переживаниями трагедии и комедии, радости и печали, которые никогда бы не вышли из-под контроля при прежней схеме.

Я достаточно удачно рассчитал свое прибытие в этот мир. Я родился младшим в семье из восьми человек; настолько поздно, что спартанская дисциплина детской ослабла после долгого перерыва, и родители встретили меня гораздо более снисходительно, чем любого из моих братьев и сестер. Двадцать лет отделяли меня от моего старшего брата Константина, и между Андреем, ближайшим ко мне по возрасту, и мной была пропасть почти в семь лет.

---

¹ Главный герой одноименной новеллы американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), проспавший в горах 20 лет и вернувшийся в родную деревню в разгар Войны за независимость США.

Моим отцом был король Греции Георг I¹, урожденный принц Датский Вильгельм, брат английской королевы Александры. В 1863 году он приехал в Афины, где основал новую греческую династию. Моей матерью была Великая княжна Ольга, дочь Великого князя Константина и внучка царя Николая I.

Я появился на свет в доме моего деда, Павловске, в России, в огромном и просторном зале, который преобразовали в спальню для моей матери. Первоначально это была мастерская императрицы Марии Федоровны, жены императора Павла I, которая увлекалась токарной обработкой слоновой кости, и там до сих пор находилось несколько образцов ее работ и инструменты, которыми она пользовалась, — предметы моего непрекращающегося интереса во время визитов к бабушке и дедушке.

В возрасте двух месяцев я отправился в свое первое морское путешествие. Оно могло стать последним, поскольку королевская яхта, которая должна была отвезти меня и мать обратно в Афины, попала в ужасный шторм на Черном море. В течение нескольких часов мы качались, не имея возможности пройти к Босфору, сопровождавший нас крейсер безнадежно унесло в сторону. Он обнаружился только двенадцать часов спустя и не без труда взял нас на буксир.

Я, конечно, мирно спал, несмотря на весь этот шум, но мама была совершенно измотана, когда мы сошли на землю, а моя няня-крестьянка громко оплакивала неудачное знамение для принца, который так стремительно прибыл в свою страну. Оглядываясь на свою жизнь, я должен признать, что ее опасениям, похоже, было какое-то оправдание.

Мои первые годы я провел во дворце в Афинах, большом здании из белого мрамора с лепниной, построенном

---

¹ Король эллинов (30 марта 1863 — 18 марта 1913), второй сын короля Дании Кристиана IX (1863–1906) из династии Глюксбургов. Погиб в результате покушения, совершенного в Салониках анархистом Александром Схинасом.

примерно в 1850 году предшественником моего отца, королем Оттоном¹, который был баварским принцем. Дворец был ужасен — напоминал огромную картонную коробку, но находился на холме, возвышающемся над городом, и обладал определенным величием. По современным стандартам он был очень неудобен. Во всем доме была только одна ванная, и никто никогда не принимал в ней ванну по той простой причине, что водопроводные краны почти никогда не открывались, а в тех редких случаях, когда их удавалось открыть, из них сочилась тонкая струйка воды, в которой мрачно плавали трупы тараканов и других странных насекомых.

Поэтому каждое утро в комнату приносили жестяные кадки, и в них мне и моим братьям приходилось окунуться в холод. Я обычно лежал в теплой постели, ожидая своей очереди, внутренне давая клятву, что, если бы я был королем, то отменил бы купание в своей стране. Так я ждал до тех пор, пока мой наставник не приходил и не вытаскивал меня из постели.

Зимой, когда проливные дожди омывали улицы и каждая бурная река и ленивый ручей превращались в стремительный поток, холод во дворце был почти невыносимым. Ветер свистел по коридорам и врывался в большие залы. В некоторых комнатах были камины, а в других — керамические печи, которые излучали сильный, но концентрированный жар, так что вы поджаривали ту сторону, которая оказывалась ближе всего к ним, но дрожали от холода с другой стороны. Для освещения мы использовали масляные лампы, подвешенные к потолку или установленные на столах в самых неожиданных местах. От них исходил резкий запах и тонкий синий дым, от которого иногда слезились глаза.

---

¹ Оттон I — первый король Греции (1832–1862). Второй сын короля Людвига I Баварского (1825–1848) из династии Виттельсбахов, далекий потомок византийских династий Комнинов и Ласкаридов. В 1862 году был свергнут и остаток дней прожил в изгнании в Баварии.

Но, несмотря на свои недостатки, дворец в Афинах тогда был для меня прекрасным местом. Может ли что-нибудь, что мы встретим в дальнейшей жизни, когда-либо быть равным воспоминанию о первом доме? Замок это или четырехкомнатный коттедж, не имело значения; его стены окружали наш мир. Независимо от того, что могут принести нам годы, мы всегда будем оглядываться на это безопасное и неизменное в калейдоскопе жизни место.

Дворец сам по себе доставил бы удовольствие любому ребенку. Длинные темные галереи и неиспользуемые комнаты бесконечно привлекали воображение. Огромный вестибюль с массивными каменными колоннами и парадной лестницей, которая использовалась только для государственных мероприятий — приема иностранных королевских особ, свадеб или придворных балов, — идеально подходили для игр в прятки.

Затем — удовольствие от езды на велосипеде по огромным бальным залам, простирающимся по всей длине дворца! Отец, хотя он обычно был достаточно сдержан, чтобы внушать всем трепет перед ним, был лучшим из товарищей по играм, и его обычно можно было убедить возглавить процессию, движущуюся по залам, а за ним — вся семья в порядке старшинства — я замыкал ее. Мы шествовали величественно до тех пор, пока, как правило, не сталкивались друг с другом и не падали на пол, некоторые из нас вздрагивали от смеха, другие от боли от синяков.

Личные покои отца находились на первом этаже и вызвали разные ассоциации: кабинет, куда нас отправляли для внушения, когда это было необходимо, длинная узкая комната с застекленными моделями кораблей, к которым нам не разрешалось прикасаться, но мне никогда не надоело смотреть на них; большая гостиная, украшенная синим штофом и орехом, где мы всегда обедали, когда не было гостей.

Выше, на втором этаже, располагались семь комнат моей матери, ее спальня и гардеробная, три гостиных, в одной

из которых мы собирались на ланч, небольшая библиотека, гардеробные и длинная узкая галерея, где дамы ожидали, когда приходили на аудиенцию. Вдоль стен этой галереи стояли ряды бронзовых бюстов всех членов династии Романовых, казавшихся моим детским глазам неприятно суровыми и живыми. Я бесконечно предпочитал уютную библиотеку с ее привлекательными книжными полками, на некоторых из которых мне разрешалось брать книги, или небольшую гостиную с фотографиями кораблей и морскими сувенирами, подаренными моей матери моряками, там был фонарь, светящийся изнутри, изобретательно сделанный из негативов пленок.

Мои первые годы были достаточно спокойными, потому что я никоим образом не был особенным ребенком. То, что я был младшим в семье из восьми человек, не способствовало чувству собственной значимости, и всякое буйство было бы строго пресечено моими братьями. Я ел и спал, учился столько, сколько мне было положено, большую часть дня играл со старшим сыном моего брата Константина Георгием (впоследствии королем Греции Георгом II), который родился на два года позже меня. Мы стали верными друзьями и в любом споре всегда выступали против остальных членов семьи.

Ни у кого не могло быть более простой семейной жизни, чем наша. Мои родители никогда не соблюдали строгий этикет, делавший жизнь обузой для большинства королевских детей нашего поколения. Нам не разрешалось осознавать наш статус, кроме как в связи с обязанностями, которые он влек за собой, и, следовательно, никто из нас не рассматривал его как повод для гордости.

Главной фигурой в моей детской была англичанка миссис Лонг, и она определенно не питала ложных иллюзий относительно привилегий королевского происхождения. Она верила в старое доброе утверждение о безоговорочном повиновении старшим, и каждое нарушение правил каралось пощечиной.

Нас с пеленок учили делать все самостоятельно. Вскоре я овладел искусством одевания, но неизменно приходил в отчаяние из-за шнурков. Я нетерпеливо связывал их узлом в утренние часы, надеясь, что они пройдут проверку, но затем к вечеру начиналась борьба, чтобы их развязать. Призыв о помощи означал признание поражения, поэтому в конце концов я нашел простое решение — разрезать узлы. Это удавалось до тех пор, пока няня не осознала, что ни один нормальный ребенок не нуждается в новых шнурках для обуви каждый день, и мое преступление было раскрыто.

Меня ругали, но безрезультатно, и наконец обратились к маме. Она обсуждала ситуацию, пока я напряженно слушал, притаившись за дверью. «Не знаю, что мы можем сделать с ребенком... — сказала мама. — На самом деле покупать столько шнурков для обуви очень дорого, и мы не можем себе позволить продолжать это делать».

Я был очарован этим новым аспектом. Больше никаких шнурков для обуви! Но потом я подумал, что мои незашнурованные ботинки непременно привлекут внимание отца. Возможно, он даже откажется брать меня с собой на прогулку по саду! Пришло раскаяние. С того дня я победно боролся со шнурками.

Одно из моих самых ранних воспоминаний — смерть сестры Александры после рождения ее сына Дмитрия. За несколько лет до этого весь Санкт-Петербург *en fête*¹ ее брак с Великим князем Павлом²; никогда еще свадебную корону Императорской семьи не надевала более красивая невеста.

---

¹ Праздновал (*фр.*).

² Великий князь Павел Александрович (1860–1919) — шестой сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Сочетался в июне 1889 года браком со старшей дочерью Георга I греческой принцессой Александрой (1870–1891), приходившейся ему двоюродной племянницей. В этом браке родилось двое детей: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942). Жена — Александра Георгиевна — скончалась 12 сентября 1891 года вследствие преждевременных родов. Дети вос-

Моей единственной эмоцией было крайнее раздражение, потому что родители сразу же уехали в Россию, а няня плакала целыми днями и не хотела со мной играть. Слово «смерть» не имело значения для безмятежной мудрости трех лет. Моей вселенной была жизнь, и, хотя я многому научился с тех пор, но не изменил своего мнения.

Поездки в Россию вместе с мамой венчали мое представление о блаженстве. Заранее я лежал без сна по ночам, предвкушая ожидаемые мной удовольствия. Я так хорошо знал, какими они будут, и поэтому, как и все дети, ценил их еще больше, потому что только по мере взросления мы стремимся к разнообразию. Это было то время, когда повторение не утомляло, а сказка, которую мы слушали, пока не выучивали ее наизусть, всегда была лучшей.

Великолепный Императорский поезд, ожидавший нас в Севастополе, был одним из самых ярких впечатлений путешествия. С его роскошно обитыми салонами, толстыми коврами и комфортабельным вагоном-рестораном он казался настоящим сказочным поездом, в отличие от примитивного транспорта в Европе. Настоящие кровати, покрытые тонкими льняными простынями и шелковыми перинами, вызывали у меня неизменное восхищение, особенно кровать моей матери, которая свешивалась с потолка в своего рода сети. Мы продвигались плавно и уверенно, потому что все российские дороги были построены с широкой колеей и после того, как произошла авария с поездом императора Александра III¹, скорость всех императорских поездов снизилась до двадцати миль в час.

питывались в бездетной семье брата — великого князя Сергея Александровича и его супруги великой княгини Елизаветы Федоровны.

¹ Железнодорожная катастрофа, произошедшая 17 (29) октября 1888 года с императорским поездом на участке Курско-Харьково-Азовской железной дороги у станции Борки. Несмотря на многочисленные человеческие жертвы, император Александр III и члены его семьи отделались лишь легкими травмами.

На каждой станции, где мы останавливались, на платформе нас встречали официальные лица, чтобы поприветствовать мою маму и вручить ей цветы, фрукты и конфеты. Через три дня такого увлекательного путешествия мы приезжали в Павловск, в дом отца моей матери, Великого князя Константина¹, и бабушка², обнимая меня, велела «пойти и открыть сверток, который я найду в своей спальне». Это был великолепный момент, потому что, хотя у меня хватало такта не упоминать об этом, я всю дорогу только и думал об этом свертке, гадая, что я в нем найду. Как бы то ни было, это всегда оказывалось именно то, чего я хотел, потому что бабушка, используя тот особый дар, свойственный всем бабушкам, неизменно угадывала правильно.

Бабушка была очень красивой женщиной даже в старости. Она была урожденной принцессой Саксен-Альтенбургского королевского дома, известного красавицами, и она не была исключением. Особенно она гордилась своей тонкой талией и крошечными ножками, и, чтобы убедиться, что они не увеличатся, она каждую ночь спала в тесных корсетах и туфлях. У нее были ножи для бумаги из серебра и слоновой кости, сделанные по форме ее ноги, и она дарила их друзьям и родственникам.

Она проводила долгие часы за своим туалетом, всегда была безупречной в любое время дня и ночи и держалась так прямо, будто к спине у нее был привязан шомпол.

В своем роскошном русском придворном платье она была особенно прекрасна.

---

¹ Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — второй сын российского императора Николая I и Александры Федоровны. Генерал-адмирал, возглавлял «либеральную» группировку при старшем брате императоре Александре II в период осуществления Великих реформ 1860–1870-х годов.

² Великая княгиня Александра Иосифовна, урожденная Александра Саксен-Альтенбургская (1830–1911) — младшая дочь герцога Иосифа Фридриха Саксен-Альтенбургского (1789–1868).

Я помню, как в десять лет меня взяли на открытие памятника императору Александру II в Москве¹. Весь двор был в парадных нарядах: Царь и Царица, Великие князья и Великие княгини. Но я с трудом мог отвести взгляд от бабушки, которая выглядела так, будто сошла со страниц одной из моих сказок. Ее платье было из золотой ткани, скроено традиционным способом, с обтягивающим лифом и шлейфом длиной в несколько ярдов. На голове у нее был золотой головной убор — кокошник, расшитый драгоценностями, и к нему была прикреплена кружевная вуаль, спускавшаяся ей на спину и спадающая поверх шлейфа. Как и у всех других Великих княгинь и княжон, у нее был паж, который нес шлейф. Все эти пажи были мальчиками из хороших семей и выбирались среди воспитанников Пажеского корпуса. Они носили нарядную форму, состоящую из белых штанов, черных камзолов с золотой тесьмой и черных касок с развевающимися белыми конскими гривами. Помню, я им очень завидовал.

Отец моей матери, Великий князь Константин — довольно призрачная фигура. У меня он ассоциируется с чувством страха. За год или два до моего первого визита в Павловск у него случился инсульт², после которого он потерял дар речи и был частично парализован, поэтому его возили по парку в маленькой карете, запряженной старым пони. Наутро после нашего приезда я, глядя на эту карету у крыльца, влез в нее, намереваясь управлять ею сам. Через несколько минут дедушку вывели из дома, и, обнаружив меня там, он издал серию ужасающих криков. Возможно, бедный старик был недоволен тем, что я забрался туда без разрешения,

---

¹ Монумент был открыт 16 августа 1898 года в Кремле на склоне Боровицкого холма. Мемориальный комплекс состоял из шестиметровой бронзовой статуи Александра II, шатровой сени над ней и окружавшего статую трехэтажного здания с галереей. Памятник Александру II был демонтирован в 1918 году. Окончательно мемориал снесен в 1928 году.

² 7 июля 1889 года.

более вероятно, он хотел меня поприветствовать, но, что бы это ни было, я так испугался, что с воплем убежал в дом, и меня с трудом уговаривали подойти к нему в течение нескольких дней.

Всю жизнь у него был вспыльчивый характер, а в старости начались порывы гнева, которые тревожили окружающих. Даже бабушка не всегда могла его усмирить.

В доме, граничащем с Павловским имением, жила дама, которая долгое время была спутницей его светлых часов, и у него был обычай навещать ее во время его утренних прогулок¹. Бабушка не одобряла этих посещений, о которых должным образом сообщил старый кучер², служивший в семье много лет, но ее возражения не принимались во внимание. Наконец она отдала строгие приказы доктору и адъютанту, сопровождавшим деда в поездках: ни при каких обстоятельствах нельзя было везти Его Императорское Высочество в направлении дома леди.

На следующее утро дедушка, как обычно, сел в карету, и они поехали. Вскоре он заметил, что едут они другим маршрутом. Он громко крикнул, но кучер не обратил на него внимания, а врач и адъютант были поглощены изучением пейзажа.

Дед крикнул еще громче, стукнул палкой по дверце кареты, указал в сторону дома. Они повернулись с невозмутимой невинностью на лицах. «Да, действительно, Ваше Императорское Высочество, в этом году листья очень рано пожелтели». И карета спокойно продолжала свой путь.

Чем больше он кричал и жестикулировал, тем меньше ему казалось, что он способен передать им свое возмущение.

---

¹ Речь о танцовщице Санкт-Петербургского Большого театра Анне Васильевне Кузнецовой (1844–1922), побочной дочери великого трагика Василия Андреевича Каратыгина. Великий князь Константин по сути создал вторую семью, в которой родилось пятеро детей.

² О своей связи с Анной Кузнецовой великий князь Константин сам поведал жене задолго до указанных событий.

В конце концов он отказался от этих попыток и сидел молча. Но, видимо, он делал выводы.

Они возвратились с прогулки на час раньше обычного. Бабушка ждала их с торжеством в глазах. Она подошла к экипажу с милой приветливой улыбкой. Дед ответил на это такой же улыбкой. Но как только она подошла к нему, он схватил ее за волосы и взмахнул палкой. Прежде чем кто-либо смог его остановить, он отвесил ей чувствительный удар!

* * *

Павловский дворец изначально представлял собой небольшой квадратный дом в стиле русского ампира, построенный императором Павлом для его жены Марии Федоровны. С тех пор дворец расширился двумя крыльями, образовавшими огромную подкову, окружающую широкий двор.

Все богатства искусства и роскоши того периода были вложены в его обстановку. В каждой комнате находились бесценные картины и исторические сокровища, которые порадовали бы сердца музейных сотрудников. На стенах висели Рембрандт, Ван Дейк и Грез, бронзовые дверные ручки были созданы Гутьером. Весь фарфор был подлинным, старинным севрским, привезенным из Парижа молодым Великим князем Павлом и его женой, в память об их пребывании в качестве графа и графини Северных при дворе Людовика XVI и Марии-Антуанетты¹.

В Павловске было много отзвуков преклонения Марии Федоровны перед несчастной королевой Франции. Сады с их статуями и театры под открытым небом, молочные

---

¹ Часть гран-тура по Европе, предпринятого в 1781–1782 годах наследником российского престола князем Павлом Петровичем (1754–1801), будущим императором Павлом I (1796–1801) вместе с супругой Марией Федоровной, урожденной принцессой Софией Доротеей Вюртембергской (1759–1828).

фермы, деревенские мельницы и храмы, разбросанные повсюду, очевидно, были навеяны Версалем.

Одна арочная галерея выходила в сад, где мы часто обедали летом. За несколько лет до моего рождения бабушка пережила там ужасный случай.

Однажды вечером она шла через галерею на обед, сопровождаемая двумя адъютантами, когда все трое увидели женщину, идущую к ним вдаль. Она была одета в белое с головы до пят, но в ее внешности не было ничего необычного, и они посчитали ее одной из дворцовых служанок. Только потом они вспомнили, что ее шаги были беззвучными. Света от угасающего дня, проникающего через арки, было еще достаточно, чтобы они могли ясно видеть ее приближение.

Когда она оказалась в нескольких футах от них, она остановилась, подняла голову и посмотрела прямо на мою бабушку. Никто из них не мог подробно описать ее лицо, они могли только сказать, что оно было полно неопишемого зла и недоброжелательности. Встретив ее взгляд, бабушка была так напугана, что стояла как вкопанная, буквально не в силах пошевелиться. Затем одним быстрым прыжком женщина бросилась на нее, словно собиралась ударить ее.

При этом два адъютанта, оцепеневшие от удивления, пришли в себя и немедленно заслонили бабушку, став перед ней с раскинутыми руками. Но, к своему изумлению, они схватились за воздух. От незнакомки не было и следа; она исчезла так же загадочно, как и явилась.

Бабушке, которая едва не упала в обморок, помогли вернуться в ее покои, где фрейлины приводили ее в чувства. Они вздрогнули, когда она рассказала им о произошедшем... «Вы видели Белую Даму...» — сказала ей одна из фрейлин, чуть не потерявшая сознание от испуга. Она слышала о таинственном древнем призраке, который, появляясь в разных странах, является предвестником горя для членов королевских домов.

На следующий день после явления Белой Дамы заболел младший сын бабушки. Менее чем через неделю он умер¹.

Императрица Австрии Елизавета² во время одного из своих визитов в Грецию рассказывала моей матери, что она тоже видела Белую Даму незадолго до трагической смерти эрцгерцога Рудольфа³. Призрак явился ей во дворце Шенбрунн однажды вечером при тех же обстоятельствах, в которых его видела моя бабушка. «И я знаю, что она снова придет ко мне перед моей смертью...» — добавила императрица.

Не знаю, исполнилось ли это пророчество⁴.

Я был ребенком, когда императрица приезжала в Афины, и видел ее всего один или два раза, но я помню ее ярче, чем многих людей, которых я знал гораздо лучше. Думаю, то же самое было со всеми, кто с ней общался. Ее красота и энергичность производили неизгладимое впечатление.

Она была так очарована Грецией, что решила построить виллу на Корфу. Едва ли она могла бы найти более красивое место — примерно в двенадцати милях от города, на высоком холме с видом на море с одной стороны и грядущих гор — с другой. Но ей даже не пришлось в голову изучить план здания, и она дала архитектору карт-бланш. Поэтому

---

¹ Великий князь Вячеслав Константинович умер в 1879 году в возрасте 16 лет.

² Герцогиня Амалия Евгения Елизавета (1837–1898) — баварская принцесса, супруга императора Франца Иосифа I. Императрица Австрии (с 1854 года), королева-консорт Венгрии (с 1867 года) после образования двуединой Австро-Венгрии. Известна под уменьшительно-ласкательным именем «Сиси».

³ Единственный сын Елизаветы кронпринц Рудольф 30 января 1889 года покончил с собой вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой в замке Майерлинг.

⁴ Елизавета была заколота 10 сентября 1898 года в Женеве итальянским анархистом Луиджи Лукени.

вместо простого коттеджа, который она хотела, он построил огромный и аляповатый дворец, щедро украшенный фресками, статуями и бронзой всех мастей¹. Слышал, что это злодеяние обошлось правительству Австрии в двенадцать миллионов крон.

Всю жизнь императрица боялась потерять красоту. С годами это стало навязчивой идеей. Каждое утро ее великолепные каштановые волосы, которые она собирала в две большие косы, намотанные вокруг головы, расчесывали часами.

Эти причесывания были торжественным ритуалом. Волосы, выпавшие при этом, тщательно собирались и преподносились Императрице на серебряном подносе. Если их число оказывалось слишком большим, весь день для нее был омрачен.

Однажды капитан русской канонерки сообщил, что видел яхту, заходящую в гавань Пирея с сидящей на палубе женщиной, чьи волосы доходили до пят, а двое слуг стояли позади нее, расчесывая ее. «Это могла быть только императрица Австрии...» — сказал мой отец, когда услышал эту историю.

Позже в тот же день ко дворцу подъехала карета, и сообщили о загадочном посетителе, женщине, которая не желала назвать свое имя. Это была, как мы и ожидали, императрица Елизавета.

Она настаивала на соблюдении строгого режима инкогнито, пока была в Греции, хотя в этом не было необходимости, поскольку все знали, кто она такая.

---

¹ Речь об Ахиллионе — дворце в «помпейском» стиле на греческом о. Керкира (Корфу), возведенном в 1890 году по указанию императрицы Елизаветы итальянским архитектором Рафаэлем Каритто. Названием дворец обязан герою «Илиады» Ахиллу, образ которого стал главным при оформлении здания. После смерти Елизаветы германский император Вильгельм II в 1907 году выкупил Ахиллион и превратил в свою летнюю резиденцию.

Она не любила фотографироваться и остерегалась посторонних взглядов — и всегда носила с собой большой веер, чтобы в случае необходимости разворачивать его и прятать лицо от прохожих.

Императрица была прекрасной женщиной во многих отношениях, я думаю, гораздо прекраснее, чем ее изображает большинство биографов. Умная, проницательная, чувствительная, она обладала всеми качествами, чтобы стать великой императрицей. Но ей трагически не хватало чувства меры. Даже в мелочах повседневной жизни она не знала умеренности. Она не могла заниматься чем-либо, не превращая это в манию.

Находясь на Корфу, она решила выучить греческий язык, хотя приехала туда отдыхать. Греческий язык сложен, и его изучение вряд ли можно рекомендовать как успокаивающее занятие. Императрица, конечно, не считала это таковым ни для себя, ни для кого-либо еще, потому что она измотала своих двух учителей, графа Меркати и мистера Христоманоса. Каждый день она проходила десять или двенадцать миль с одним из них, всю дорогу разговаривая по-гречески, и даже во время церемонии расчесывания волос один из них всегда присутствовал и читал ей.

Ее фигура стала для нее еще одной навязчивой идеей. Хотя она была чрезмерно стройной, когда приехала в Грецию (она весила, я полагаю, всего семь стоунов¹), ни одна голливудская кинозвезда не смогла бы придерживаться ее спартанского режима. Постоянная диета делала ее раздражительной и подавленной. Даже когда она обедала с моими родителями, она обыкновенно не ела ничего, кроме салата и фруктов, и сразу же после этого начинала одну из своих утомительных прогулок, скользя по земле, словно беспокойное красивое привидение.

---

¹ То есть приблизительно 44 кг (1 стоун равен 14 фунтам или 6,35 кг).

* * *

Еще одно воспоминание из моего детства — землетрясение в Греции в 1894 году¹. С тех пор я пережил несколько, но это, хотя и не самое сильное, было страшнее, чем другие, потому что оно продолжалось две недели.

Самым любопытным фактом было то, что оно началось в Страстную пятницу, как раз в тот самый момент, когда Евангелие дня читалось в церквях по всей стране. Тысячи людей слушали слова: «...и земля содрогнулась, и завеса в храме разорвалась надвое», когда почувствовали, как земля вздымается под их ногами, и увидели покачивающиеся над ними каменные столбы.

В полностью забытых церквях Афин случились ужасающие сцены, поскольку десятки людей были растоптаны насмерть в безудержном стремлении пробраться к выходу. Паника нанесла гораздо больший урон, чем землетрясение.

Я не знаю ничего страшнее землетрясения. Странная, давящая тишина, которая предшествует этому, когда ни один лист не шевелится на деревьях; море кажется абсолютно спокойным и зловещим; раздается тоскливый вой собак; чувство страха, которое, кажется, передавалось всем живым существам, подчиняясь некоему глубинному первобытному инстинкту. А затем финал — могучий грохот, похожий на стон какого-то огромного монстра, тошнотворная дрожь земли; крики мужчин и женщин; крушение зданий, равняющихся с землей пережившей слишком много эпох, чтобы сосчитать людей, которые строят на ней свои жалкие жилища.

Я наблюдал за этим первым землетрясением из укрытия, каким мне тогда казался кабинет отца. Я помню, как

---

¹ Землетрясение силой 7,0 баллов по шкале Рихтера с эпицентром в Аталанти, произошедшее 27 апреля 1894 года унесло жизни 225 человек.

стоял на диване в белом пикейном платье с синим поясом, рука отца крепко обнимала меня, он дрожал с головы до ног, но все же я был полностью уверен, что он сможет защитить меня.

Конечно, мне было всего пять лет, и я видел в нем Верховное Существо моего маленького мира, но он внушал то же чувство уверенности всем, кто его знал.

В первые годы своего правления он столкнулся со многими трудностями, поскольку положение короля было больше похоже на положение усыновленного ребенка, избалованного добротой с одной стороны и обвиняемого в том, что он чужак — с другой. Он сам это понимал. Его любимым утверждением для нас было: «Вы никогда не должны забывать, что вы иностранцы в этой стране, но вы должны заставить их забыть об этом».

Ему было всего восемнадцать лет, он все еще учился в Военно-морской кадетском училище Копенгагена, когда за ним послал двоюродный дедушка, король Дании Фредерик VII¹, и сказал, что прибыла депутация из Афин, чтобы предложить ему корону Греции и что он должен ее принять.

К тому моменту ценность короны заметно поубавилась, так как она безуспешно предлагалась по всей Европе в течение нескольких месяцев. Опыт короля Оттона, единственного правителя, который был у греков с момента их освобождения от четырехсотлетнего подчинения турецкому игу, не внушал оптимизма, поскольку его правление было бурным со дня его восшествия на престол в 1833 году до его свержения тридцать лет спустя. Внутриполитические интриги, с одной стороны, и вмешательство великих держав-покровительниц, Франции, Англии и России, с другой, сделали его задачу невыполнимой.

---

¹ Король Дании (1848–1863), в силу бездетности последний правитель из династии Ольденбургов.

Поэтому найти преемника было нелегко. Корону предлагали сыну королевы Виктории, герцогу Эдинбургскому¹, а также бельгийским и немецким принцам, но все они отказались от нее.

Затем Греческое Национальное Собрание, подстрекаемое державами-покровительницами, решило сделать еще одну попытку и отправить делегацию в Копенгаген, чтобы пригласить принца Вильгельма, сына принца Дании Кристиана, племянника короля, взойти на трон.

Мой отец хотел отказаться, как и другие принцы. Перспектива править далекой страной и беспокойным народом, язык которого он даже не знал, не приводила его в восторг. Кроме того, это означало отказ от избранной им карьеры на флоте, а он был прирожденным моряком и больше всего любил море.

Его отец тоже считал, что следует отказаться, но старый король был непреклонен. Между ним и его племянником были жесткие споры.

— Я говорю вам, что моего мальчика не заставят ехать в Грецию...

— Хорошо, тогда, если вы не позволите ему уехать, я прикажу вас застрелить...

Послали за Вильгельмом, поставили его перед фактом. Он молча слушал все, что они говорили.

— Я хотел бы подумать над этим в течение часа... — сказал он.

Итак, он отправился в сад и там в одиночестве принял решение, навсегда отказавшись от мира и безопасности Дании и своей заветной мечты о море.

---

¹ Принц Альфред (1844–1900), герцог Эдинбургский, граф Ольстерский и Кентский (1866–1893), затем (с 1893 года) герцог Саксен-Кобург-Готский. Второй сын королевы Великобритании Виктории и ее супруга принца-консорта Альберта. Был женат (с 1874 года) на великой княжне Марии Александровне (1853–1920) — единственной дочери российского императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

На следующий день король принял греческую делегацию во дворце, и датский принц Вильгельм официально принял титул короля эллинов Георга I.

На церемонии он выглядел очень красивым, как рассказывала мне бабушка спустя долгое время: высокий и прямой, в форме датского адмирала, он казался старше и серьезнее своих лет. Он не подал виду, каких усилий стоило ему это решение.

В октябре 1863 года он отправился в свое новое королевство и начал изучать язык и обычаи своих подданных. Первые четыре года своего правления он никогда не покидал страну. Вместо этого он путешествовал по Греции, свободно общаясь со всеми классами людей.

Он привез с собой нескольких датских советников, в том числе графа Шпонека¹, но тот пробыл в Греции недолго, так как старый государственный деятель был слишком склонен к диктатуре. Греков возмущало его чувство собственного превосходства, и мой отец считал, что верность Греции превыше всего. Он никогда не позволял никому критиковать своих министров, и нам никогда не разрешалось говорить о политике дома. Он очень мудро отказался вмешиваться в партийные споры, ибо любовь к политическим интригам погубила греков.

С самого начала он показал отличное понимание своих подданных. Они не всегда заслуживали доверия, но он безоговорочно доверял им, и его уверенность покорила их сердца.

Он был прирожденным правителем, так как обладал силой характера и не боялся ее показывать, хорошо разбирался во всех вопросах и не колеблясь высказывал свое мнение, чего бы это ни стоило. У него был инстинкт

---

¹ Вильгельм Карл Эппинген Шпоннек, граф (1815–1888) — датский государственный деятель, экономист, министр финансов (1848–1854). Советник греческого короля Георга I в 1863–1865 годах.

к государственной мудрости и он дружил с величайшими государственными деятелями своего времени, но во всех делах поступал искренне. Самые скромные из его подданных знали, что они могут обратиться к нему напрямую. Он часто заходил в дома своих подданных, разговаривал с ними, как с равными, давал советы, если они просили об этом, решал их проблемы, если мог.

Ни один человек никогда не работал больше, чем он. Его «рабочий день» никогда не был короче десяти часов и зачастую длился двенадцать или даже двадцать четыре часа, если возникал кризис.

Каждое утро он вставал в 7:30 и до завтрака, то есть до 9:30, просматривал переписку. После этого начинались совещания с домашним персоналом, проверялись счета, выдавались указания для приема гостей. Затем он шел в свой кабинет и проводил остаток утра, принимая министров и давая аудиенции. До обеда он часто принимал от пятидесяти до шестидесяти человек, так как любому, кто хотел его увидеть, достаточно было написать свое имя в книге аудиенций — и встречу назначали. Днем, если не нужно было открывать больницу или школу или посещать общественное собрание, приходилось иметь дело с перепиской. Рутинную работу выполняли секретари, но отец предпочитал писать большую часть писем самостоятельно. Обычно ему удавалось выкроить свободное время, час или около того в день, когда он выходил гулять или кататься с одним из нас. В первые годы брака мама всегда ездила с ним, но потом у нее ухудшилось зрение, и ее место заняла сестра Минни¹.

У отца никогда в жизни не было полицейского телохранителя. В город он выезжал с одним из нас или с адъютантом.

---

¹ Мария Георгиевна (1876–1940) — пятый ребенок короля Греции Георга I и великой княжны Ольги Константиновны. Супруга (с 1900 года) великого князя Георгия Михайловича (1863–1919), с 1922 года — греческого адмирала Периклиса Иоаннидиса (1881–1965).

В 1898 году, когда отец ехал в экипаже с моей сестрой Минни, случилось покушение. Внезапно двое мужчин выскочили с тротуара на дорогу, присели там с винтовками и открыли по ним огонь. Пуля просвистела через шляпу кучера, другая задела ногу лакея.

Минни, охваченная любопытством, осматривалась по сторонам. Отец схватил ее за шею и одной рукой прижал к полу кареты, а другой злобно тряс тростью в сторону нападавших.

Присутствие духа кучера спасло ситуацию, потому что он погнал лошадей и покинул зону досягаемости пуль прежде, чем кто-либо из них был ранен. Потенциальных убийц поймали, судили и признали фанатичными анархистами¹.

Единственным результатом инцидента было то, что король стал более популярным в Греции, чем когда-либо прежде. Народ построил церковь на том месте, где было совершено покушение на жизнь короля, и огромные толпы людей благодарили Бога за его спасение.

Мама всегда хранила кольцо сбруи, через которое прошла пуля. Ее тревожили опасения за безопасность отца, хотя она никогда о них не говорила.

Ни один брак не был более искренним, чем брак моих родителей. Отцу было всего двадцать два года, когда, по уговорам своих советников, которые настаивали на необходимости королевы для страны, он поехал в Россию, чтобы найти супругу. Но той, кого он выбрал, была маленькая пятнадцатилетняя Великая княжна Ольга, которая не завершила учебу и с которой он случайно виделся лишь однажды,

---

¹ Покушение произошло 27 февраля 1898 года в Афинах. Нападавшие — двое местных конторских служащих — сумели бежать в горы, но вскоре были схвачены и казнены. Любопытно, что покушение и рост популярности заставили короля отказаться от мысли об отречении, к которому его подталкивало поражение в греко-турецкой войне 1897 года.

когда был в гостях у ее родителей¹. С этого момента его судьба была решена. Через несколько месяцев они обвенчались. Невеста была еще совсем ребенком и привезла с собой в новую страну своих кукол.

Перед въездом в Афины она надела платье в греческих синем и белом цветах, и толпа на улице громко приветствовала ее. Ее застенчивая молодость и красота покорили в тот день впечатлительные сердца греков, и, несмотря на все превратности судьбы нашей династии, королева никогда не теряла любви народа.

---

¹ Впервые Георг I увидел великую княжну Ольгу Константиновну во время своего визита в Россию в 1863 году, когда ей было всего двенадцать лет. Свадьба состоялась в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге 27 октября 1867 года.

ГЛАВА II

ПОЕЗДКИ В ДАНИЮ. — КАЙЗЕР ВИЛЬГЕЛЬМ НА КОРФУ

Наша семья представляла собой Вавилонскую башню. Родители общались друг с другом по-немецки и по-английски с нами, детьми, за исключением моего брата Андрея, который категорически отказывался говорить на каком-либо языке, кроме греческого. Мы говорили по-гречески в детской и на уроках. Моя невестка¹, дочь принца Ролана Бонапарта², со всеми говорила по-французски; жена моего брата Николая, Великая княгиня Елена³, говорила с моей матерью по-русски и по-английски с остальной семьей. Наши датские и русские родственники, когда они собирались вместе, делали разговор еще более разнообразным. Одной из тех, кто приезжал к нам в гости, была двоюродная сестра

---

¹ Мари Бонапарт (1882–1962) — супруга (с 1907) графа Георга Корфского (второго сына Георга I и Ольги Константиновны), принцесса Греческая и Датская. Известна как писательница, переводчица, пионер психоанализа во Франции. Ученица (с 1925 года) и последовательница Зигмунда Фрейда.

² Ролан Наполеон Бонапарт (1858–1924) — сын принца Пьера Наполеона Бонапарта (1815–1881) и Элеонор Жюстин Рюфлен (1832–1905), внук Люсьена Бонапарта — брата императора Наполеона I.

³ Елена Владимировна (1882–1957) — дочь великого князя Владимира Александровича и Марии Павловны, герцогини Мекленбург-Шверинской. Супруга греческого принца Николая (1872–1938), третьего сына короля Греции Георга I и его супруги Ольги Константиновны.

моей матери, принцесса Тереза Баварская¹, она поражала всех своей эрудицией; она знала двадцать разных языков и свободно отвечала на любом из тех, на которых ей приходилось общаться. Она была чрезвычайно интересной личностью, известным ученым и исследователем; было очень мало уголков земного шара, которые она не посещала, изучая флору и фауну.

Моя мама, как и все русские, была прирожденным лингвистом. Когда она приехала в Грецию, она не говорила ни по-гречески, ни по-английски, но менее чем за год она выучила оба языка. Она, должно быть, передала нам часть своего таланта, поскольку я могу сказать абсолютно честно и без пафоса, что все мы довольно бегло говорим на пяти-шести языках. Русский язык я изучил естественным образом, так как мне приходилось общаться на нем с моими кузенами во время поездок в Россию, в то время как первые итальянские слова я подхватил, когда услышал, как моя английская няня и Марианна, горничная с Корфу, разговаривали на нем друг с другом.

Этот дар языков очень пригодился, когда каждое лето мы приезжали в старый дом моего отца в Дании, где собиралась вся семья, состоящая из дядей, тетей, двоюродных братьев и других различных родственников, мы представляли по меньшей мере полдюжины национальностей.

Наши дедушка и бабушка, король Кристиан IX и королева Луиза, обожали эти встречи в одном из их загородных замков, Бернсторфе или Фреденсборге, где они могли насладиться идеальной патриархальной жизнью, столь дорогой их сердцам, в окружении своих шести сыновей

---

¹ Принцесса Тереза Баварская (1850–1925) — единственная дочь принца-регента Баварии Луитпольда и его супруги Августы Фердинанды Австрийской. Сестра последнего короля Баварии Людвига III (1913–1918). Видный немецкий ботаник, зоолог и этнограф. Почетный член Баварского географического общества и Баварской академии наук (1892), почетный доктор философии Мюнхенского университета (1897).

и дочерей, их жен, мужей и многочисленных детей; мир мог знать их как королей, королев и принцев среднего возраста — они же видели в них своих детей, которых хвалили или ругали, когда возникала необходимость.

Отец, который не был склонен охотно прислушиваться к чужим советам, со смирением слушал, как дедушка излагал свои взгляды на политику. Королева Александра, в то время принцесса Уэльская, прослушала множество лекций на тему управления мужем!¹

Тем не менее, мы, тридцать шесть внуков, составлявших молодое поколение, не испытывали трепета перед «Апапа» и «Амама», как мы называли дедушку и бабушку. Они любили нас баловать, как это делают бабушки и дедушки во всем мире; мы знали это. Осознание того, что мой отец, до сих пор непогрешимый, как Божество, на самом деле боялся деда, было для меня сюрпризом, не лишенным нечестивого удовольствия! Это потребовало полной перестройки моего мировоззрения.

У короля Кристиана было механическое пианино, которое стало для меня самой большой радостью. Однажды утром я уселся за него, как только мы все встали после завтрака, и начал играть, к большому раздражению отца, который категорически приказал мне остановиться. Я в замешательстве хотел послушаться, когда на помощь пришел дедушка:

— Ребенок может делать что хочет, — сказал он. Затем обратился ко мне: — Давай, играй.

Я начал играть, но с озорным лицом и некоторыми тайными опасениями. Я не мог не задаться вопросом, что произойдет, если отец вспомнит неприятный инцидент, когда мы вернемся в Грецию, где дедушка не сможет защитить меня. Но об этом случае больше не вспоминали.

---

¹ Александра Датская (1844–1925) — старшая дочь датского короля Кристиана IX Глюксбурга и Луизы Гессен-Кассельской. Супруга английского короля Эдуарда VII (1901–1910), отличавшегося большим количеством любовниц.

Те недели в Дании все мы считали прекрасным праздником. Взрослые оставляли позади государственные дела, детей освобождали от уроков. Дед не только поощрял нас в наших авантюрах, но и сам участвовал в них. У бабушки была пожилая фрейлина, которую мы любили дразнить. У нее был длинный нос, ярко-красный, с вздернутым кончиком, что меня очаровало. Однажды вечером во время ужина я смотрел на нее, пока не пришло вдохновение. Я украдкой вытряхнул в руку немного перца и подул в ее сторону; через несколько секунд она начала чихать.

Моя двоюродная сестра, принцесса Виктория Великобританская¹, рядом с которой я сидел, заметила мой маневр, и мы вдвоем хихикали, когда дед наклонился и попросил поведать, в чем шутка. Несмотря на мои умоляющие взгляды, Виктория все ему рассказала, и, к моему облегчению, вместо выговора, которого я ожидал, он рассмеялся. Затем, взяв свою перечницу, он проделал тот же эксперимент со старушкой, но вместо того, чтобы держать ладонь раскрытой, он взял перец в пригоршню, в результате чего попало и ему в нос. Итак, они оба расчихались до слез! Но после отец отчитал меня за то, что я сбил дедушку с пути истинного; тем не менее, у него был озорной огонек в глазах, ведь никто не ценил шутки больше, чем он.

Я должен здесь признать, к своему вечному стыду, что это произошло давно после смерти бабушки, когда я был уже взрослым и, как предполагалось, должен был достичь возраста рассудительности.

Бабушка² умерла, когда я был еще мал, но я ее прекрасно помню. У нее были белые волосы и ангельская внешность, ее

---

¹ Виктория Великобританская (1868–1935) — член британской королевской семьи, дочь короля Эдуарда VII и Александры Датской; младшая сестра короля Георга V (1910–1936).

² Луиза Гессен-Кассельская (1817–1898) — дочь немецкого принца Вильгельма Гессен-Кассель-Румпенхаймского и его супруги Шарлотты Ольденбургской. Ее мать приходилась

катали по розовому саду в инвалидном кресле, в руке она держала ножницы. Она обожала розы, и единственный смертный грех в ее глазах заключался в том, чтобы кто-то из нас, за исключением моей сестры Минни, срезал их без ее разрешения.

Бабушка была кроткой маленькой леди, которая предпочитала управлять своим домом, а не королевством. Она могла бы лично править в Дании, поскольку корона перешла именно к ней, но вместо этого она уступила ее своему мужу, принцу Кристиану Шлезвиг-Гольштейнскому. Она помнила каждую годовщину, знала, что всем нравится и не нравится в еде, и с сияющим лицом заправляла за обеденным столом.

Нам, детям, нравилась неформальность этих застолий. На них не было прислуги, и горячее стояло в посуде на буфете. Мы получали тарелки, ножи и вилки с бокового столика, а затем выбирали то, что хотели, из разнообразных блюд.

Больше всего мне нравился суп оллеброд. Он подавался на завтрак и распространен только в Дании. Его готовили из сваренных вместе черного хлеба и темного пива, и ели из суповых тарелок, в которые заранее насыпали коричневый сахар. Сверху его поливали густыми сливками. На бумаге это звучит ужасно, но на самом деле это было очень вкусно. Еще мы все любили малиновое желе, со сливками, тоже датское блюдо. Несомненно, все это побуждает видеть во мне обжору, но и по сей день при одной мысли обо всех этих яствах у меня текут слюнки!

Если обед был официальным, то церемониймейстер всех рассаживал, все входили в большую столовую рука об руку в величественной процессии ровно в 6:30. После этого мы все расходились по комнатам, чтобы снова встретиться в гостиной в девять часов за чаем и другого рода прохладительными напитками. Затем начинали играть в «Лу», интересную старинную карточную игру, которая на протяжении веков была популярна при европейских дворах.

внучкой королю Дании Фредерику V (1723–1766). Супруга короля Кристиана IX.

После обеда я всегда старался увязаться за тетей Аликс (как мы называли принцессу Уэльскую)¹, потому что она была моей любимицей среди родственников, возможно, потому, что она была самой красивой в моем маленьком мире. Даже по прошествии всех этих лет я помню ее такой, как я видел ее тогда, грацию каждого движения, сладость ее улыбки. Ни одна женщина не обладала в большей степени таким неизмеримым качеством, как обаяние. Это в сочетании с красотой вскружит голову любому, если только он не создан из камня. Все, кто ее знал, попадали под ее чары, как взрослые, так и дети, потому что она могла беседовать с любым из них с равным интересом. Она была очень находчива, у нее всегда был наготове остроумный ответ, и она прекрасно пародировала других, но все же ее остроумие никогда не было жестоким. Она была любимой сестрой моего отца; они никогда не переставали писать друг другу хотя бы раз в неделю, а то и больше, вплоть до дня его смерти².

Тетя Минни, русская Императрица Мария Федоровна³, была уменьшенной и менее красивой версией своей сестры; у нее было то же обаяние, тот же такт, но она обладала более сильным характером. Хотя она была миниатюрной, она могла войти в комнату так величественно, что все замолкали и поворачивались, чтобы взглянуть на нее. Она много курила, но не хотела, чтобы об этом знал кто-то, кроме членов семьи, поэтому, если кто-то вдруг входил в комнату, она немедленно прятала сигарету за спиной, забывая о клубах дыма, валивших, словно из кадила.

Ее муж, император Александр III, которого мы называли дядей Сашей, был ростом около шести футов пяти дюймов⁴

---

¹ Речь об Александре Датской (см. выше).

² Король Георг I погиб в результате покушения 18 марта 1913 года.

³ Мария Федоровна, при рождении Дáгмар (1847–1928) — вторая дочь будущего короля Дании Кристиана IX. Супруга императора Александра III (с 1866 года), мать Николая II.

⁴ 193 см.

и колоссально силен. Мы, дети, очень любили его, потому что он был добрым и веселым и умел делать всевозможные трюки, например разрывать целую колоду карт руками или сгибать серебряную тарелку, словно картон.

Однажды летом во Фреденсборге мои старшие братья и двоюродные братья организовали велосипедный клуб, и Император был единогласно избран президентом. Они составили официальный документ на французском языке, в котором объясняли, что, хотя они полагают его слишком толстым, чтобы ездить на велосипеде, все же хотели оказать ему честь возглавить клуб. Хотя он и притворился разъяренным, тем не менее принял предложение с большой гордостью.

Он любил розыгрыши и всегда удивлялся, если люди находили их возмутительными. Однажды во время одной из семейных встреч в Дании его племянники подарили ему на день рождения садовый распылитель воды. Он опробовал его на следующее утро, когда увидел короля Швеции Оскара¹, в то время как тот шел, беседуя с королем Дании, безупречно одетый, в сюртуке и цилиндре. Искушение оказалось слишком сильным для императора, поэтому он повернул распылитель в сторону короля Оскара и облил его с головы до ног, к большому удовольствию принца Уэльского, который наблюдал за сценой в окно. Единственным человеком, которому шутка не понравилась, был король. Хотя Император извинился, он так и не простил его.

Третья сестра моего отца, тетя Тира, герцогиня Камберлендская², тоже приезжала на эти семейные встречи со своим мужем и детьми. Мы все очень любили дядю Эрнста,

---

¹ Оскар II (1829–1907) — король Швеции (1872–1907) из династии Бернадотов, сын короля Оскара I (1844–1859) и Жозефины Лейхтенбергской.

² Тира, принцесса Датская (1853–1933), — младшая дочь короля Дании Кристиана IX и его супруги Луизы Гессен-Кассельской. Супруга (с 1878 года) кронпринца Эрнста Августа Ганноверского, 3-го герцога Камберлендского и Тевинтдейлского, единственного сына короля Ганновера Георга V.

как звали герцога, но при этом мы безжалостно дразнили его. У него было длинное тело и невероятно длинная шея, увенчанная восхитительно плоским лицом, практически без носа, достойного упоминания. Он ненавидел переодеваться к обеду, когда гостил у родителей жены; он никогда не хотел надевать что-либо кроме своего любимого охотничьего костюма, который состоял из короткого тирольского жакета, кожаных шорт, обнажающих колени, и тяжелых ботинок. Он сидел неподвижно и в течение всего обеда чувствовал себя неуютно в отглаженной рубашке и во фраке, с таким коротким воротником, что его вряд ли можно было назвать таковым, на который он наматывал вечерний галстук, не намного шире обычного шнура для обуви.

Дядя Фредди, кронпринц, а затем король Фредерик VIII¹, тоже увлекся велоспортом. Он ездил на велосипеде всего около недели, когда ехал по большой дороге, окаймленной глубоким рвом, с другой стороны которого находился тротуар. Все шло хорошо, пока две идущие навстречу пожилые дамы не узнали его и не начали делать реверанс. К сожалению, когда он убрал руку с руля, чтобы поднять шляпу, велосипед вышел из-под контроля, слетел в канаву и приземлился на тротуаре. Секунду спустя бедные старушки лежали в канаве, а на них — кронпринц и его велосипед.

Он был не единственной жертвой велосипедной мании. Однажды королева Мод Норвежская², принцесса Виктория, великий князь Михаил³ и я собирались покататься верхом

---

¹ Фредерик VIII (1843–1912) — король Дании (1906–1912) из династии Глюксбургов. Старший сын короля Кристиана IX и Луизы Гессен-Кассельской.

² Мод Норвежская (1869–1938) — младшая дочь короля Великобритании Эдуарда VII и Александры Датской. Супруга норвежского короля Хокона VII (1905–1957) и мать Улафа V (1957–1991).

³ Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) — четвертый сын Александра III. Сыграл заметную роль в событиях Февральской революции 1917 года Рассматривался в качестве

в лесу Бенсторфа. Мы только выехали и неспешно ехали по большой дороге, как вдруг женщина лет пятидесяти слетела с холма на велосипеде и врезалась на полном ходу в ограду пешеходной дорожки, да так и осталась на ней висеть. Великий князь спрыгнул с лошади, передав мне поводья, и галантно помог даме встать. Она мучительно ахнула: «Где мама?» Никто из нас не смог ей ответить. «Она только начала кататься на велосипеде, и я не знаю, что с ней будет...» — взволнованно продолжала дочь, когда второй велосипед проехал вниз по склону. На нем сидела старуха лет семи-десяти в туго зашнурованном корсаже и шляпке. Педали безумно крутились под двумя толстыми ножками, которые беспомощно торчали. Ее волосы развевались, глаза смотрели прямо в небо, будто она уже собиралась встретиться с Создателем, она ехала прямо на свою ничего не подозревающую дочь, которая повернулась спиной к приближавшейся угрозе! Я забыл упомянуть, что первый велосипед продолжил катиться себе дальше и теперь наслаждался заслуженным отдыхом в канаве в нескольких сотнях ярдов ниже по склону. Великому князю удалось вызволить из передраги покрытое синяками, нетвердо державшееся на ногах, но неустрашимое семейство. «Я научусь ездить на этой машине, даже если это отнимет у меня остаток жизни», — решительно сказала мать, и ее дочь согласно кивнула разбитой головой!

Долгие летние дни в Дании проходили беззаботно и счастливо. Пока не станет слишком поздно, никто не осознает, насколько счастливым может быть детство!

Однажды я обратился к матери после какой-то тривиальной школьной неудачи: «О, если бы я только вырос». «Помни эти года, ты всегда будешь вспоминать о них как о самых счастливых в жизни», — ответила она. Как часто я вспоминаю об этих словах!

преемника своего брата Николая II или регента при малолетнем царевице Алексее.

Взрослые, которым не нужно было постоянно заниматься детьми, погружались в свои личные дела. Мужчины ездили верхом или в авто, к нам часто присоединялись некоторые дамы. Королева Дании с тремя дочерьми практиковала игру в восемь рук на двух фортепиано. Жена принца Вальдемара¹, принцесса Мария Орлеанская², страстно увлекалась верховой ездой и опробовала каждую лошадь в конюшнях. Она была самым веселым и очаровательным человеком, всегда что-то придумывала. У нее был исключительный талант к рисованию и лепке, она вылепила из глины множество животных, которые были воспроизведены в фарфоре на знаменитой копенгагенской фабрике. Но возвратимся к верховой езде. На ферме был огромный бык. И принцесса задумала оседлать это! Она это сделала и каталась на огромном животном вверх и вниз по лужайке перед домом! Нам, молодому поколению, подарили велосипеды, на которых мы катались по окрестностям, возвращаясь домой к обеду, пыльные, взлохмаченные, с урожаем новых синяков. Забавно вспоминать об этом, и в то же время в этих воспоминаниях кроется трагедия, когда думаешь о том, что пятеро из этих кузенов, столь исполненных радости жизни, позже взошли на троны. Сын тети Минни стал несчастным русским императором Николаем II, сын тети Аликс стал королем Англии Георгом V; мой брат Константин был королем Греции; сын дяди Фредди теперь король Дании

---

¹ Вальдемар Датский (1858–1939) — младший сын короля Кристиана IX и его жены Луизы Гессен-Кассельской, член королевской Датской семьи. Наследник греческого престола с 1863 по 1868 год. Во время Болгарского кризиса 1885–1887 годов был избран на болгарский престол, но отказался от избрания.

² Мария Орлеанская (1865–1909) — старшая дочь Робера, герцога Шартрского (второго сына Фердинанда Филиппа, герцога Орлеанского) и его жены принцессы Франсуазы Орлеанской. Жена (с 1885 года) принца Вальдемара Датского.

Кристиан Х¹, а его брат Карл — нынешний король Норвегии Хокон VII. На сегодняшний день живы только двое из этой веселой компании, так что давайте будем благодарны Богу за то, что будущее скрыто от нас!

Во Фреденсборге был красивый парк, открытый для публики в определенные дни недели. Поскольку он был очень обширным, посетители постоянно терялись в лабиринте тропинок.

Однажды днем мой отец, русский император и принц Уэльский гуляли там, когда к ним обратился человек, который попросил показать ему выход. Они сопровождали его до ворот, по дороге обсуждая погоду, урожай и политику.

Когда, наконец, они расстались у ворот, незнакомец поблагодарил их, добавив:

— Мне очень понравилось гулять с вами, господа, и я надеюсь, что мы еще встретимся; могу я спросить ваши имена?

— Конечно, — ответил мой отец, — я король Греции, это принц Уэльский, а это император России.

Несчастный господин, должно быть, подумал, что попал в сумасшедший дом вместо замка Фреденсборг, потому что на его улыбающемся лице появилось выражение ужаса:

— Тогда я — Иисус Христос, — сказал он и убежал, преследуемый смехом.

У моего деда тоже был забавный опыт во Фреденсборге. У дверей замка дежурил молодой часовой, призывник из деревни. Ему было приказано никого не впускать, и он воспринял приказ слишком буквально. Итак, когда король вернулся с прогулки по саду, его категорически отказались впустить.

— Но я живу здесь, — объяснял он. — Я король.

— Кто угодно может так сказать, — скептически ответил часовой, — но все же тебе лучше уйти отсюда, прежде чем я тебя прогоню!

---

¹ Кристиан Х (1870–1947) — старший сын Фредерика VIII и Ловизы Шведской. Король Дании (1912–1947) и Исландии (1918–1944).

К счастью, в это время подрос адъютант, и король вернулся домой.

Осень снова застала нас в Греции, где меня передали моему швейцарскому наставнику Роберту Штукеру¹, доктору философии, который обучал меня долгие годы и наконец стал моим конюшим. Университетские профессора обучали меня греческому языку, древнему и современному (я мог отчеканить большую часть «Одиссеи», как попугай), истории, географии, литературе и математике. Я бывал в университетской химической лаборатории, что меня очень позабавило.

Моя классная комната больше подходила для класса из пятидесяти человек, чем для одного маленького мальчика и репетитора. Она была огромна, как и все комнаты дворца. Голые белые стены с развешанными на них картами, керамическая печь и два стола, один для моего учителя, а другой для меня. Была там и доска, а также ужасная мебель, относившаяся ко временам короля Оттона. Каждое утро в шесть утра меня вытаскивали из постели в ненавистную холодную ванну; обычных ванн в те времена не существовало. Осмелюсь предположить, что это была отличная дисциплина, но до сих пор я благодарен за то, что могу вставать, когда мне захочется, и наслаждаться настоящей теплой ванной! После раннего завтрака у меня начинались уроки с 7 до 9:30, когда я спускался на обычный завтрак с отцом и другими членами семьи. Завтрак подавался в покоях мамы. В 10 уроки начинались снова и продолжались до 12, когда я сбегал вниз в гимнастический зал, который находился в саду. Там вместе с нынешним королем, который был младше меня менее, чем на два года, мы начали заниматься физическими

---

¹ Роберт Штукер, барон (1863–1940) — историк, педагог, переводчик и дипломат швейцарского происхождения. Наставник в греческой королевской семье (с 1890 года), удостоен придворного звания камергера (с 1902 года). Советник Георга I, совершил по поручению короля ряд дипломатических миссий в Санкт-Петербург, Константинополь, Копенгаген, Лондон и Берлин.

упражнениями и гимнастикой (включая фехтование) под руководством немецкого инструктора. Затем мы спешили домой к семейному обеду.

В 2 часа уроки начинались снова и продолжались до 4, после чего мы выходили на прогулку и снова возвращались за этот проклятый стол для подготовки к учебным пыткам на следующий день! В 7:30 мы желали спокойной ночи родителям и отправлялись спать... Только для того, чтобы на следующий день начать все сначала.

Так продолжалось примерно до четырнадцати лет, когда я начал ужинать вместе с взрослыми и отправлялся спать ровно в 10; и какой же шум поднимался наверху, если я опаздывал на несколько минут!

В то время я начал посещать военное училище два раза в неделю для тренировок, как это делали ранее все мои братья. Нам всем это нравилось, поскольку означало общение с другими мальчиками нашего возраста. Мой брат Андрей¹ подружился там с другим мальчиком своего возраста, которого звали Пангалос. Дружба последнего, вероятно, не была очень искренней, так как годы спустя, когда он стал диктатором Греции, он проявил немалое стремление расстрелять своего бывшего друга и товарища!²

Когда я достиг совершеннолетия, я вступил в Первый пехотный полк. Не потому, что у меня были какие-то особые склонности или симпатии к армии, а просто потому, что в семье была традиция: каждый мальчик должен был служить в армии либо на флоте. Так что я начал военную

---

¹ Андрей Греческий и Датский (1882–1944) — четвертый сын короля эллинов Георга I и Ольги Константиновны. Отец Филиппа Греческого и Датского (1921–2021), ставшего в 1947 году супругом будущей королевы Великобритании Елизаветы II.

² Теодорос Пангалос (1878–1952) — греческий генерал и политический деятель, активный сторонник Э. Венизелоса. Диктатор в 1925–1926 годах, в 1926 году совмещал посты президента и премьер-министра Греции.

карьеру и постепенно прошел чины капрала, сержанта и фельдфебеля, пока не стал лейтенантом. Моим любимым хобби была игра на фортепиано, которой я обучался наравне с другими уроками; я мог бы неплохо преуспеть в этом, если бы у меня было больше свободного времени.

Мои сестры получали образование у гувернанток и университетских профессоров со специальными учителями по музыке и живописи. Их обучение было таким же строгим, как и наше, потому что школьную дисциплину контролировал отец, которого никто из нас не посмел бы ослушаться. Тем не менее, мы все очень любили его, как и все, кто знал его. У него было такое истинное и глубокое понимание всех нас, такое острое чувство юмора; никто не мог быть лучшим товарищем.

Его зоркие глаза, казалось, никогда ничего не упускали. Для нас было бесполезно пытаться ускользнуть от утомительных придворных обязанностей, надеясь тихонько покурить в коридоре, потому что его орлиный глаз улавливал любое едва заметное движение позади него, и он звал нас, едва мы приближались к выходу. Его глаза торжествовали, когда мы снова робко крались назад, хотя он мог казаться полностью поглощенным серьезным разговором с каким-нибудь пожилым государственным деятелем.

Афины в целом были, пожалуй, одним из самых демократичных городов Европы. Никаких титулов и социальных различий практически не было. За исключением, конечно, тех случаев, когда человек занимал пост премьер-министра, архиепископа или какого-нибудь генерала или адмирала. Всех нас по-прежнему называли по именам, без упоминания титула «королевское высочество»: «А вот и Георг, или Николай», — и так далее, люди громко переговаривались, когда видели кого-нибудь из нас на улице. На придворный бал приходили почти все. На одном из них брату Константину¹

---

¹ Константин I (1868–1923) — старший сын греческого короля Георга I и великой княжны Ольги Константиновны. Король эллинов в 1913–1917 и 1920–1922 годах.

представили женщину, лицо которой показалось ему смутно знакомым. Ему было интересно, где он видел ее раньше, он внезапно вспомнил, что она была дочерью его камердинера, который женился на Джейн — одной из английских горничных. Девушка, вышедшая замуж за морского офицера, имела полное право явиться при дворе.

В другой раз иностранец, остановившись в отеле, нанял экипаж, чтобы отправиться во дворец. «Не могли бы вы поехать чуть раньше? — попросил кучер. — Потому что я сам собираюсь пойти на придворный бал, и мне нужно успеть заехать домой и переодеться». Джентльмен засмеялся над тем, что, по его мнению, было хорошей шуткой; но вечером он увидел своего бывшего кучера, великолепно одетого в вечерний фрак, танцующим с женой министра!

Моя русская бабушка рассказывала об одной из своих фрейлин, которая должна была сопровождать мою мать в Грецию, чтобы обучать новых дам, намеревавшихся служить в ее свите. Для нее было очень непросто начать дело в месте, которое не знало двора в течение нескольких лет — с момента отъезда короля Оттона и королевы Амалии. Она оставалась в Греции около двух лет, чтобы исполнить свой долг.

Государственные обеды были источником страданий для меня и моих братьев, потому что они, к сожалению, налагали на нас обязанность вести беседы. Зимой обедали два раза в неделю. Раз в неделю это был обед для дипломатического корпуса, причем каждая миссия приглашалась в соответствии с порядком очереди с секретарями и их женами; другой обед — для «входящих» в настоящий момент в члены правительства, депутатов или Синода. Мы могли бы насладиться обедами, которые были превосходны, и военным оркестром, который весело играл во время трапезы, если бы не предстоящие нам испытания.

Сразу же после обеда все шли в Голубую гостиную, дамы располагались с одной стороны, мужчины с другой; никто

никогда не садился. Моя мать переходила на сторону женщин, а отец — на сторону мужчин; затем начиналось медленное продвижение по залу с остановкой на несколько мгновений, чтобы дать сказать несколько подходящих и хорошо подобранных замечаний каждому человеку. Это то, что на французском языке называется *faire le cercle*¹. Когда родители достигали конца очереди, они переходили на другую сторону и начинали снова.

К сожалению, эта церемония не ограничивалась королем и королевой. Ожидалось, что любой из присутствующих членов семьи последует за ними и станет собеседником. Приходилось ломать голову, придумывая подходящие фразы для этих неестественных разговоров, ибо гости стояли так близко друг к другу, что каждый член семьи был вынужден немного разнообразить светскую беседу. Однако это могло быть довольно забавно, если бы там встречались люди, которых мы знали; в этом случае обычно велся заранее заготовленный разговор. Меня, самого младшего, почти всегда избавляли от испытания, потому что, когда дело доходило до моей очереди, остальные завершали беседу и вежливо прощались с гостями.

Балы во дворце начинались в 10, после *cercle diplomatique*². Бал открывали мои отец и мать, танцуя кадрили с представителями дипломатического корпуса. После этого начинались обычные вальсы, польки и другие модные на тот момент танцы. Этикет предписывал принцессам приглашать на танец кавалеров, и фрейлины или придворные дамы должны были привести приглашенного кавалера. На одном из таких балов сестра Минни была довольно неосмотрительна в выборе партнера. Она послала за молодым офицером, которого мы все знали. Однако у него не хватило смелости сказать ей, что у него кружилась голова. Он

---

¹ Сделать круг (*фр.*).

² Представление иностранных дипломатов главе государства (*фр.*)

начал танцевать с большим энтузиазмом, но по мере того, как танец продолжался, он прижимал ее все сильнее к своему сердцу, пока наконец его превосходный обед не оказался в ее декольте! Сестра удалилась в свои покои, чтобы переодеться, а этого молодого человека мы больше никогда не видели! Ужин был официальным мероприятием для дипломатического корпуса и правительственных чиновников, которые усаживались за столы в залах. Остальным гостям приходилось рассаживаться в других комнатах либо в огромном шатре, который «ставили в одном из дворов». Этот шатер подарил отцу император Абиссинии Менелик¹. Шатер был расшит всеми цветами радуги и вызывал неизменное восхищение гостей.

* * *

Помимо Дворца в Афинах у нас было еще два загородных дома. Одним из них был Татой, в пятнадцати милях от столицы, большое поместье, которое отец купил в начале своего правления. Там была домашняя ферма, откуда мы получали яйца, масло и т. д. Нам, детям, это очень нравилось. Это было единственное место, где мы могли жить настоящей домашней жизнью и на короткое время забыть, что мы не имеем права быть обычными людьми!

На Корфу была вилла Мон Репо, которую подарили отцу, когда он впервые приехал в Грецию. Это было красивое место, построенное англичанами в качестве резиденции для губернатора в те дни, когда остров принадлежал Англии. Одним из условий принятия моим отцом Греческого престола было то, что семь островов, самым крупным

---

¹ Менелик II (урожденный Сахле Мариам, 1844–1913) — негус (император) Абиссинии (Эфиопии) в 1889–1913 годах, при котором было завершено объединение страны и нанесено поражение Италии в 1896 году.

из которых был Корфу¹, должны быть возвращены Греции, что значительно повысило популярность короля.

Дворец находился прямо над морем, и мы, дети, всегда радовались поездкам туда.

Кайзер Вильгельм II в середине апреля всегда приезжал в «Ахиллеон», который он купил у австрийского императора. Отец обычно договаривался о том, чтобы приехать туда в то же время или за день или два до него. Однажды мама, зная, что между отцом и кайзером было мало симпатии, спросила: «Почему ты всегда едешь на Корфу, чтобы встретиться с кайзером? Ты ведь терпеть его не можешь». — «Если я этого не сделаю, — коротко сказал отец, — он будет думать, что он король Греции».

Между нашими семьями сохранялся холодок из-за того, что в 1864 году Пруссия отняла у Дании Гольштейн². Старшее поколение искренне ненавидело друг друга, но при этом было ужасно вежливым! Одной из тех, кто, конечно, не был излишне сердечным к кайзеру, была покойная вдовствующая Императрица России Мария Федоровна. Она горько возмущалась отношением кайзера к ней в начале мировой

---

¹ Речь об Иоаннических островах (Корфу, Пакси, Лефкас, Итака, Кефалиния, Закинф и Китира) в Ионическом море в западной и юго-западной части Греции. В 1815–1864 годах были объединены в Ионическую республику под британским протекторатом.

² Речь об австро-датско-прусской войне 1864 года. Согласно условиям Венского мира 30 октября 1864 года, Дания уступила Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург Пруссии и Австрии. Конфликт по поводу совместного владения Шлезвиг-Гольштейном в итоге стал поводом к австро-прусской войне 1866 года, увенчавшейся победой Пруссии. С 1867 года Шлезвиг-Гольштейн вошел в состав последней. Отдельным болезненным для Копенгагена вопросом стал отказ Пруссии от проведения референдума по вопросу о национальном самоопределении населенного преимущественно датчанами Северного Шлезвига, что предусматривалось условиями Пражского мирного договора 1866 года.

войны, когда она проезжала через Берлин. Но все это, без сомнения, было тщетно, как и все наши маленькие поступки, личные или политические, в масштабах Вселенной!

Тем не менее, мои родители гостеприимно встречали кайзера, и нас очень часто приглашали к нему. Яхта «Гогенцоллерн» тоже играла немалую роль в его развлечениях.

Он всегда описывал свое пребывание на Корфу как «любимый способ вести простую жизнь», хотя это, конечно, не производило на нас впечатления простоты. Он всегда привозил с собой армию генералов, офицеров и адъютантов.

Каждая его автомобильная прогулка представляла собой процессию, возглавляемую императорским автомобилем, за которым следовало бесчисленное количество членов его свиты. Мама, которая боялась высоты и которую ничто не могло заставить проехать по этим крутым горным дорогам, очень сочувствовала одному несчастному престарелому генералу, который, как ей потом рассказали, так пронзительно закричал от страха из последней машины, что Император услышал его. Тем не менее, кайзера всегда захватывали эти поездки.

Опасности дороги были не единственными испытаниями, которые пришлось пройти его свите.

В то время у него была мания к археологии, получилось так, что известному немецкому профессору удалось сделать очень интересное открытие на Корфу. Крестьянин, вспахивавший поле возле «Мон Репо», наткнулся на что-то жесткое. Он взял лопату, прокопал не более двух футов и обнажил голову льва. Вскоре начались раскопки, в ходе которых обнаружили древний храм с изысканным фризом, изображавшим горгон, сражающихся со львами.

Кайзер поспешил на место действия и в течение многих дней не покидал его целыми днями. Обыкновенно он сидел на деревянном стуле, удобном для наблюдения за раскопками, в то время как его свита стояла часами напролет, притворяясь, что испытывает всепоглощающий интерес к происходящему.

Однажды одна из ножек его стула провалилась в мягкую землю, и он улетел назад ногами вверх на виду у окружающих. По воле судьбы в тот день там оказалась вся наша семья, потому что мы часто приходили понаблюдать за ходом работ. Все мы — семья, двор и все, кто к ним причастен, — исчезли, чтобы дать выход своему веселью; за исключением сестры Минни и племянницы Елены (впоследствии — крон-принцессы Румынии)¹, которые остались и продемонстрировали нечестивое ликование.

Кайзер, однако, воспринял это с настоящим чувством юмора:

— Как жаль, что ни у кого из вас нет Kodak, — сказал он. — Меня никогда раньше не фотографировали в таком положении.

Император, очевидно, имел глубоко укоренившееся убеждение, что в Греции чистоплотность нуждается в поощрении, так как его подарки крестьянам в округе всегда принимали форму зубных щеток и гребней для взрослых и мыла в виде пасхальных яиц для детей! К сожалению, младенцы часто полагали, что эти чудесные яйца сделаны из сахара, и с приятным предвкушением откусывали их! Когда ошибка обнаруживалась, раздавались вопли боли и разочарования. Но следующей весной кампания чистоты возобновлялась.

Тем не менее, немногие люди могли более разумно говорить о каком-либо предмете и анализировать его более глубоко и философски, чем кайзер, его обаяние было велико, если он хотел его проявить!

---

¹ Елена Греческая и Датская (1896–1982) — дочь короля Греции Константина I и Софии Прусской, супруга (с 1920 года) румынского короля Кароля II (1930–1940), мать короля Михая I (1927–1930, 1940–1947).

ГЛАВА III

Россия. — Распутин. — ЗАБЫТЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ

После нашей простой жизни в Афинах поездки в Россию казались похожими на шаг в мир сказок, страну многовековых традиций, цивилизацию, все еще уходящую корнями в прошлое, средневековую в ее внезапных контрастах огромных богатств и отчаянной бедности, феодальную в отношениях правителя и народа.

Императорский двор был самым великолепным в Европе. И было что-то варварское в этом великолепии: придворные церемонии были основаны на церемониях старой Византийской империи и напоминали времена Екатерины Великой и французского двора XVIII века.

Деньги лились, как вода; ничто не считалось слишком дорогим, если могло доставить даже минутное удовольствие. Император мог рассчитывать на неисчерпаемые доходы могущественной Империи; доходы аристократических семей исчислялись миллионами. Коврики для экипажа были из горноста и соболя, сбруи сияли золотыми и серебряными украшениями, изящные искусства процветали, художники и музыканты стекались со всего мира, уверенные в том, что найдут здесь покровителей. Но были и беспорядки, которые бесшумно крались в темноте, как вороватый зверь, только время от времени поднимая голову, пока наконец не поразили и не перевернули всю социальную систему.

Царскосельский дворец был красивейшим в Европе, кладезем сокровищ. Тарелки старинного китайского фарфора, стоимость которого не имела цены, составляли часть

коллекции, подаренной Екатерине Великой императором Китая того времени, стены одного из залов были инкрустированы янтарем; еще в одном зале стены были из редчайшего лазурита. Большой банкетный зал, занимавший всю ширину дворца, в два этажа, был синего и серебряного цветов и освещался тысячами свечей.

Живописный абиссинский страж всегда стоял у дверей во время государственных праздников. Шесть угольно-черных негров, подаренных царю императором Абиссинии Менеликом, высокие, великолепно сложенные, в широких штанах и алых тюрбанах, стояли неподвижно, словно были отлиты из бронзы.

Богатая мебель, изысканная обстановка комнат гармонично сочетались с блестящей униформой кавалеров и прекрасными старинными традиционными придворными платьями дам.

У всех Великих князей были собственные дворы и свои цвета, гофмейстрины и фрейлины, служащие Великим княгиням, были одеты в цвета того двора, к которому они принадлежали. Когда все они собирались вместе во время больших праздников, таких как, например, Пасха, Крещение и освящение воды, общий эффект напоминал средневековую сцену.

Костюмы сияли драгоценностями, стоимость которых, должно быть, исчислялась миллионами фунтов; ожерелья из бриллиантов были настолько большими, что выглядели фантастически и слишком прекрасно, чтобы быть реальными; рубины и изумруды величиной с голубиное яйцо украшали традиционные головные уборы. Каждая аристократическая семья имела собственную бесценную коллекцию драгоценностей, накопленных на протяжении веков, которые были подарены Императорами в знак признания заслуг или составляли часть приданого невесты. Коронные драгоценности были лучшими в мире.

Свадебное торжество было самым зрелищным обрядом Императорского двора. После торжественного ужина танце-

вали полонез во главе с Императором, партнершей которого была невеста, а Императрица танцевала с женихом, если, конечно, можно использовать слово «танец» по отношению к столь величественной процессии под музыку Глинки. В этой обстановке эффект был непревзойденный.

Эрмитаж, часть Зимнего дворца, известный своей коллекцией картин, был местом проведения чудесных костюмированных балов, которые были характерны для русского двора. Один из самых красивых проходил в 1903 году, когда весь двор облачился в русские костюмы начала XVII века. Почти все гости представляли своих предков, и многие из их костюмов были семейными реликвиями, передаваемыми из поколения в поколение. Это было похоже на постановку оперы. Только дипломаты различных посольств были не в исторических костюмах; они чувствовали себя обнаженными и непривлекательными в своей прозаической современной одежде и старались прятаться в далеких уголках.

Во время всех больших официальных обедов за стулом каждого королевского гостя стоял специальный лакей, чтобы подавать шампанское во время тостов. Это было торжественным ритуалом. Сначала лакей наливал вино, затем его передавали пажу, который, в свою очередь, передавал бокал другому лакею. Пажи были молодые и впечатлительные (тех, что были отведены королеве Румынии Марии¹, приходилось менять через день, поскольку они неизменно влюблялись в нее) и больше интересовались происходящим, чем своими обязанностями. Придворный, который подавал вино, обыкновенно был знатным, старым и с трясущимися руками, поэтому очень часто содержимое бокала проливалось. Помню горе моей сестры, когда ее любимое

---

¹ Мария Румынская (1875–1938) — британская принцесса, дочь Альфреда, герцога Эдинбургского и Саксен-Кобург-Готского, и великой княжны Марии Александровны. Супруга (с 1893 года) кронпринца Румынии, впоследствии короля (1914–1927) Фердинанда.

бледно-голубое бархатное придворное платье покрылось зелеными пятнами после того, как на него пролили шесть бокалов шампанского.

Из всех женщин при русском дворе самой красивой была Великая княгиня Елизавета, жена Великого князя Сергея¹. Она и ее сестра, царица², были Гессенскими принцессами и внучками королевы Виктории, обе они обладали схожей тонкостью черт и красотой, но Елизавета была красивее. На высочайших балах она превосходила любую другую женщину элегантностью своих нарядов и драгоценностей. Когда бал проходил в ее собственном дворце, у нее была привычка исчезать в полночь, чтобы переодеться в новое платье и другие драгоценности, после чего она возвращалась в бальный зал еще более великолепной, чем раньше.

Великий князь Сергей был генерал-губернатором Москвы и имел дворец в городе и загородный дом. Я любил гостить у них, потому что они воспитывали детей моей сестры Александры после ее смерти, и мы втроем часто вместе играли. Моя племянница, Великая княжна Мария, была всего на восемнадцать месяцев младше меня, а ее брат Дмитрий — на три года.

Никто не был более одарен богами, чем Великая княгиня Елизавета, но, возможно, как говорится, «у нее было слишком много красоты для удачи», поскольку ее жизнь была полна печали. Она была еще молода, когда ее мужа взорвали бомбой нигилисты³. В разгар горя у нее появилось стремление ходатайствовать перед царем за жизнь молодого

---

¹ Елизавета Федоровна (1864–1918) — вторая дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы; супруга великого князя Сергея Александровича (1857–1905).

² Александра Федоровна (1872–1918) — четвертая дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и герцогини Алисы; супруга (с 1894 года) русского императора Николая II.

³ 4 февраля 1905 года великий князь был взорван бомбой, брошенной членом боевой организации эсеров Иваном Каляевым.

студента, который убил Великого князя, и когда, несмотря на ее усилия, его приговорили к казни, она пришла к нему в тюрьму и пообещала присмотреть за его матерью, и это обещание она честно сдержала, поскольку она всегда посылала деньги на ее нужды, пока была жива.

После убийства мужа Елизавета удалилась в монастырь, который она основала¹, и жила там тихо, забытая светом, до революции, когда монастырь разграбили большевики, а ее арестовали и сослали в Сибирь вместе с другими членами Императорской Семьи.

Однажды красногвардейцы вошли в комнату, где они жили, и приказали им готовиться к путешествию. «Куда?» — спросили они, надеясь, что их отправят обратно в Санкт-Петербург. Но тюремщики уклонялись от ответа и говорили им только, что это «где-то далеко».

Их отвезли к заброшенной шахте и сбросили одного за другим, оставив умирать от ран и переломов. Через несколько недель отряд белой армии адмирала Колчака обнаружил их искалеченные тела, некоторые из которых были грубо перевязаны лентами, оторванными от нижней юбки, что свидетельствовало о том, что они оставались живы некоторое время после падения.

Елизавета пошла на смерть с молитвой, как и другие. В последний момент она попросила только разрешить ей прикрыть голову плащом, чтобы она не могла видеть яму, в которую ее бросали.

Русский Император Николай II имел необычайное физическое сходство со своим двоюродным братом, королем Англии Георгом V, и странной иронией судьбы кажется то, что один из них вошел в число лучших и самых любимых

---

¹ В 1909 году великая княгиня Елизавета Федоровна основала Марфо-Мариинскую обитель милосердия. По своему уставу это не был монастырь в полном смысле слова. Сестры обители оказывали духовно-просветительскую и медицинскую помощь нуждавшимся.

правителей в истории своей страны, а другой погиб от рук своих подданных.

Любой, кто знал его в те далекие дни перед войной, никогда бы не подумал, что Николаю II суждена трагическая судьба. Он обладал большим достоинством, был вежливым, добродушным и очень милым. Он любил простую пищу и простые развлечения, втайне скучал во время пышных церемоний и был довольно одинок среди всего окружающего его величия. Он чувствовал себя гораздо лучше в офицерской среде, чем на придворном балу. Его религиозные чувства были глубоки, самодержавие для него было не пустым звуком, он видел себя Помазанником Господа. Во время церемонии коронации российский император принимает причастие как священник, в знак своей божественной миссии как самодержца и главы Церкви.

Его трагедия заключалась в том, что он женился на Александре Федоровне. Хотя она была хорошей и во многих отношениях прекрасной женщиной, сочетание их двух характеров стало буквально губительным в политическом смысле. С самого начала брака ее воля преобладала над его. Она была красивой женщиной, но лицо ее имело выражение обреченности и печали; ее глаза, даже когда она улыбалась, были невыразимо печальны. Она всегда была внимательна и добра к окружающим, но безучастна со всеми, кроме мужа и детей, и в то же время могла стать лучшим другом для людей, которым, как она думала, могла доверять.

Они с Николаем откровенно поклонялись друг другу. Даже после многих лет брака они были похожи на молодых возлюбленных. Они полюбили друг друга в тот день, когда впервые встретились при маленьком дворе ее брата в Дармштадте, и с этого момента для них никого больше не существовало, хотя их путь был нелегким¹. Родители Николая

---

¹ Мемуарист ошибается: шестнадцатилетний цесаревич Николай и двенадцатилетняя тогда принцесса Аликс Гессен-Дармштадтская познакомились в Петербурге в июне 1884 года

были против брака по причине молодости, и только через несколько лет императора убедили согласиться.

Уже тогда судьба была к ним неблагоприятна. Свадебные торжества были омрачены смертью Александра III, и невеста впервые въехала в Санкт-Петербург вслед за гробом тестя.

Застенчивая юная девушка внезапно была вынуждена играть роль императрицы и столкнулась с огромными трудностями. Незнакомая страна, на языке которой она даже не говорила и обычаи которой она не знала, ее собственное отсутствие опыта — все это играло против нее.

Она была непопулярна и знала об этом. С годами она стала настолько болезненно осознавать антагонизм вокруг себя, что все больше и больше отдалялась от Двора. Она была слишком застенчива и слишком чувствительна, чтобы произвести благоприятное впечатление, ее единственной защитной реакцией было еще больше изолировать себя. Она не могла выбрать более гибельную политику. Ее появления на общественных мероприятиях с каждым годом становились все реже; в конце концов императора на официальных мероприятиях сопровождали его мать и дочери.

Вдовствующая императрица¹ имела свой собственный двор, и по мере того, как окружение ее невестки сокращалось, влияние Марии Федоровны соответственно возрастало. На самом деле она была единственным человеком, который мог спасти ситуацию, но ей не хватило решимости. Хотя она никогда не признавала этого, она остро ревновала сына к жене и, возможно, наполовину бессознательно, питала неприязнь к ней. Она не осознавала вреда, который этим причиняла. Старая история обожающей матери, неспособной смириться с тем, что она заняла второе место в жизни

во время свадьбы Великого князя Сергея Александровича и принцессы Эллы (Елизаветы) Гессен-Дармштадтской. Внимание Николая Александровича она привлекла во время второго приезда в Петербург в 1889 году.

¹ Супруга императора Александра III Мария Федоровна.

сына, казалась такой личной проблемой, но от нее зависела судьба империи. Но вдовствующая императрица не поверила бы этому, даже если бы ей сказали, поскольку у нее была трагическая склонность игнорировать факты и верить только в то, во что она хотела верить.

Спустя годы, когда армия Врангеля потерпела поражение, она была вынуждена покинуть Россию¹ и провела последние годы жизни в своем старом доме в Дании. Глядя на нее, сердца окружающих сжимались от жалости. Отказавшись поверить в смерть Николая и его семьи, даже несмотря на все доказательства, она умерла с твердым убеждением, что он в безопасности и здоров, ожидает возможности вновь взойти на трон.

Не понимала сложности ситуации и царица Александра Федоровна, потому что она была поглощена мужем и детьми.

Ее мать умерла, когда она была ребенком², и ее воспитывала королева Виктория. Овдовевшая королева, чье сердце было похоронено в могиле принца-консорта³, обратилась к утешению в религии, и чуткий ребенок, уже склонный к самоанализу, впитал эмоциональную атмосферу.

Выйдя замуж, Алиса приняла православие с присущей ей искренностью. Но у нее не было уравновешенного ума

---

¹ Мемуарист ошибается: Мария Федоровна покинула Крым в апреле 1919 года, тогда как Русская армия Врангеля потерпела окончательное поражение и была эвакуирована из Крыма в середине ноября 1920 года.

² Алиса Гессен-Дармштадская была любимой внучкой королевы Виктории и после смерти в 1878 году от дифтерии матери и младшей сестры большую часть времени жила в Великобритании в замке Балморал и Осборн-хаусе на острове Уайт.

³ Виктория (1819–1901) — королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии (1837–1901), императрица Индии (1876–1901). Глубоко любила своего супруга принца-консорта Альберта Саксен-Кобург-Готского и носила траур после его смерти в 1861 году.

бабушки, и с годами она все больше тяготела к мистицизму и суевериям.

Она обожала своего мужа и желала подарить ему наследника. После рождения четырех дочерей разочарование сменилось глубокой меланхолией. Это проявилось в фанатизме. Каждого известного «божьего человека» и так называемого «чудотворца» приводили к ней. Они разбогатели на ее доверчивости.

Наконец у нее родился сын Алексей¹, и ничто не могло превзойти ее счастье. Она видела в этом прекрасном ребенке ответ на все свои молитвы, свое утверждение как императрицы и жены. Но почти сразу выяснилось, что он страдает ужасной болезнью гемофилией, и вся ее радость и гордость за него превратились в мучения. Жизнь стала для нее пыткой; она больше не знала ни минуты душевного спокойствия, потому что в любой момент какой-нибудь тривиальный порез или синяк, который даже не заметил бы нормальный ребенок, мог вызвать один из ужасных приступов кровотечения, которых она боялась.

Все лучшие врачи Европы приглашались во дворец, прописывали то одно лечение, то другое. Но все безуспешно. Один за другим они признавали дело безнадежным.

Тут неожиданно и появился Распутин², из темноты сибирской деревни, где он когда-то был торговцем лошадьми, а недавно — проповедником своего собственного странного Евангелия.

В течение нескольких недель после прибытия в столицу Старец, как его все называли, не только сумел заинтересовать нескольких епископов и других религиозных авторитетов своим учением, но и собрал большое количество последователей, в основном женщин.

---

¹ 30 июля (12 августа) 1904 года.

² Григорий Ефимович Распутин (Нóвых; 1869–1916) — сибирский крестьянин, приобретший в 1910-е годы в некоторых петербургских кругах славу «царского друга», «старца», прозорливца и целителя.

Среди них были две Великие княгини¹ и подруга императрицы Анна Вырубова². Она приехала в Царское Село, превознося «божьего человека».

— Он может даже исцелять больных. У него были чудесные исцеления, — настаивала она.

С этого момента у императрицы была только одна мысль: только он мог спасти ее сына!

Она послала за ним, и он явился во дворец, высокий неуклюжий крестьянин с растрепанными волосами, взлохмаченной бородой и грязными руками. В его внешности не было ничего примечательного, кроме глаз, которые были необыкновенными, глубоко посаженными, пронзительными, гипнотизирующими.

По какому-то странному совпадению после его первого визита маленькому цесаревичу стало заметно лучше. Обрадованная императрица настояла на том, чтобы Старец не уезжал.

Шли месяцы, ребенок становился все сильнее. Несмотря на все недостатки Распутина, он, несомненно, обладал даром исцеления.

Теперь он пользовался большой популярностью при дворе, у его квартиры целыми днями толпились истеричные женщины, которые следовали за ним и ловили каждое его слово. Он больше не был грязным и неухоженным; его одежда была опрятной. Императрица собственными руками

---

¹ Речь о так называемых «черногорских княжнах» — дочерях черногорского князя (1860–1910), затем короля Николы I Негоша (1910–1918). Первая — Анастасия «Стана» Николаевна (1867–1935), супруга великого князя Николая Николаевича (1856–1929), вторая — ее сестра Милица Николаевна, супруга великого князя Петра Николаевича (1864–1931).

² Анна Александровна Вырубова (Танеева; 1884–1964) — ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны, дочь главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александра Сергеевича Танеева (1850–1918) и Надежды Илларионовны Толстой (1860–1937).

вышивала для него шелковые рубашки. Деньги и драгоценности сыпались на него, но он не находил в них никакой пользы, кроме как передавать их беднякам, толпившимся у его дверей.

Он не был ни жадным, ни амбициозным, а всего лишь невежественным крестьянином с искренней верой в себя и свои собственные духовные силы. У него не было настоящего вкуса к придворным интригам, но было достаточно тщеславия, чтобы использовать свое влияние на императрицу. Поэтому он начал вмешиваться в государственные дела, даже предлагать кандидатуры на государственные должности. Для него это было очень просто; нужно было только упомянуть то или иное лицо в разговоре с императрицей — и все было решено, и его благодарили, осыпали подарками, а он упивался чувством власти. Если у него было воображение, он, должно быть, видел себя стержнем, на котором держалась империя, потому что император находился во власти императрицы, а она, в свою очередь, находилась во власти Распутина. Когда его хватка, казалось, ослабевала, ему достаточно было только пригрозить покинуть двор и бросить маленького цесаревича на произвол судьбы, чтобы она впала в панику. Самым странным фактом во всей этой истории было то, что во время его отсутствия ребенку неизменно становилось хуже — и выздоровление наступало только тогда, когда он возвращался.

Вскоре весь двор бурлил негодованием против теневого влияния этого стоявшего за тронем невежественного крестьянина из Сибири, который обладал большей властью, чем любой министр.

Это была зловещая фигура, выбившаяся из неизвестности благодаря своим почитателям: императрице, ее подруге Анне Вырубовой и некоторым прочим из их круга.

Вдовствующая императрица отказалась принять его, но, движимая любопытством увидеть человека, о котором говорила вся Россия, отправилась на художественную выставку, на которой демонстрировался его единственный портрет.

К ее удивлению, когда она прибыла туда, то нашла пустое место на стене, где ранее висел портрет. Ей сказали, что он был убран по приказу царицы!

Так продолжалось до той роковой зимы 1916 года, и тиски постепенно сжимались вокруг императора, императрицы и Распутина. Сплетни, поначалу поизносившиеся шепотом, становились все более и более необузданными, пока весь двор не выучил их наизусть. Старец стал легендой, его предполагаемым деяниям и проступкам не было конца. Даже неудачи на фронте объяснялись тем, что он, как говорили, был секретным агентом, получающим деньги от Германии. Его власть над царицей объяснялась самыми низкими причинами, а она была слишком проста, слишком высокомерна, чтобы понимать расползающиеся сплетни, которые послужили разрушению империи.

Последняя сцена трагедии императрицы разыгралась той холодной декабрьской ночью, когда князь Юсупов и другие пригласили Распутина на ужин, а после того, как отравленные пирожные не подействовали, застрелили его¹. Спустя полтора года все закончилось в подвале Екатеринбурга.

Один из немногих случаев, когда я видел царицу по-настоящему счастливой, произошел, когда она приезжала со своим мужем в Дармштадт на свадьбу моего брата Андрея и принцессы Алисы, дочери принца Людвига Баттенбергского (который позже принял титул маркиза Милфорд-Хейвена). Она была тогда словно девочка, которую выпустили из школы, ее лицо утратило печальный вид. Она и королева

---

¹ Распутин был убит в ночь на 17 (30) декабря 1916 года во дворце Юсуповых на Мойке заговорщиками князем Ф. Ф. Юсуповым, В. М. Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем. По одной из версий, к убийству был причастен также офицер британской разведки МИ-6 О. Рейнер, мотивом участия которого было не допустить под влиянием «прогерманской» императрицы заключение Россией сепаратного мира с Германией.

Александра были двумя самыми красивыми женщинами на свадьбе: императрица в туманно-голубом наряде и королева Англии в платье из аметистовых страз, аметистовом ожерелье и диадеме.

По случаю бракосочетания и празднеств было большое семейное собрание. В течение нескольких дней длились обеды, балы и гала-представления в опере.

Это было в 1903 году. На днях я наткнулся на фотографию гостей и понял, что почти половина из них погибла насильственной смертью. Император, императрица, их дети, Великая княгиня Елизавета и несколько русских Великих князей были убиты во время революции. Был убит мой отец, несколько английских гостей и один или два немецких принца погибли во время Первой мировой войны.

Хорошо, что мы не умели видеть будущее, это омрачило бы всю радость.

У Андрея и Алисы было две свадебные церемонии, первая в протестантской церкви и вторая в русской церкви с греческими православными обрядами. Во время службы русский священник задает невесте два вопроса: по доброй ли воле она согласна выйти замуж и не обещала ли она руку кому-либо другому.

Поскольку моя невестка была глуха, накануне ее тщательно учили, что надо говорить, но даже в этом случае в последний момент она так нервничала, что перепутала вопросы и дала ответы в неправильном порядке, к ужасу священников и бурному веселью гостей.

Сестра моей матери, герцогиня Вера Вюртембергская¹, присутствовала на свадьбе, и мы с братьями безжалостно

---

¹ Вера Константиновна (1854–1912) — младшая дочь великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской. Супруга герцога Евгения Вюртембергского (1846–1877). Рано овдовев, осталась при королевском дворе в Штутгарте, но часто бывала в России и в Греции у сестры — греческой королевы Ольги Константиновны.

дразнили ее. Ее внешность казалась нам невероятно забавной, она была маленькой и толстой, с толстым круглым лицом в очках, с коротко стриженными волосами. Ее шляпы и даже диадемы всегда крепились к голове на резинках.

На одном из семейных ужинов после свадьбы брат Георг сидел рядом с ней и во время паузы снял с нее диадему и надел себе на голову. Все засмеялись, в том числе и тетя Вера, хотя и поклялась отомстить виновнику.

И она попыталась сделать это чуть позже, когда жених и невеста отправлялись в свадебное путешествие. Мы все собрались у входа, бросая им вслед рис, когда кто-то сбил бедной тете Вере очки, которые разбились вдребезги о каменные ступени. Она быстро обернулась и, предположив, хотя она не могла ясно видеть без очков, что снова виноват Георг, нанесла внушительный удар стоявшему прямо за ней человеку.

К сожалению, это был не Георг, поскольку тот постарался ускользнуть из зоны досягаемости, а британский адмирал Марк Керр¹, которому досталось вместо него!

Еще одной свадьбой, которую я очень хорошо запомнил, было венчание моего брата Николая с Великой княжной Еленой, дочерью Великого князя Владимира, в августе 1902 года в Царском.

На невесте было старинное русское придворное платье из газета, поверх которого надевалась мантия из малинового бархата длиной двадцать ярдов с широкой окантовкой из горноста и накидкой из такого же меха, спадающей с плеч. Вес этого наряда был настолько велик, что ей было почти невозможно двигаться в нем, и, когда она преклонила

---

¹ Марк Керр (1864–1944) — британский адмирал, военно-морской атташе в Италии, Австрии, Турции и Греции (1903), глава британской военно-морской миссии и главнокомандующий Королевского флота Греции (1913–1914), командующий Адриатической эскадрой британского флота (1916–1917). Стоял у истоков создания британских Королевских военно-воздушных сил.

колени у алтаря, ее буквально пригвоздило к полу, и шаферам пришлось поднять ее.

На ней был великолепный убор из бриллиантов, зашпанный Екатериной Великой всем невестам Императорской семьи, ожерелье, сверкающее и каскадом ниспадающее на плечи, огромные серьги-капли, браслет из трех рядов бриллиантов, брошь, которой застегивалась ее мантия, и венчальная корона.

Двадцатью пятью годами позже мне снова живо вспомнилась эта свадьба.

Я сидел в нью-йоркском офисе известного ювелира Пьера Картье, когда он внезапно сказал:

— У меня есть кое-что, что я хотел бы вам показать.

Он достал из своего личного сейфа обтянутый бархатом футляр, положил его на стол и открыл. Внутри была корона, составленная из отборных бриллиантов.

— Вы узнаете ее? — спросил он.

Я молча кивнул, меня захлестнула волна воспоминаний о прошлом. Это была свадебная корона Романовых¹. Моя мать венчалась в ней, и ее мать тоже, в ней венчались все дочери императорской семьи. Комната внезапно наполнилась призраками давно умерших невест.

— Я нашел ее в Париже совершенно случайно, — сказал мне г-н Картье. — Я проезжал мимо антикварного магазина, когда увидел ее в витрине, и сразу догадался, что это такое, зашел и купил. Антиквар сказал мне только, что ее продали большевики. Он не знал, как корону вывезли из России.

---

¹ Императорская венчальная корона, изготовленная для свадьбы великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны в 1884 году, стала «переходящей» и использовалась до 1917 года при венчаниях представителей дома Романовых. В 1926 году корона была продана советскими властями антиквару Норману Вейсу. В настоящее время хранится в Музее Хиллвуд близ Вашингтона. Остальной описанный автором воспоминаний «венчальный набор» хранится в Алмазном фонде в Москве.

Г-н Картье добавил, что у него уже было несколько возможностей продать некоторые камни по отдельности, но он отказался это сделать.

— Я сохраню корону в неприкосновенности до реставрации Императорского дома, — сказал он. — А затем сам преподнесу ее императору.

Но, увы, это было десять лет назад, а корона до сих пор покоится в сейфе!

У моей матери было несколько красивых драгоценностей. Ее коллекция рубинов была знаменита, поскольку отец с удовольствием дарил их ей, говоря, что из всех камней они больше всего подходят ее белой коже. У нее также было несколько превосходных изумрудов, один из них был кабошоном размером с яйцо ржанки.

Когда мне было восемнадцать, я однажды одолжил этот камень, чтобы надеть его, когда участвовал в мазурке в Афинах. Мы все нарядились в старинные польские костюмы, соответствующие танцу, и драгоценности были необходимы. Изумруд был одолжен мне со многими предписаниями «беречь его», и я прикрепил его как брошь к своей шляпе.

Мазурка прошла без происшествий, и я стоял, разговаривая с некоторыми людьми, когда ко мне подошла моя невестка, супруга брата Николая.

— Какой прекрасный изумруд у тебя в шапке, могу я взглянуть на него?

Она едва взяла его в руку, когда, к моему ужасу, камень выпал из оправы.

Изумруды, в отличие от алмазов, являются наиболее хрупкими из драгоценных камней, и их можно разбить, как стекло. Мы все стояли буквально окаменевшие от ужаса, наблюдая, как он катился по ковру до самого края мраморного пола. Затем, к моему неопишуемому облегчению, он остановился и остался лежать неповрежденным.

Кажется, что драгоценностям моей матери суждено было переживать приключения в моих руках. Много лет спустя мы с ней остановились в Париже, когда ей пришлось

вернуться в Грецию раньше, чем она планировала. Я должен был присоединиться к ней там неделю спустя, по пути сделав остановку в Риме. В последний момент она вспомнила, что ее знаменитый изумруд хранится у Картье в Париже, и попросила меня забрать его, как только он будет готов, и привезти его ей в Афины.

— Я собираюсь подарить его Тино на его серебряную свадьбу... Но, что бы ты ни делал, не теряй его, — умоляла она. — Ведь он даже не застрахован.

Перед моим отъездом из Парижа г-н Картье передал мне драгоценности, и я положил их в свой небольшой чемодан, который решил не выпускать из рук на протяжении путешествия. Я не чувствовал себя спокойным при мысли о путешествии в одиночку с драгоценностью на сумму в сотни тысяч фунтов и считал себя несказанно счастливым, добравшись до Рима без приключений. Первое, что я сделал, войдя в Гранд-отель, — положил драгоценный сверток в сейф в офисе управляющего.

На следующий день я должен был продолжить путешествие в Афины на корабле из Бриндизи. На следующее утро я завтракал в отеле с бывшим премьер-министром Греции и министром иностранных дел, оба они находились в Риме. Мы втроем сидели и разговаривали после обеда, пока я внезапно не понял, что у меня осталось всего двадцать минут до отправки поезда. Я бросился наверх и с помощью камердинера побросал свои вещи в два чемодана, собрал тяжелый багаж и на максимальной скорости поехал на станцию. Я прибыл на платформу всего за несколько секунд, чтобы забежать в поезд. Детектив, которого итальянское правительство любезно предоставило охранять нас на всех железнодорожных маршрутах, уже стоял у дверей моего зарезервированного купе. Это был очень деловитый маленький человечек, носивший не сочетающееся с ним имя Бриганти!¹

---

¹ Бриганти (от итал. «briga» — недовольство, волнение, стычка) — мятежник, агитатор, разбойник.

Я удобно устроился на своем сиденье. Когда поезд медленно отходил от станции, я сделал ужасное открытие, что забыл драгоценности моей матери!

Разумеется, они были в полной безопасности, находясь под охраной отеля, но, зная, как мама будет разочарована, я почувствовал, что не смогу прибыть в Афины без них и признаться в своей невнимательности.

Я ломал голову в поисках выхода из затруднительной ситуации, когда подумал о моем друге, детективе. Я позвал его в купе и рассказал, что случилось. Как я и догадывался, он оказался очень изобретательным человеком. Он сразу же предложил, чтобы, когда мы прибыли в Бриндизи, он вернулся в Рим, забрал драгоценности и привез их мне в Афины.

Это казалось хорошим планом, и мы его реализовали. Я с замиранием сердца наблюдал за его отъездом. Он был моей единственной надеждой!

Конечно, первым вопросом моей мамы при встрече был: «Где мой изумруд?» С сожалением должен сказать, что мне не хватило смелости сказать правду, и я только пробормотал что-то о том, что он еще не готов и будет отправлен со специальным посланником. К счастью, она была довольна этим.

Но я был более чем благодарен, увидев моего маленького итальянского детектива, появившегося во дворце сорок восемь часов спустя, улыбающегося и деловитого, как всегда, с белым свертком, который он вложил мне в руки. Сумма, с которой мне пришлось расстаться за его проезд по железной дороге, не говоря уже о золотых часах, которые я преподнес ему в подарок, заставила меня пожалеть о плохой памяти!

ГЛАВА IV

СНОВА РОССИЯ. — УБЕГАЯ ОТ СУМАСШЕДШЕГО. — КРЫМ

Визиты в Россию не всегда были такими пышными и торжественными, ведь дворцы — это просто жилища более изысканного масштаба, а за величавым фасадом скрывается вся простота семейной жизни. Мои русские родственники были так многочисленны, что я месяцами переезжал из одного дворца в другой, останавливаясь в каждом по несколько дней по очереди, и мне всегда приходилось возвращаться в Грецию, прежде чем я успевал посетить хотя бы половину списка.

Проведя несколько недель у бабушки, я обычно отправлялся к императрице Марии в Гатчину, огромный замок с башнями примерно в пятидесяти милях к югу от Санкт-Петербурга. Он был построен князем Орловым, фаворитом Екатерины Великой¹, по тогдашней моде, он был необъятен, и большинство помещений были достаточно велики, чтобы вместить полк, и так высоки, что почти невозможно было сделать их уютными, кроме того, что американцы называют антресольным этажом, где архитекторы впали в другую крайность и спроектировали потолки настолько низко, что любой высокий человек мог их коснуться. Но императрица Мария предпочитала уют этих комнат сумрачному великолепию других покоев, и на этом этаже жила она

---

¹ Григорий Григорьевич Орлов (1734–1783) — светлейший князь (с 1772 года), генерал-фельдцейхмейстер, фаворит императрицы Екатерины II.

с семьей и почти все гости, приезжавшие в Гатчину. Единственным исключением была Ольга¹, младшая в семье, ибо ее няня-англичанка миссис Франклин категорически отказалась воспитывать «своего ребенка» в такой душевной обстановке, и поэтому обширная гостиная, стены которой были увешаны гобеленами, изображавшими разные библейские сцены — которые, как заметила миссис Франклин, впоследствии пригодятся для обучения, была превращена в детскую.

Михаил и Ольга были не только моими любимыми кузенами, но и лучшими друзьями, и мы втроем отлично проводили время вместе, гуляя по дворцовым садам и катаясь на миниатюрной электрической железной дороге, что доставляло нам особую радость.

Это была замечательная вещь, сделанная известной фирмой, бравшейся за железнодорожные подряды, которая подарила ее детям императора. Ее вагоны были точными копиями настоящих, двигатели развивали скорость четыре или пять миль в час, линии были оборудованы станциями, туннелями и железнодорожными мостами, рассчитанными на то, чтобы порадовать сердце любого ребенка.

Детской миссис Франклин управляла железной рукой. Она была впечатляющей фигурой, массивная и статная, как гвардеец, с низким хриплым голосом, который наводил на меня ужас, хотя на самом деле она была сама доброта. Все домочадцы испытывали благоговейный трепет перед ней.

Однажды я слышал, как разгневанный старый генерал с холерическим складом характера и удивительным

---

¹ Ольга Александровна (1882–1960) — младшая дочь императора Александра III Александровича и императрицы Марии Федоровны, супруга герцога Петра Александровича Ольденбургского (с 1901 по 1915 год), затем (с 1916 года) Николая Александровича Куликовского. Художница.

владением языком резко оскорблял часового на террасе дворца. Гневный поток был в самом разгаре, как вдруг наверху открылось окно и из него высунулась голова миссис Франклин:

— Генерал, тише, тише, пожалуйста... — укоризненно сказала она.

Генерал поднял голову и запнулся на полуслове. Не говоря больше ни слова, он резко развернулся и удалился.

Жизнь молодого поколения в Гатчине была более строго организована, чем наша в Афинах. Все профессора, приходившие давать уроки, и другие посетители были безукоризненно одеты во фраки и носили знаки отличия, я никогда не забуду, как американский дантист деловито работал у Ольгиного рта в тщательно заколотом фраке, с закатанными на запястьях рукавами и внушительной россыпью орденов, блестевших на его груди.

Большое удовольствие доставляли нам гатчинские пикники долгими северными летними вечерами, когда темнота не наступала, а только мягкие серые сумерки ползли по небу. В причудливых старинных русских экипажах, одни на сиденьях, сдвинутых спиной к спине, как ирландские прогулочные вагоны, другие в виде двух сцепленных подков, мы ехали к месту назначения длинной процессией, а повар и его спутники замыкали ее.

Когда мы приезжали, готовились к обеду и все младшие члены группы настаивали на том, чтобы помочь с готовкой, в то время как старшие осматривали окрестности.

На одном из таких пикников императрица Мария посетила интересующий ее монастырь, и мы с сестрой Минни сопровождали ее. Все монахини вышли встретить ее, и после торжественного пения *Te Deum* в покоях Матери-Настоятельницы подали чай. Князь Юсупов-старший¹,

---

¹ Феликс Феликсович, граф Сумароков-Эльстон (1856–1928), с 1885 года — князь Юсупов. Генерал-лейтенант, командир Кавалергардского полка в 1904–1908 годах.

стоявший лагерем поблизости со своим кавалергардским полком, был среди приглашенных и предложил императрице, поскольку она была шефом полка, чтобы немного позже она поприветствовала кавалергардов.

Ворота монастыря выходили на широкую аллею перекинутым через овраг широким пешеходным мостом. Императрица заняла свое место на этом мосту, а все монахини со священниками и прислужниками, несущими крест и святыне иконы, сгруппировались позади нее.

Моя сестра Минни и я подошли к мосту на противоположной стороне дороги, держа наготове наши камеры, и к нам присоединился придворный фотограф.

Вскоре мы услышали звуки военной музыки, и показались кавалергарды во главе с князем Юсуповым. Они являли великолепную картину на своих великолепных черных конях, в сверкающих мундирах, когда медленно проезжали мимо императрицы. Мы как раз собирались сделать снимки, когда вдруг раздался зловещий треск, сопровождаемый хором пронзительных криков, и переполненный пешеходный мост напротив нас рухнул, а монахини и священники исчезли в канаве! Только императрице, стоявшей на самом краю, удалось избежать падения; все остальные лежали в безнадежном смятии, в то время как полк с военным бесстрашием проезжал мимо. К счастью, ров был сравнительно неглубоким, а земля — мягкой, так что никто не пострадал.

Летом двор переезжал на побережье Балтийского моря, где у всех великих князей были дворцы, а император останавливался в Петергофе, красивом поместье, простиравшемся на много миль вниз к морю и вмещавшем большой дворец, который использовался только для официальных приемов, ферму и ряд коттеджей, один из которых занимал император и его семья, а другой — вдовствующая императрица. Петергофский парк славился своими фонтанами. Многие из них были произведениями известных скульпп-

торов, изображающими мифологические сцены, другие представляли собой просто гигантские столбы воды. Непосредственно рядом с дворцом была группа, окружавшая огромный бассейн, увенчанный фигурой Самсона, убивающего льва, из пасти которого извергалась струя воды, поднимавшаяся выше дворцовой крыши. Ниже был длинный канал, окаймленный чередующимися соснами и фонтанами. В сером свете летних вечеров эффект был фантастически прекрасен, а парк считался излюбленным местом свиданий высшего света, который заезжал сюда после обеда, чтобы побродить по прохладным лужайкам и послушать музыку Императорского оркестра.

В другие вечера на озерах устраивались торжественные представления императорского балета из Санкт-Петербурга, танцующего на плавающей сцене, а весь двор собирался там, чтобы посмотреть на них: дамы в изысканных платьях, кавалеры в живописных мундирах.

Кажется почти невероятным, вспоминая те дни, когда Россия была самой богатой страной в Европе, а Императорский двор превосходил прочие культурой и элегантностью, что никто из тех блестящих, беззаботных кавалеров и дам, которые представляли прежний режим, не осознавал надвигающейся трагедии, пока не стало слишком поздно. Если бы они сделали это, возникает вопрос, нельзя ли было бы это предотвратить. Эти фонтаны Петергофа играли, как когда-то играли фонтаны Версаля, радуя цвет нации, один двор аплодировал артистам Императорского балета, другой — Мольеру и Моцарту. Но провести параллель там было некому. Когда-нибудь мир узнает, что счастье и красота должны быть прерогативой многих, а не избранных, но пока этого не произойдет, цивилизация будет продолжать совершать одни и те же ошибки, расплачиваясь и получая одни и те же наказания.

* * *

Обычно я делил свое время на Балтийском побережье между пребыванием у императрицы Марии в Петергофе, у моей сестры Минни во дворце ее тестя Михайловка и у брата моей матери, Великого князя Дмитрия¹ в Стрельне. Лето проходило в веселье и удовольствиях... все прошло так быстро, потому что это были последние годы мира и безопасности, которые многие из нас хотели запомнить.

Когда разразилась революция, муж моей сестры, Великий князь Георгий² и его брат Николай³, с Великими князьями Павлом⁴ и Дмитрием, были в числе первых арестованы большевиками в Санкт-Петербурге, где они находились в заключении семь месяцев, живя в ужасных условиях и на голодном пайке.

---

¹ Великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919) — третий сын великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны Саксен-Альтенбургской. Полковник.

² Великий князь Георгий Михайлович (1863–1919) — третий сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны (Цецилии Августы), принцессы и маркграфини Баденской. В 1900 году женился на Марии Георгиевне — второй дочери своей двоюродной сестры Ольги Константиновны и короля эллинов Георга I. Генерал от кавалерии, генерал-адъютант.

³ Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) — старший сын великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны (Цецилии Августы), принцессы и маркграфини Баденской. Генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Историк.

⁴ Великий князь Павел Александрович (1860–1919) — шестой сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны; генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1889 году женился на греческой принцессе Александре Георгиевне (1870–1891) — старшей дочери своей двоюродной сестры Ольги Константиновны и короля эллинов Георга I.

Однажды утром в камеру вошли тюремщики и приказали им собирать вещи.

— Вам повезло, — сказали они. — Сегодня утром вы получите документы об освобождении.

Они собрали свои немногочисленные вещи, раздали большую их часть в качестве сувениров своим охранникам и радостно вышли на солнечный свет. У ворот тюрьмы их ждал грузовик, и, к их удивлению, им приказали сесть в него.

— Вас доставят в советскую комиссию для получения ваших бумаг. Это простая формальность.

Ничего не подозревая, они ехали по улицам, впервые за много месяцев строя планы. Но вместо свободы им дали смертный приговор, заставили копать себе могилы, выстроили у Петропавловской крепости и расстреляли!¹

Далеко, в тихом Харрогейте в Йоркшире, где моя сестра открыла больницу, она тщетно ждала известий о своем муже. Она и две ее дочери были в Англии, когда началась война, и не смогли вернуться по суше через Германию. Хотя она и хотела предпринять морское путешествие, Великий князь Георгий и слышать не хотел, чтобы она добиралась к нему сквозь строй вражеских подводных лодок и выставленные вдоль побережья мины: «В Англии гораздо лучше, и война не будет длиться вечно», — писал он. Но в России разразилась революция, и через некоторое время его письма прекратились. Она ждала, все еще надеясь. Правду она узнала через много недель после его гибели.

---

¹ Великих князей Дмитрия Константиновича, Павла Александровича, Николая Михайловича и Георгия Михайловича расстреляли во дворе Петропавловской крепости в ночь с 23 на 24 или с 29 на 30 января 1919 года как заложников в ответ на убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии.

* * *

Еще одним восхитительным местом для отдыха была большая вилла¹ великого князя Владимира² в Царском селе. Великая княгиня была одной из самых очаровательных и, безусловно, самых блестящих женщин в императорской семье, и у нее можно было встретить художников, музыкантов и всех интересных иностранцев, которые оказывались в России. У ее второго сына, Великого князя Бориса³, был свой дом в английском стиле⁴, и я, когда мог, тайком пробирался туда и играл в покер.

Борис любил живность, и у него был необычный питомец, огромная ручная свинья, известная как Огюст, которая была домашним любимцем. Огюсту не доставало только красоты, зато у него были все остальные достоинства: ум, личность и мягкость нрава. Он бегал рысью за своим хозяином, словно собака, выпрашивал лакомства со стола и проделывал целый репертуар трюков.

Одним из самых интересных впечатлений в России было посещение Тифлиса в 1901 году, когда мы с мамой были на праздновании столетия присоединения Кавказа. Мы пересекли Черное море на пароходе до Батума и отправились

---

¹ Речь о так называемом Запасном дворце в Царском Селе, построенном в 1817–1824 годах для князя В. П. Кочубея («Дача Кочубея»). В 1875–1917 годах дворец принадлежал семье великого князя Владимира Александровича.

² Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) — третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Член Государственного совета, сенатор; генерал-адъютант, генерал от инфантерии.

³ Великий Князь Борис Владимирович (1877–1943) — третий сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. Генерал-майор.

⁴ Дача великого князя Бориса Владимировича в Отдельном парке на берегу Колонистского пруда в Царском Селе, построенная в 1896–1897 годах в виде английского загородного охотничьего коттеджа, сохранилась до наших дней.

в Боржом, где остановились у Великого князя Михаила¹, у которого там была вилла², построенная прямо над рекой, в самом сердце этой дикой и гористой страны. Мы провели несколько дней, катаясь по холмам, ловя рыбу в ручьях, заполненных форелью настолько, что ее было легко поймать, и охотясь в лесах, кишящих горными козлами, медведями и волками.

Г-н Штукер стал поклонником местного спорта, преодолевая пороги на плотах, которые были построены из бревен, связанных вместе. Плоты управлялись людьми, вооруженными длинными шестами. Местные жители были в этом мастерами, и все-таки это было достаточно опасно, так как бревна неслись с ужасающей скоростью стремительным течением, в нескольких дюймах от больших скал и нависающих деревьев.

Мы прибыли в Тифлис после двухдневного пути из Боржома и остановились у наместника князя Голицына³. Город был переполнен людьми, приехавшими на торжества со всех концов Кавказа. Каждый день проходили смотры, официальные обеды и ужины.

Одним из главных событий недели стало торжественное представление в опере, на котором присутствовали делегации от всех кавказских племен. Разница в типах была

---

¹ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) — четвертый сын императора Николая I и Александры Федоровны. Наместник императора на Кавказе (1862–1881); генерал-фельдмаршал.

² Имеется в виду Ликанский дворец — вилла в мавританском стиле, выстроенная по проекту Л. Бенуа в 1892–1895 годах на берегу Куры в Ликани рядом с Боржоми, известным своими минеральными источниками.

³ Пост наместника императора на Кавказе был упразднен в 1881 году. Генерал князь Григорий Сергеевич Голицын (1838/1839–1907) занимал в 1896–1905 годах посты главноначальствующего Кавказской администрации, командующего войсками Кавказского военного округа и атамана Кавказских казачьих войск.

чрезвычайной. Веками Кавказ был пристанищем разных народов; политические изгнанники, авантюристы, солдаты со всех концов Европы попадали сюда, женились и оседали со своими семьями. Прошли года, земля поглотила их, но потомки остались верны привитым им обычаям и традициям, даже языку предков.

До сих пор в глубине Кавказа вы можете найти шотландские поселения, точное происхождение которых неизвестно. Жители носят килты, танцуют под барабаны, играют на инструменте, очень похожем на волынку, и до сих пор воспроизводят мелодии старинных шотландских песен, хотя слова их непонятны никому, кроме них самих.

Есть германские племена, в которых говорят на странном искаженном немецком языке, кроме того, итальянские и греческие племена, которые также сохранили большую часть характеристик своей исконной расы. Я разговаривал с часовым одной из этих греческих колоний, и хотя язык, на котором он говорил, очень отличался от обычного греческого, я мог его разобрать.

Племя, которое я нашел наиболее интересным, было хевсур¹, потомки крестоносцев, которые остались на Кавказе, возвращаясь из Святой Земли. Это были высокие, прекрасно выглядящие мужчины, одетые в средневековые доспехи, которые привезли их предки из Палестины, шлемы, помятые в битвах прошлого, кольчуги, украшенные выцветшими очертаниями креста. Их оружием были копья и короткие мечи рыцарей-крестоносцев.

Живописные фигуры всех этих различных делегаций племен заполнили маленький оперный театр, так что публика была намного красочнее и интереснее, чем артисты на сцене. Все гости вели себя наилучшим образом и спокойно сидели, наблюдая за представлением и вежливо

---

¹ Этнографическая группа грузин, коренное население горной области Хевсурети. Связь с потомками крестоносцев — лишь легенда.

аплодируя в конце номера. Но едва наместник и высокопоставленные чины удалились, началось столпотворение. Стремясь заполучить сувенир, люди начали рвать все, что попадалось им под руку. Портьеры были сняты и разрезаны на куски, возможно, чтобы снабдить блузами жен и возлюбленных, чехлы со стульев сорвали, даже позолоченные украшения на деревянных изделиях исчезли. Робкий маленький директор театра и его сотрудники были слишком напуганы, чтобы противостоять диким воинам гор, и прошло некоторое время, прежде чем удалось восстановить спокойствие, но к тому времени театр превратился в руины.

В последний вечер нашего пребывания в Тифлисе состоялось увеселение под открытым небом, на котором все дамы были в национальных костюмах, состоявших из короткого жакета, широких складчатых юбок и крошечной шляпки-таблетки. Эффект был восхитительным, особенно во время традиционного танца, где они скользили, едва передвигая ноги, а юбки ритмично качались в такт музыке.

В очередной мой приезд в Россию мама предложила мне побывать в Киеве и посетить знаменитые соборы и монастыри.

В те дни к множеству чудотворных святынь многовекового города стекались паломники со всех концов России. Мы ходили от одной церкви к другой, каждая из которых содержала какое-нибудь бесценное сокровище: Богородицы, чьи одежды сверкали драгоценностями, изысканные фрески и иконы, написанные старыми византийскими мастерами. В одном храме были мощи святой Анны, положенные в гроб из чистого золота; в другом — фрагмент Креста в искусно вырезанном ларце, усыпанном изумрудами и рубинами.

В монастыре нас проводили в катакомбы, тянущиеся на многие километры под рекой¹. Спускаться в тускло

---

¹ Описываются захоронения мощей подвижников в т. н. Ближних пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской лавры.

освещенные коридоры со слабым запахом сырости и разложения и каждые несколько мгновений натекать на мумифицированный труп какого-нибудь святого или бывшего настоятеля, лежащего в открытом гробу, все еще одетого в мантию, было для меня ужасным опытом. Мое первое впечатление было на редкость неприятным, так как мне не дали представления о том, что я должен был увидеть.

Вход в эти катакомбы представлял собой длинный туннель, вымощенный медью, который уходил прямо в недра земли. Он был чрезвычайно скользок, о чем меня не предупредили степенные монахи и сановники, проводившие мне экскурсию, в результате чего я потерял равновесие, соскользнул по всей длине и прибыл в небольшую ячейку. В слабом свете горящей лампы я увидел фигуры трех мумифицированных святых. Я был так напуган вторжением в эту жуткую компанию, что оставался неподвижным до тех пор, пока ко мне не присоединились мои спутники!

На обратном пути я посетил Одессу. Была отправлена обычная телеграмма, уведомляющая власти о моем прибытии, но произошла какая-то ошибка, и вместо меня указали имя моего старшего брата Георга и был устроен впечатляющий официальный прием, расстелены красные ковры, ряд гражданских и военных сановников во главе с оркестром и почетным караулом ожидали на платформе наследного принца Георга Греческого. Они просто остолбенели, когда из поезда вышел маленький мальчик в сопровождении репетитора.

Я, конечно, был в восторге от приема и развлечений, подготовленных для моего брата. Все началось с завтрака в доме генерал-губернатора барона Каульбарса¹, огромного

---

¹ Барон Александр Васильевич Каульбарс (1844–1929), генерал от кавалерии помощник командующего (1901–1904) и командующий (1904, 1905–1909) войсками Одесского военного округа. Отметился суровыми мерами по подавлению революционных выступлений.

человека с громким голосом и веселым смехом. Его экипаж, запряженный великолепными русскими рысаками, ждал у его дома, и он предложил мне сесть в нее и поехать с ним, к ужасу бедного Штукера, который знал, что барон был излюбленной мишенью нигилистов¹ и что уже было предпринято несколько покушений на его жизнь. Тем не менее, мы тронулись в путь: старый кучер в ватнике сидел на козлах, а мы с бароном — сзади.

Мы были на вершине длинного крутого холма с крутым изгибом у подножия, когда что-то, должно быть, испугало лошадей, потому что они рванулись без предупреждения. Барон схватил меня одной из своих больших рук, заставляя вернуться на свое место.

— Не двигайся, не двигайся, — заорал он.

Затем он перегнулся через козлы и схватил поводья, за которые уже цеплялся кучер, и двое мужчин тянули и напругали изо всех сил, пока наконец лошади не остановились всего в нескольких футах от обрыва.

Все произошло так быстро, что я едва успел испугаться, но мистер Штукер, видевший все из экипажа, в котором он ехал за нами, пережил несколько неприятных мгновений!

По какой-то причине поездки в Одессу и обратно часто превращались в странные приключения.

Я никогда не забуду, как однажды заехал туда на обратном пути из Крыма и попал в самую сильную бурю, которую когда-либо переживал. Всю ночь мы беспомощно качались, ожидая в любой момент пойти ко дну. Когда наконец наступило долгожданное затишье и нам удалось войти в Одесскую гавань, я как раз готовился засыпать, когда меня разбудил ожесточенный спор между нашим

---

¹ Генерал А. В. Каульбарс был мишенью нескольких покушений, организованных боевой организацией эсеров-максималистов. Одно из них было осуществлено Т. Принц 8 июля 1906 года.

капитаном и владельцем пароходства, который громко оплакивал опасности, которым подвергся его корабль. «Вы прекрасно знаете, что у него пробито дно и он может пойти ко дну в любой момент; нечего было выходить в море в такую погоду», — утверждал он с такой убежденностью, что я благодарил себя за то, что дожил до того, чтобы услышать разговор!

Позже утром я пересел на корабль, направлявшийся в Константинополь, и продолжил свое путешествие. Но мои приключения на этом не закончились!

Я обедал за капитанским столом, когда почувствовал на себе чей-то взгляд. Я поднял глаза и столкнулся с неподвижным и остекленевшим взглядом мужчины в конце стола. Встретившись со мной взглядом, он стал смотреть еще пристальнее, но я отвернулся и сделал вид, что не обращаю внимания. Потом он вдруг вскочил со своего места и, упав на колени перед иконой на стене, начал усердно молиться. Потом он поднялся с колен и подошел прямо ко мне, опустился к моим ногам и, схватив мою руку, стал покрывать ее поцелуями.

— Не обращайтесь внимания, бедняга сошел с ума, — прошептал мне капитан, хотя эта информация казалась лишней. — Возвращайся к себе и доедай свой обед, — строго сказал он, обращаясь к своему странному пассажиру. Мужчина кротко вернулся на свое место, но не пытался есть, а только продолжал смотреть на меня.

Я терпел, сколько мог, но этот дикий взгляд беспокоил меня, и я удалился в свою каюту.

Не прошло и нескольких секунд, как в дверь постучали. К счастью для меня, вместо того чтобы попросить посетителя войти, я подошел к двери и сам ее открыл. Там стоял бедный сумасшедший, который, очевидно, следовал за мной. Увидев его, я попытался закрыть дверь, но это было невозможно, потому что он бросился на нее и толкнул изо всей силы. Тем не менее мне удалось оттолкнуть его, что

дало мне преимущество. При этом мне удалось позвонить в колокольчик, который был в каюте, и, к моему невыразимому облегчению, я услышал шаги. Через мгновение появился стюард, высокий крупный мужчина, который тут же бросился на моего непрошенного гостя. Сумасшедший обладал нечеловеческой силой, и понадобилось пять матросов, чтобы одолеть его и доставить в каюту. Я не выходил из каюты, пока доктор не заверил меня, что безумец спокойно спит после инъекции морфия, которую ему сделали.

На следующее утро капитан пригласил меня подняться на мостик. Мы только что вошли в Константинополь, и Босфор представлял собой прекрасное зрелище с десятками маленьких турецких каяков, скользящих по голубым водам со всех сторон от нас, хотя требовалось немалое искусство навигации, чтобы не столкнуться с ними. Внезапно я снова ощутил неприятное чувство, что за мной наблюдают. Я посмотрел вниз, и там, на палубе, увидел своего «друга» с пристальным взглядом! Ему удалось выбраться из каюты и незаметно подкрасться к трапу. Одним прыжком он оказался на мостике, и началась погоня.

Пространство было ограничено, но преследование велось на максимальной скорости. Мы бегали по мостику, то забегая в рубку, то выскакивая из нее, в то время как капитан не мог отвести глаз от навигации корабля ни на секунду и мог только кричать о помощи. В конце концов, когда я был почти измотан, подоспели три или четыре матроса, связали беднягу и доставили на берег в лечебницу.

Позже я навел справки о нем, и мне сказали, что он умер в течение сорока восьми часов после того, как покинул корабль. Выяснилось, что это был грек, находившийся в приюте в Одессе, страдающий религиозно-патриотической манией, и что его выписали как раненого. К сожалению, случайная встреча со мной, членом королевского дома его страны, повергла его в безумие.

* * *

Обыкновенно я проводил часть года у моей сестры Марии на ее вилле под Ялтой.

Крым с его темными горами, увенчанными соснами, спускающимися к сапфировому морю, невероятно красив. Вереница пестро оштукатуренных вилл, окруженных цветущими садами, казалась фантастической, словно игрушечный город.

Ливадийский дворец¹, любимая резиденция императора Николая II, находившийся недалеко от Ялты, представлял собой большую виллу, построенную в итальянском стиле на месте более старой, первоначально принадлежавшей греческому эмигранту², которому она была подарена Екатериной Великой; первый владелец назвал дворец в честь места своего рождения.

Рядом с Ливадией стоял дом моего деда, Ореанда — большая вилла из серого камня с широким двором, обнесенным мраморными колоннами. Когда позже он сгорел дотла³, остались стоять только эти колонны, и моя сестра Мари приказала поставить их в своем саду. Он был похож на греческий храм, достаточно гармоничный в Крыму, ибо там было еще много следов самой плодovитой расы древнего

---

¹ Большой императорский дворец Александра II в Ливадии был создан по проекту И. А. Монигетти в 1860-х годах. Дворец был разобран в 1910 году, а на его месте в 1910–1911 годах по указанию Николая II архитектором Н. П. Красновым был возведен Белый дворец, сохранившийся до наших дней.

² Ливадия была пожалована командиру греческого Балаклавского батальона Ф. Ревелиотти. В 1832 году была приобретена у него графом Л. С. Потоцким.

³ Имение Ореанда после смерти императора Николая I принадлежало его второму сыну великому князю Константину Николаевичу (1827–1892). Дворец великого князя в Ореанде сгорел в 1882 году.

мира, а остатки греческой колонии действительно были найдены при раскопках неподалеку от ее виллы.

Я не могу даже представить себе Крым в современной новой России. При старом режиме это было место отдыха. Иногда я задаюсь вопросом, сколько из этих цветущих садов и игрушечных вилл все еще стоят, или безжалостная волна времени полностью смыла их со всем, что они представляли?

В их стенах разыгрывались трагические сцены революции, когда Крым был в руках то одной партии, то другой; охваченный ненавистью, закаленный ужасами Гражданской войны и ужасом репрессий.

На вилле моей сестры, Харакс¹, вдовствующая императрица Мария провела свои последние несчастливые недели на земле, которая была ее домом более полувека, прежде чем отправилась в изгнание на британском военном корабле.

Когда вспыхнула революция, она была в Киеве, а оттуда сумела добраться до Главного штаба армии в Могилеве, где застала императора в полном неведении о делах в Петербурге, изолированного от своей семьи и окруженного советниками, которые только что втянули его в самую роковую ошибку в его жизни — в подписание акта об отречении от престола.

Мать и сын провели вместе один день. Что произошло между ними, никто не знает, потому что ни один из них впоследствии не упоминал об этом. Императрица, верная привычке всей жизни, никогда не теряла самообладания, прощалась с сыном так спокойно, как будто собиралась в недолгую дорогу. Больше она никогда не видела его.

В первую смуту революции внимание всех партий было приковано к Петербургу², где Временное правительство

---

¹ Вилла Харакс в Крыму была выстроена архитектором Н. П. Красновым в стиле позднего модерна для великого князя Георгия Михайловича (1863–1919) в 1905–1906 годах.

² В 1914–1924 годах — Петроград.

брало бразды правления в свои руки, и к фронту, где Керенский делал все возможное, чтобы привести в порядок колеблющиеся войска. Императрица-мать, укрывшаяся в Крыму на даче¹ дочери Ксении², оставалась незамеченной до конца апреля 1917 года, когда без предупреждения прибыл отряд солдат и арестовал ее и ее домочадцев.

Она была ошеломлена. Со свойственной ей способностью выбрасывать неприятные факты из головы она все это время отказывалась верить в существование революции и относилась ко всем слухам как к ложным. То, что солдаты осмелились вторгнуться в ее жизнь, разграбить ее вещи и конфисковать ее заветный молитвенник и иконы, было для нее чем-то невероятным. Когда они не обратили внимания на ее возмущенные протесты и засмеялись над ее гневом, она удалилась в свою комнату и залилась слезами беспомощности.

Пока у власти было Временное правительство, она еще могла сохранять иллюзию свободы, ибо ей разрешалось ездить с одной виллы на другую, принимать гостей и вести более или менее нормальную жизнь. Но в октябре Временное правительство пало, и вся страна оказалась в руках большевиков.

Императрица-мать, ее дочь великая княгиня Ксения, ее муж, их дети и другие члены императорской семьи были арестованы на вилле с высокими стенами, принадлежавшей великому князю Петру³. Там они находились под охраной день и ночь, и никто из внешнего мира к ним

---

¹ Имеется в виду имение великого князя Александра Михайловича и его супруги Ксении Александровны «Ай-Тодор».

² Великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) — старшая дочь императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, супруга великого князя Александра Михайловича (1866–1933).

³ Имеется в виду дворец «Дюльбер», построенный в 1895–1897 годах по проекту В. Н. Краснова в мавританском стиле для великого князя Петра Николаевича.

не допускался, за исключением воспитателя детей, который, как обычно, продолжал давать им уроки. Все деньги, которые у них были при себе, конфисковали во время ареста и им не разрешалось ничего брать, так что со временем они остались без средств на покупку даже самого необходимого.

Тогда воспитатель мужественно вызвался ехать в Петербург: рассказать датскому посланнику Скавениусу¹ о таком положении и получить от него деньги для императрицы. Для охранника он выдумал какую-то историю о посещении родственников, и, ничего не заподозрив, они позволили ему сесть на поезд до Петербурга.

По прибытии он отправился прямо в датское посольство, где после небольшого промедления г-н Скавениус раздобыл сумму в 120 000 рублей (около четырех тысяч фунтов стерлингов), которую он передал ему банкнотами. Засунув их в карманы, губернатор вернулся в дом, где остановился в Петербурге. Но большевики были очень заинтересованы в его передвижениях и шпионили за ним, не прошло и часа, как он пробыл в своей комнате, как к нему постучали и доложили, что явился комиссар и группа солдат, чтобы доставить его в штаб. Чтобы выиграть время, он ответил, что спит и спустится, как только оденется.

В оставшиеся несколько минут он вынул пачки банкнот и в отчаянии оглядел комнату в поисках тайника. Лучшее, что он смог найти, была клеенка перед умывальником, и, торопливо разорвав ее, он приклеил купюры на внутреннюю сторону, прежде чем спуститься вниз.

Как он и ожидал, его отправили под арест и после длительного допроса, в ходе которого не удалось ничего

---

¹ Харальд Скавениус (1873–1939) — датский дипломат, посланник Дании в России (1912–1918), посол в Италии, Нидерландах и Швейцарии. Министр иностранных дел (1920–1922). Двоюродный брат Эрика Скавениуса (1877–1962) — министра иностранных дел в 1909–1910, 1913–1920 и 1940–1943 годах.

обнаружить, посадили в тюрьму. Однако, поскольку доказать что-либо было невозможно, его освободили, продержав несколько дней.

Он вернулся в дом, где его арестовали, и там, к своему ужасу, обнаружил, что его комната подверглась обыску. Клеенка была разорвана и лежала неряшливой кучей в одном углу. Он взял ее и машинально встряхнул, без малейшей надежды что-нибудь найти. К своему изумлению, он обнаружил, что пачки банкнот все еще целы и прочно приклеены к поверхности. Большевики внимательно осмотрели настил и даже взялись за доски в поисках, но не подумали о том, чтобы перевернуть клеенку!

Следующим вопросом было то, как доставить деньги в Крым, и после долгих раздумий он решился на план настолько смелый, что только его простота помогла осуществить его.

Он купил книгу, длинный трактат по философии, подходящий для более легких занятий репетитора, и, вырезав большую часть ее страниц, вклеил банкноты в остальные. Его и его попутчиков несколько раз обыскивали в поезде, но конвоиры лишь мельком взглянули на книгу, которую он вежливо протянул им для осмотра, и он смог возвратиться в Ялту и доставить деньги вдовствующей императрице без дальнейших приключений.

Шли месяцы, условия в Крыму ухудшались, а страдания императрицы Марии и ее домашних усугублялись. Командир красных матросов, поставленный охранять их, чтобы показать свою жестокость, лишал их сначала одной маленькой привилегии, потом другой; подвергал их всяческим унижениям. Их жалели даже подчиненные ему матросы.

Однажды один из них, юноша лет восемнадцати, пришел в комнату императрицы и упал на колени перед ее креслом.

— ...Мой срок службы здесь окончился, и я должен вернуться в Петербург, — сказал он. — Я пришел просить вашего благословения, прежде чем уеду.

В течение следующих нескольких минут она журила его, точно так же, как пожурела бы одного из своих внуков, говоря ему, что ему должно быть стыдно за ту роль, которую он играет в революции.

— Что бы сказала тебе твоя мать? — строго спросила она. — Полагаю, ты забыл все, чему она тебя учила. Где твой крест?

Он признался, что крест в кармане, так как у него не хватило смелости носить его на шее.

— Тогда отдай его мне сейчас же, — сказала императрица. — И я снова надену его на тебя.

Он ушел от нее в слезах, пообещав загладить свою вину. Некоторое время спустя она получила от него письмо, в котором он рассказал, что он вернулся в дом своего отца.

Но большинство конвоя не было похоже на него, ибо Царство Террора было в самом разгаре, и отбросы человечества научились наживать на искренних убеждениях других, они грабили направо и налево и тратили доходы от награбленного имущества на себя. Достать кокаин или морфий для раненых было почти невозможно, так как в каждую аптеку Ялты вламывались вооруженные матросы, которые приставляли револьвер к виску провизора и принуждали отдавать весь запас наркотиков. Алкоголь любого сорта был разграблен и выпит, и даже йод и другие дезинфицирующие средства, которые можно было перегонять, постигла та же участь.

Единственным оправданием этих ужасных зверств могло быть только то, что большинство преступников все время находились под воздействием наркотиков. Волна порока, захлестнувшая всю страну, была, пожалуй, самым страшным аспектом революции, ибо увлеченные ею мужчины и женщины возродили пытки средневековья.

Особенно чудовищным извергом была одна девятнадцатилетняя девушка, которая избавлялась от своих жертв, просто заставляя их сидеть на краю бочки, в которую

вылетали их мозги. Она тоже всегда находилась под действием наркотиков и в конце концов умерла от передозировки кокаина.

Во тьме этих пороков сияли отдельные подвиги мужества и самопожертвования.

В Кисловодске дети двух семей, моих друзей, были приговорены большевиками к расстрелу и выстроены вместе с матерями перед расстрелом. Их возраст колебался от семи до восемнадцати, но они безропотно ждали смерти, кроме самого младшего мальчика, который начал истошно плакать как раз перед тем, как должна была раздаться команда стрелять.

Неожиданно шеренга солдат дрогнула и заколебалась. Внезапно командующий опустил руку. «Я этого не вынесу», — закричал он и убежал с места происшествия, в то время как его люди, смутившись, оставили строй.

Дети были спасены, так как прошло несколько дней, прежде чем другой командир был послан казнить их, но к тому времени им удалось сбежать. Человек, который дал им отсрочку, был расстрелян за неподчинение приказу.

Вдовствующая императрица избежала гибели от рук большевиков в 1918 году, когда красные были изгнаны из Крыма наступающими немцами. Уполномоченный в Ялте решил, что до эвакуации округа предпочтительнее избавиться от членов императорской фамилии, находившихся у него в плену, и послал отряд своих людей с приказом начальнику стражи доставить их на казнь.

Заключенные слышали, как к воротам подъехали тяжелые грузовики, и вскоре зал их виллы заполнился солдатами, которые грубо приказали им собрать вещи на всякий случай для «путешествия». Все они, кроме старой императрицы, догадывались, что это значит, но сопротивление было бесполезным, и все готовились вести себя как можно хладнокровнее, когда начальник их охраны, чьи оскорбления и жестокость усугубляли страдания заточения, неожиданно потребовал список имен заключенных,

которые должны были быть доставлены. В течение двадцати минут они ждали в напряжении, пока он внимательно просматривал списки, обдумывая то одно, то другое, настаивая на сверке с подробными документами в каждом случае. К тому времени, когда он добился освобождения для младшего сына великой княгини Ксении на том основании, что, поскольку ему было всего десять лет, «у него было достаточно времени, чтобы вырасти хорошим гражданином», и для врача, услуги которого были «необходимы для гвардии», прошло еще десять минут, и солдаты, заведовавшие грузовиками, утратили терпение.

Все формальности, по-видимому, были закончены, когда командир вдруг спросил:

— У вас есть документы, разрешающие перевод?

Ему сказали, что все в порядке, но он настоял на том, чтобы увидеть их.

— Но они подписаны в Ялте! — воскликнул он. — Я, конечно, не отдам вам своих пленников. Я получаю приказы из Петрограда и ниоткуда больше.

После этого начался гневный спор, комиссары из Ялты утверждали, что их послали за пленными и без них они не могут возвратиться, а начальник караула, поддерживаемый своими матросами, упорно отказывался подчиняться кому-либо, кроме уполномоченных в Петрограде. В конце концов, когда стало казаться, что между ними вот-вот разразится ожесточенная битва, солдаты ушли, поклявшись отомстить охранникам и пообещав вернуться на следующий день.

Но еще до следующего утра начальник караула получил телеграмму, предписывающую ему ни в коем случае не выдавать пленных и возлагающую на него ответственность за их безопасность. Через несколько часов немцы вошли в Ялту, а красная гвардия была расформирована. Начальник охраны приехал проститься с императрицей Марией, и тогда заключенные впервые узнали правду.

Их жестокий тюремщик занимал свой пост просто для того, чтобы защищать их, когда в этом возникала необходимость¹. Он умышленно задержал солдат из Ялты и поссорился с ними, зная, что немецкие войска находятся в двадцати верстах от города и что, если он выиграет время, его пленные будут в безопасности. Он создал фальшивую телеграмму из Петрограда, рискуя собственной жизнью, если бы уловка была раскрыта.

— Но вы были последним человеком, которого мы считали своим другом, — сказала императрица. — Почему вы оскорбляли нас каждый день?

Он рассмеялся:

— Я должен был сыграть свою роль, иначе я потерял бы доверие своих людей и меня перевели бы туда, где я не смог бы помочь Вам.

Если бы не его вмешательство, русская революция пополнилась бы еще одной трагедией. Но, к сожалению, его уловку раскрыли, и он заплатил за свою верность жизнью².

Прошло два года. Крым был занят сначала немцами, а затем Белой армией. Тем не менее императрица Мария отказывалась покинуть Россию.

— Все будет кончено через несколько недель, — всегда говорила она, когда кто-нибудь пытался ее переубедить. Как и все остальные, она питалась сырой репой, льняным маслом и изредка гороховым супом, но никогда не жаловалась.

---

¹ Речь о Филиппе Львовиче Задорожном — матросе Черноморского флота, комиссаре Севастопольского совета, отвечавшем за жизни членов династии Романовых. Ф. Л. Задорожный подчинялся распоряжениям центральных советских властей. В силу этого не подчинился решению о ликвидации арестованных в Крыму представителей императорской семьи, принятому местным Ялтинским советом, и фактически взял их под охрану до самого вступления в Крым в апреле 1918 года немецких войск.

² Ни год, ни обстоятельства смерти Ф. Л. Задорожного доподлинно не известны.

Король Англии¹ несколько раз отправлял за ней военные корабли; ее сестра, королева Александра², снова и снова писала ей, убеждая ее приехать к ней, но безрезультатно, несмотря на то, что Белая армия была отброшена, а красные были в нескольких милях от Ялты! Женщин и детей постепенно уводили в безопасное место на борт британских крейсеров, но императрица оставалась до тех пор, пока британский адмирал не указал ей, что ее присутствие в городе является помехой Белой армии, поскольку для ее охраны требовались войска, которые были нужнее на фронте.

После этого она неохотно согласилась уехать, но была в ярости на своих дочерей и на все свое окружение за то, что они «устроивали такую возню по пустякам». Она сидела среди багажа и суеты, браня их на все лады, не в силах даже тогда допустить, что может существовать такая неприятная вещь, как революция.

---

¹ Король Великобритании (1910–1936) Георг V.

² Вдовствующая королева Александра Датская (1844–1925). Супруга покойного короля Эдуарда VII (1901–1910).

ГЛАВА V

АНГЛИЯ. — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. — ВСТРЕЧА С ПЕРВОЙ ЖЕНОЙ

Мне был двадцать один год, когда я впервые побывал в Англии и гостил у короля Эдуарда и королевы Александры.

Это было лето 1909 года, расцвет эдвардианской эпохи, эпохи легкости и беспечности, безмятежного изобилия в процветающей стране с прочно укоренившейся монархией. Эпоха роскошных развлечений в великолепных лондонских домах, которые сегодня остались только в воспоминаниях... Девоншир-Хаус, Лэнсдаун-Хаус, Гросвенор-Хаус... Ночи роскошных обедов и балов. Эпоха прекрасных женщин и великолепных мужчин.

Ни одна женщина не может быть более роскошной, чем англичанка, если она красива, и двор Эдуарда VII блистал красавицами: сестры Корнуоллис-Уэст, герцогиня Вестминстерская, принцесса Дейзи Плесс, герцогиня Портлендская, леди де Грей, герцогиня Сазерленд и миссис Кеппел. Королева Александра затмевала их всех, очаровательная даже в старости, со своими пышными светлыми волосами, веселыми глубокими глазами и стройной фигурой.

Жизнь в Букингемском дворце была смесью величия русского двора и непринужденности Афин. Король Эдуард приглашал меня и моего племянника (ныне короля Греции Георга), который гостил там одновременно со мной, повсюду с собой, и, если он не мог идти в ногу с нашей юношеской энергией, то поручал сэру Гарри

Стонору¹ сопровождать нас. Я полагаю, бедняге пришлось пройти лечение после того, как мы уехали, потому что он буквально не спал в течение трех недель; каждый вечер были театры, балы и ужины, на которых мы настаивали.

Король Эдуард занимал видное место в моих детских привязанностях еще с тех далеких лет в Дании. Вновь увидев его среди его народа, я так хорошо понял, почему он был любим всеми, ибо он обладал тем необыкновенным личным обаянием, которое дано немногим мужчинам. Историки будущего отдадут должное его политическим качествам, его безошибочному дипломатическому чутью², его блестящему пониманию иностранных дел, но только те, кто знал его близко, могли оценить его доброту и чуткость, такт, благодаря которому он получил прозвище Миротворца, не только как правитель, но и как глава собственной семьи. Он всегда успокаивал бурные течения, его дипломатия основывалась не только на дальновидном уме, но и на настоящей доброте сердца. Даже его недостатки вызывали симпатию, они только делали его более человечным, более терпимым к другим людям.

Иногда он поддавался необоснованным порывам гнева. Однажды, я помню, во время обеда, за которым должен был последовать бал, он рассыпал немного шпината на безукоризненно-белом просторе своей манишки. Тотчас он вспыхнул, и, запустив руки в блюдо со шпинатом, размазал его по всему себе. Потом, видя, как на лицах гостей отпечаталось выражение вежливого испуга, он заразительно расхохотался:

— Ну что же, мне все равно пришлось бы переодеться, не так ли? Так что я могу позволить себе этот беспорядок!

---

¹ Сэр Гарри Уильям Стопор (1859–1939) — британский придворный, служивший при королеве Виктории и королях Эдуарде VII, Георге V, Эдуарде VIII и Георге VI.

² Намек на личный вклад короля в оформление в 1904–1907 годах союза с Францией и Россией.

Королева Александра обладала несомненным талантом собирать всевозможные безделушки и копить их еще долго после того, как все забывали об их происхождении. Книжки, фотографии, фарфор, письма, старые программы, обрывки лент и шнурков, были свалены в кучи без разбора везде и всюду, потому что она никогда ничего не выбрасывала. Прекрасные миниатюры и георгианские табакерки занимали столики, были там фарфоровые свинки и брелоки из ирландского болотного дерева; она хранила мушку, подаренную ей в Шотландии, так же бережно, как брошь одного из индийских махараджей. Ряды фотографий полностью покрывали верхнюю часть рояля, начиная с самого конца и вплоть до пюпитра, так что использовать его по назначению было невозможно. Однажды вечером она попросила меня сыграть с ней и, казалось, почувствовала облегчение, когда я отказался, и сказала:

— Нам понадобился бы целый час, чтобы расставить все по местам.

Она умудрялась даже в путешествия брать с собой большую часть этих своих сокровищ. Королевская яхта «Виктория и Альберт» была полна ими, я помню, как однажды, когда мы попали в шторм у берегов Норвегии, она провела почти всю ночь, подбирая и раскладывая безделушки на своих столах. Не успевала она привести все в порядок с одной стороны, как яхта кренилась в противоположную сторону — и ей приходилось начинать все сначала.

Маркиз де Совераль¹, бывший португальский посланник в Великобритании и близкий друг короля Эдуарда, был на борту яхты во время этого круиза, и за ужином в тот ненастный вечер между нами сидела королева Алек-

---

¹ Луис Пинто де Совераль (1851–1922) — португальский дипломат; министр иностранных дел (1895–1897). Чрезвычайный и полномочный посланник в Лондоне (1897–1910). Близкий друг принца Уэльского, впоследствии короля Эдуарда VII.

сандра. Внезапно яхта сильно наклонилась на правый борт, и она, и маркиз, и хрустальное ведро со льдом оказались в углу.

Хотя на официальных мероприятиях никто не мог выглядеть более достойно, чем королева Александра, она была очень веселой.

Однажды, когда я гостил в Букингемском дворце, она позвала меня к себе в комнату. На кровати была разложена разнообразная коллекция мантий, платьев и шляпок всех мастей, принадлежавших королеве Виктории. Королева Александра рассматривала их, в ее глазах плясало веселье.

— Теперь, Христо, — сказала она, когда я вошел. — Ты должен надеть это платье, спуститься в комнату тети Минни и рассмешить ее.

Тетя Минни (вдовствующая императрица России)¹, гостившая в Букингемском дворце, лежала в постели с приступом люмбаго².

Мы выбрали платье, которое королева Виктория надевала в дни своей юности, на открытие Большой выставки в Париже во времена Наполеона III, творение из клетчатой тафты. Я втиснулся в него, надел на голову шляпку с перьями и дополнил костюм кружевным зонтиком. Одетого таким образом, королева провела меня по бесконечным коридорам мимо возмущенных слуг, пока мы не достигли комнаты императрицы, где меня торжественно объявили: «Ее Величество Королева Виктория».

К сожалению, больная так смеялась, что у нее случился рецидив!

Боюсь, что никто из нас, представителей молодого поколения, не выказал достаточного сочувствия к бедной императрице, которая действительно мучилась от болезни.

---

¹ Мария Федоровна (1847–1928), вдова императора Александра III.

² Люмбаго — острая боль в пояснице.

Однажды, когда она гостила в Сандрингем-Хаусе¹, она так заболела, что неделями не могла ходить, и ее возили по саду в кресле.

Однажды утром я встретил ее, когда ее медленно катили по направлению к Йорк-хаусу², и предложил прокатить ее. Сестра милосердия, которая сопровождала императрицу, ничего не подозревая, согласилась.

Вскоре мы оказались на вершине крутого склона, и я с сожалением должен отметить, что искушение оказалось для меня слишком большим. Одним точным толчком я отправил кресло вниз с головокружительной скоростью. Отчаянные вопли императрицы сотрясали воздух, когда она мчалась вниз, а затем на полпути ее подбросило в воздух, после чего она снова понеслась вниз. То ли страх, то ли резкие движения, которые она делала, чтобы освободиться, вылечили ее.

Когда я гостил в Сандрингеме через несколько месяцев после смерти короля Эдуарда³, со мной произошел странный случай. Я приехал в Лондон на похороны, которые были одной из самых впечатляющих церемоний⁴, когда-либо виденных мной. Восемь правящих Государей⁵ следова-

---

¹ Сандрингемский дворец — частная усадьба в Норфолке, приобретенная в 1862 году королевой Викторией для своего сына принца Уэльского и его супруги Александры Датской. Вдовствующая королева Александра продолжала жить здесь и после смерти мужа.

² Небольшой коттедж, выстроенный в Сандрингеме для наследника престола, будущего Георга V.

³ Эдуард VII скончался 6 мая 1910 года.

⁴ Государственные похороны Эдуарда VII с участием представителей 70 государств состоялись в Лондоне 20 мая 1910 года.

⁵ Не считая британского короля Георга V, этими восемью государями были: германский император Вильгельм II (1888–1918), король эллинов Георг (1863–1913), король Испании Альфонсо XIII (1886–1931), король Норвегии Хокон VII (1905–1957), король Дании Фредерик VIII (1906–1912), король Португа-

ли за гробом. Процессию длиной в несколько миль возглавлял кайзер, а за ним ехали короли во главе с моим отцом, который правил дольше всех.

Помимо грустной торжественности этого события, поскольку отец был очень привязан к покойному королю, путешествие от Вестминстерского аббатства до железнодорожной станции, где скорбящие сели на поезд в Виндзор, было для него мучительным. Лошадь, назначенная ему для езды в процессии, была либо слишком свежа, либо у нее случились судороги, так как всю дорогу она вертелась и вставала на задние ноги. Кортёж следовал по улицам полтора часа, и к тому времени мой отец, хотя и был отличным наездником, почувствовал себя дурно, и у него закружилась голова. Лошадь турецкого представителя также начала топтаться на месте вскоре после начала процессии, но этот несколько робкий всадник тотчас же спешился и остаток пути прошел пешком.

После похорон я пробыл несколько недель в Лондоне, а затем отправился в Сандрингем к королеве Александре. Я приехал жарким июльским днем и, чувствуя усталость, поднялся наверх, чтобы отдохнуть после чая.

Моя спальня находилась в одном из современных крыльев под башней с часами, это была светлая комната с кремовыми стенами и ярко-голубыми и белыми шторами. В нише, образованной часами, стоял туалетный столик с квадратным зеркалом. Моя кровать стояла вдоль противоположной стены. На первый взгляд, казалось бы, невозможно представить что-либо сверхъестественное в такой веселой обстановке. Я надел халат, лег на кровать с книгой и читал, пока не заснул.

Я проснулся снова только когда пришел мой слуга, чтобы разложить одежду, которую я должен был надеть к обеду,

---

лии Мануэл II (1908–1910), болгарский царь Фердинанд (1908–1918, князь с 1887 года), король бельгийцев Альберт I (1909–1934).

я поговорил с ним несколько минут, затем взял книгу и снова начал читать.

Вдруг чувство, будто за мной наблюдают, заставило меня обернуться. В зеркале туалетного столика отражалась голова женщины. Она стояла так неподвижно, что я мог рассмотреть каждую деталь ее внешности. Я увидел, что она молода и очень красива, что у нее выющиеся каштановые волосы и мягкий подбородок с ямочками, и что верхняя часть ее лица закрыта маленькой черной маской. Сквозь маску ее глаза смотрели прямо на меня с глубокой грустью. Она казалась такой настоящей, таким же существом из плоти и крови, как и я, что первой моей мыслью было, что она как-то вошла в комнату и что я смотрю на ее отражение в зеркале.

Я обернулся, чтобы успокоиться, но там не было никого, кроме моего лакея, который суетился, раскладывая полотенца и халат возле ванной, и, к моему изумлению, он подошел прямо к зеркалу, чтобы взять что-то с туалетного столика, прошел в нескольких дюймах от этой безмолвной фигуры, ничем не показывая, что видел ее.

Это было похоже на какой-то кошмар; приятный интерьер, еще полный июльского солнца, домашние, будничные звуки льющейся воды, выдвигающихся и закрывающихся ящичков, лакей с его равнодушным румяным лицом, и это странное присутствие, эти навязчивые глаза, устремленные на меня, полные какого-то непостижимо горя.

Я буквально прирос к кровати. Я снова и снова пытался крикнуть, но мое горло словно парализовало. Слуга не обращал внимания, только продолжал свое дело, секунды казались часами.

Затем, так же внезапно, как и появилась, женщина исчезла, и чары рассеялись. Я возмущенно повернулся к своему лакею:

— Разве ты не слышал, что я с тобой разговариваю? Почему ты мне не ответил?

Он огляделся в полном изумлении.

— Ваше королевское высочество, я не слышал, что вы говорите.

— Ты ничего не слышал? — спросил я, стараясь говорить небрежно, хотя сердце неприятно колотилось.

— Нет, ваше королевское высочество.

Я оделся к ужину и спустился вниз, где присоединился к своей сестре Марии и принцессе Виктории¹. Пока мы ждали остальных, я рассказал им о своем опыте. Они совершенно не впечатлились. Мари по-сестрински рассмеялась надо мной, а принцесса Виктория твердо заявила, что я переутомился и должен принять тонизирующее средство. На этом история была забыта.

В ту ночь я крепко спал, а при свете утра начал убеждать себя, что все это, должно быть, было сном.

После обеда королева Александра предложила нам поехать в Хоутон, прекрасное поместье лорда Чамли², она хотела, чтобы мы его увидели. Когда мы вышли, то обнаружили, что Чамли отсутствовали, но дворецкий предложил проводить нас.

Я был в маленькой часовне, поглощенный изысканной резьбой, когда моя сестра и принцесса Виктория прибежали из картинной галереи. Бледные от волнения, они схватили меня и потащили в галерею, где остановились перед картиной:

— Смотри! Ты ее узнаешь?

Я стоял и смотрел на портрет женщины, которую видел накануне в своей комнате в Сандрингеме. На ней было то же самое платье, в котором она явилась мне. В одной руке она

---

¹ Виктория Великобританская (1868–1935) — дочь короля Эдуарда VII и Александры Датской.

² Хоутон-холл — роскошная резиденция первого британского премьер-министра, Роберта Уолпола (1676–1745) в Норфолке, унаследованная в конце XVIII века Джорджем Чамли (1749–1827), первым маркизом Чамли.

держала маленькую маску, в которой я ее видел, так что на этот раз очаровательное лицо было полностью открыто. Художник уловил что-то от грустной мольбы в глазах. Принцесса Виктория обратилась к экономке, сопровождавшей нас по галерее:

— Вы знаете, кто это? — спросила она.

Женщина замялась:

— Знаю. Но мы никогда не говорим о ней здесь.

После небольшого колебания она сказала нам, что дама была семейным призраком и что ее портрет всегда висел в одной из больших комнат для гостей, которая была настолько населена привидениями, что никто не мог там спать. Когда отец нынешнего маркиза умер, портрет убрали в картинную галерею. После этого ее посещения прекратились...

— Никто не видел ее около семидесяти лет, — заключила экономка.

Так вот откуда взялся мой призрак! Но все же я не мог понять, почему она покинула свое пристанище, чтобы явиться ко мне, который даже никогда не слышал о ней, в Сандрингеме, на расстоянии нескольких миль.

Несколько недель спустя я получил объяснение от фрейлины моей матери, которая была достаточно заинтересована, чтобы навести справки. Она узнала, что дама была при жизни женой предка Чамли, который очень плохо с ней обращался. Не имея в те дни никакой правовой защиты, она могла надеяться только на ходатайство перед королем и в течение долгого времени тщетно пыталась сбежать из дома и отправиться в Лондон. Но муж позаботился о том, чтобы у нее не было шансов на освобождение, и до последних лет жизни буквально держал ее под замком. В конце концов она умерла от разбитого сердца, ее единственная цель так и не была достигнута.

С тех пор, как гласит история, она время от времени появляется рядом с кем-либо, кто связан с королем, умоляя грустными глазами, чтобы за нее заступились.

* * *

Англия стала местом действия моего первого романа, который, увы, имел трагический финал. По крайней мере, тогда я считал его трагическим, с точки зрения двадцатидвухлетнего юноши; и только оглядываясь на него сейчас, я могу оценить комизм ситуации.

В английской королевской семье была незамужняя принцесса, о которой говорили, пользуясь популярной эдвардианской фразой, как о «разочарованной в любви». Таким образом, она стала типичной тетушкой-девицей и со временем приобрела черты многих тетушек-девиц, будь то принцессы или простолюдинки. Она обожала молодежь, помолвки и свадьбы, всякие сплетни и больше всего — вмешиваться в чужие жизни.

Я совсем недолго пробыл в Англии, когда она решила, что мне нужно найти жену. Ее выбор пал на принцессу Аликс, дочь герцога Файфа¹. Тонкими намеками она убедила меня, что помолвка между нами встретит всеобщее одобрение.

Я был безмерно польщен, так как восхищался принцессой Аликс² с тех пор, как приехал в Лондон, но я никогда не осмелился бы сделать ей предложение в столь раннем возрасте, тем более попросить об этом отца. Однако тетушка-девица, пребывавшая в своей стихии, пообещала «все устроить для нас».

Несколько дней спустя она триумфально явилась ко мне с приглашением погостить в августе в Мер-Лодж у герцога

---

¹ Александр Дафф (1849–1912), граф Файф, был возведен королевой Викторией в герцоги Файфа и маркизы Макдаффа в 1889 году после его женитьбы на принцессе Луизе Великобританской, старшей дочери принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VII).

² Принцесса Александра (1891–1959), старшая дочь герцога Файфа, унаследовала титул отца в 1912 году.

Файфа и его семьи. К сожалению, она не сказала мне, что это приглашение было неохотно вырвано у герцога после ее торжественного заверения, что я дал честное слово не делать предложение его дочери. Вместо этого она заставила меня поверить, что передо мной открыты все двери.

Итак, в блаженном неведении я отправился в Шотландию, а через несколько дней мы с принцессой Аликс тайно обручились.

Примерно через четыре дня нам пришло в голову, что было бы неплохо сказать об этом ее родителям. Подобное никогда не казалось мне чем-то запретным, ибо мой отец, несмотря на свою строгость к нам в детстве, с возрастом приучал нас к свободе действий. Но бедная маленькая принцесса Аликс, воспитанная в строжайших викторианских традициях, очень трепетала перед своими родителями, и ей потребовались все запасы мужества, чтобы пойти на подвиг. Дрожа, бледная как полотно, похожая на испуганного ребенка, вечером перед обедом она отправилась в кабинет герцога Файфа, чтобы сообщить ему о нашей помолвке.

Позже она пришла на обед с красными глазами и ответила на мою улыбку жестом отчаяния. Ее отец сидел, словно грозная туча, во главе стола.

Когда мы вышли из столовой, меня вызвали в кабинет, и там завязалась одна из самых болезненных бесед в моей жизни. Мало того, что герцог развеял все иллюзии, которые я мог питать относительно возможности жениться на его дочери, он отказался выслушать мое объяснение случившегося и откровенно сказал мне, что, по его мнению, я вел себя как негодяй, нарушив данное обещание. Он так рассердился, что нельзя было заставить его понять, что я никогда не давал такого обещания и что в нелепом положении виноваты только романтические наклонности бедной старой принцессы.

Произошла длинная и мучительная сцена, которая, боюсь, коснулась не только нас двоих. В слезах были принцес-

са Аликс и герцогиня Файф, пожилая принцесса пролила реки слез и настолько отчаянно стремилась оправдаться, что была более чем бесполезна в качестве союзника. Королева Александра ходила от одного к другому, не в состоянии точно расслышать, что говорят, но стремясь нас всех успокоить.

Где-то после полуночи мы все легли спать, и на следующее утро я уехал очень рано, до того как остальные проснулись.

Я отправился прямо в Балморал¹ и около семи часов вошел в дом, который занимал лорд Ноллис². Его дочь Лувима (она обязана своим необычным именем тому факту, что три принцессы, ЛУиза, ВИктория и Мод³, были ее крестными) спустилась, чтобы встретить меня, с сочувствием выслушала мой горестный рассказ и подняла отца с постели, чтобы исправить ситуацию.

Лорд Ноллис отправился прямо в замок и рассказал обо всем королю Георгу, который тут же попросил меня прийти. Он и королева встретили меня с теплотой, которая в какой-то степени спасла оскорбленное достоинство юности.

Они расхохотались над моим описанием сцены, происшедшей в Мер-Лодж, хотя король настаивал на том, что так дело оставлять нельзя.

— Единственное, что можно сделать, — это написать письмо Мак-Даффу, извиниться и все исправить, — сказал он.

---

¹ Замок в Абердиншире, частная резиденция английских королей в Шотландии.

² Френсис Ноллис, первый виконт Ноллис (1837–1924) — английский придворный, занимал пост личного секретаря короля в 1901–1913 годах.

³ Речь о дочерях короля Эдуарда VII и Александры Датской: Луизе (1867–1931), Виктории (1868–1935) и Мод (1869–1938). Виктория была супругой первого герцога Файфа, Мод — замужем за королем Норвегии Хоконом VII.

Итак, письмо было написано, и через несколько часов я получил на него очаровательный ответ и приглашение на обед в Мер-Лодж. Принцесса Аликс и я встретились за обеденным столом, я был смущен, она очень сдержанна, но мы не оставались наедине ни на мгновение.

Следующей зимой герцог Файф умер¹. Я до сих пор жалею о том, что у меня не было возможности все объяснить ему и что до конца жизни он считал меня хамом!

Принцессу Аликс я не видел много лет, тем временем она вышла замуж за принца Артура Коннаутского². К счастью, наши шрамы не были глубокими, потому что мы были больше влюблены в любовь, чем друг в друга. Во всяком случае, когда мы встретились на свадьбе принца Георга и моей племянницы Марины, мы оба рассмеялись при воспоминании о нашем злополучном романе.

* * *

Мне довелось быть в Лондоне в год коронации Георга V и принять участие в Большом турнире в Эрлс-Корте³, одном из самых грандиозных провалов, когда-либо организованных во имя благотворительности.

Идея изображения турнира времен крестовых походов была очаровательна с художественной точки зрения, но все это было так плохо организовано от начала до конца, что только тот факт, что организатором была леди Рэндольф Черчилль, спас турнир от полной катастрофы. Леди Рэндольф, урожденная Дженни Джером⁴, была первой из

---

¹ 29 января 1912 года.

² Александра, вторая герцогиня Файф, вышла замуж за принца Артура Коннаутского (1883–1938) в 1913 году.

³ Театрализованный рыцарский турнир, состоявшийся в Эрлс-Корте в июле 1912 года.

⁴ Леди Рэндольф Черчилль, урожденная Дженет Джером (1854–1921), — дочь американского финансиста, супруга младшего

американских наследниц, покоровших английское общество, она была одним из божеств довоенного Лондона, и те, кто ее не любил, боялись ее.

Каждая деталь продумывалась. На это уходили недели. За репетициями наблюдали известные писатели и историки; костюмы придумывали королевские академики. Самые красивые женщины Лондона принимали участие в различных сценах. Мэри Керзон (теперь леди Хоу)¹ была королевой красоты и появлялась, сидя на настоящих носилках в сопровождении группы красивых фрейлин во главе с леди Дианой Мэннерс². Принцесса Дейзи Плесс³ была иностранной королевой и участвовала в соревнованиях на лошадях, столь же аутентичных. Сотни рыцарей, оруженосцев, пажей и латников; целый отряд гвардейцев был призван на службу в качестве крестоносцев. Костюмы из кольчуги заимствовались из музеев и частных коллекций по всей стране; состязание было настолько реалистичным, что один из английских пэров, выпавший из седла, повалился на спину и чуть не задохнулся под тяжестью своих доспехов.

сына герцога Мальборо Рэндольфа Черчилля (1849–1895), мать сэра Уинстона Черчилля (1874–1965).

- ¹ Мэри Керзон, леди Хоу (1887–1962), — британская аристократка и светская львица, супруга виконта Френсиса Керзона (1884–1964), впоследствии пятого графа Хоу.
- ² Диана Купер, виконтесса Норвичская (урожденная леди Диана Мэннерс; 1892–1986) — британская аристократка, игравшая заметную роль в светской и общественной жизни Лондона и Парижа описываемой эпохи. Жена Даффа Купера — видного противника политики «умиротворения»; военного министра (1935–1937), первого лорда Адмиралтейства (1937–1938), посла во Франции (1944–1948).
- ³ Принцесса Дейзи Плесская (урожденная Корнуоллис-Уэст; 1873–1943) — известная светская львица эдвардианской эпохи. В 1891 году вышла замуж за Ганса Генриха XV (1861–1938), принца Плесского, графа Хохберга, барона Фюрстенштайна.

Он был похож на перевернутую черепаху, пока не приехали медики и не забрали его с поля. Князь Юсупов¹ и герцог Мекленбург-Стрелицкий² были в образах принцев, одетые в роскошные костюмы; мой племянник, нынешний король Греции³, и я появились как византийские рыцари, в плащах из красной и белой парчи, расшитых золотом, которые стоили небольшое состояние. Мой плащ со временем превратился в набор чехлов для подушек. Король Георг подарил свой плащ Королевскому театру Афин. В этом ослепительном наряде мне пришлось ехать по лондонским улицам среди бела дня, медленно пробираясь сквозь поток машин, к явному удовольствию прохожих, которые радостно приветствовали меня как «сира Галахада»⁴ и придумывали другие, не менее меткие остроты в мой адрес.

Я люблю лондонскую толпу; она обладает ярким характером, здравомыслием и особым юмором, который вы больше нигде не встретите. Нигде больше вы не найдете такого дружелюбного юмора.

Я убедился в этом, когда был в Лондоне на свадьбе принца Георга и моей племянницы Марины⁵, когда я ехал из

---

¹ Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (1887–1967) — участник убийства Г. Распутина в 1916 году. В 1909–1912 годах учился в Оксфордском университете.

² Фридрих Франц IV Мекленбург-Шверинский (1882–1945) — последний великий герцог Мекленбург-Шверинский (1897–1918), сын великого герцога Фридриха Франца III и великой княгини Анастасии Михайловны (1860–1922).

³ Георг II — король эллинов в 1922–1924 и 1935–1947 годах, сын короля Константина I.

⁴ Один из рыцарей Круглого стола Короля Артура и один из трех искателей Святого Грааля.

⁵ Состоялась в 1934 году. Герцог Кентский (1902–1942) был четвертым сыном короля Георга V и принцессы Марии Текской; принцесса Марина (1906–1968) была младшей дочерью принца Греческого и Датского Николая и великой княгини Елены Владимировны.

Букингемского дворца в Сент-Джеймский, чтобы увидеть подарки.

Моя жена устала и не могла сопровождать меня, поэтому я в одиночестве сел во внушительный королевский автомобиль. Так я следовал дюйм за дюймом в длинной веренице машин, заполненных гостями, вдоль улицы. Толпы выстроились вдоль маршрута, комментируя каждую машину и ее пассажиров с постыдной откровенностью, и мое уединение стало предметом всеобщего расследования.

Я уже привык слышать: «Вот один, совсем один. Какой шик!», когда остроумие в первом ряду зрителей сменило его словами: «Вот и сам Чарли Чаплин». Я высунул из окна голову в очках в роговой оправе... «Вовсе нет, — сказал я, — на этот раз вы совершенно не правы. На самом деле это Гарольд Ллойд»¹. Толпа взорвалась смехом!

Но вернемся к Турниру в Эрлс-Корт. Это была живая иллюстрация лозунга: «Реклама окупается». Все были так сосредоточены на художественной стороне постановки, что совершенно упустили из виду тот факт, что зрители так же необходимы, как и артисты. Такие мирские детали, как продажа билетов и уведомление прессы, были оставлены на волю случая.

В результате, кроме самих актеров, собралось около дюжины зрителей, выглядевших на просторах Эрлс-Корта как горсть горошин в огромной миске.

Рыцари в доспехах ринулись друг на друга, соперничающие королевы красоты сияли в великолепии, крестоносцы набрасывались друг на друга с добросовестной тщательностью... на фоне пустых мест.

Трагический аспект не проявлялся до дня подсчета прибыли, когда обнаружилось, что стоимость постановки составляет тысячи фунтов, против которых было выставлено

---

¹ Гарольд Клейтон Ллойд (1893–1971) — американский актер и кинорежиссер, один из наиболее популярных киноактеров эпохи немого кино.

около двенадцати гиней от продажи билетов. Кто же восполнит дефицит? Благотворительная организация, от имени которой устраивался Турнир, очевидно, не могла этого сделать, не мог и комитет.

Дело зашло в тупик, когда американка, находившаяся тогда в Лондоне, узнав о катастрофе, великодушно пришла на помощь и дала леди Рэндольф Черчилль чек на всю сумму. Ее звали миссис Лидс¹.

Тогда я впервые услышал имя женщины, которая впоследствии стала моей женой.

---

¹ Нони Мэй Стюарт (в первом браке Уортингтон, во втором Лидс, 1878–1923) — дочь богатого американского предпринимателя. Во втором браке была женой стального магната Уильяма Лидса (1861–1908). В третьем браке под именем Анастасии Греческой и Датской — супруга принца Христофора Греческого и Датского.

ГЛАВА VI

КОРОЛЬ ПОРТУГАЛИИ МАНУЭЛ. — ДРУЗЬЯ СО СЦЕНЫ. — ДВА ВЕЛИКИХ ЧЕЛОВЕКА

В Англии я подружился с королем Португалии Мануэлом, ставшим одним из моих лучших друзей.

Впервые мы встретились в Харрогейте¹, где мы с сестрой Мари лечились, и каждое утро перед завтраком встречались в бювете. Хотя сернистая вода в огромных количествах — не совсем приятный напиток, мы получили немало удовольствия от этого процесса.

Король Мануэл был низложен за два года до этого², но капризная судьба не повлияла на его чувство юмора. Его веселость была заразительна, он отличался неискоренимой любовью к развлечениям. Я помню, как он впервые приехал провести с нами вечер на вилле моей сестры в Харрогейте.

Он прибыл после обеда в сопровождении своего конюшего, почтенного вида португальца с короткими седыми усами. Визит начался самым формальным образом, все мы вели вежливую беседу, но в конце этой беседы мы уже сидели под столом и брызгали друг в друга из сифонов газированной водой. Бедный старый португальский джентльмен, наименее искусный в игре, промок насквозь.

---

¹ Харрогейт — курортный город в Северном Йоркшире, известный своими минеральными водами.

² Мануэл II был свергнут в результате революции 5 октября 1910 года, приведшей к установлению в Португалии республики.

Одним из главных факторов, способствовавших отречению короля Мануэла, был миф о Габи Дели¹, который намеренно придумали и распространили по всей Португалии его враги. На самом деле его дружба с очаровательной маленькой французской танцовщицей, в то время популярной в Лондоне и Париже, была совсем невинной, но сочинялись самые преувеличенные истории. Ходили слухи, что король полностью находился под властью мадемуазель Габи Дели, что все его действия продиктованы ею и что она сама была тайным агентом на службе у иностранной державы, работающей на разорение Португалии. Другая история заключалась в том, что король намеревался жениться на ней... Одна из версий даже утверждала, что он уже сделал это тайно... и что он дарил ей не только коронные драгоценности, но и огромные суммы из казны Португалии.

В эти истории, совершенно фантастические, в Португалии верили. Разъяренная толпа изгнала мадемуазель Дели из Лиссабона, ей угрожали расправой, и, вполне вероятно, осуществили бы свои угрозы, если бы она не спаслась, прыгнув в провинциальный поезд, который уже отправлялся.

Так и не удалось выяснить, кто стоял за этой навязчивой пропагандой, но это определенно была искусно проведенная кампания. Постепенно пламя недовольства разгорелось настолько, что распространилось по всей стране.

На самом же деле король Мануэл любил только одну женщину, свою супругу, принцессу Викторию Гогенцоллерн², и их брак был очень счастливым.

---

¹ Мари-Элиз Габриэль Кэр, сценический псевдоним «Габи Дели» (1881–1920) — популярная французская певица и актриса. Помимо короля Мануэла II имела немало богатых поклонников.

² Августа Виктория Гогенцоллерн-Зигмаринген (1890–1966) — супруга португальского короля Мануэла II (брак оформлен

В последние годы жизни король и королева несколько раз гостили у нас с женой на вилле в Риме. Он преждевременно состарился, и тот факт, что он так и не вернул себе трон, стал для него горьким разочарованием. Он любил атмосферу Вечного города, так как был глубоко религиозен. К нашей вилле, пока он жил у нас, приезжала непрерывная вереница кардиналов и других сановников Ватикана, а когда он их не принимал, то обыкновенно посещал службу в какой-нибудь церкви. Он был блестящим музыкантом и одним из лучших пианистов-любителей, которых я когда-либо слышал.

Как государь он потерпел трагическую неудачу, но как друг не мог вызвать большей привязанности. Его смерть стала горем для всех, кто его знал.

* * *

Но вернемся к тем последним довоенным сезонам в Лондоне. Я жил несколько недель у очаровательной старой гречанки мадам Скараманга, чей дом находился недалеко от Гайд-парка, где она щедро принимала гостей. На ее приемах я встретил многих членов греческой колонии в Лондоне, в том числе красивую девушку по имени мисс Схилици¹. Она была тогда молода, но не по годам вдумчива и интеллигентна, живо интересовалась многими предметами и была глубоко патриотично настроена, хотя жила всю жизнь в Англии.

после его свержения); дочь князя Вильгельма Гогенцоллерн-Зигмаринген, старшего брата короля Румынии Фердинанда I, и его первой жены Марии Терезы Бурбон-Сицилийской.

¹ Хелена Стефанович-Схилици (1873–1959) — дочь богатого греческого торговца, филантроп; вторая жена (с 1921 года) известного греческого государственного деятеля Э. Венизелоса.

Наша дружба продолжалась несколько лет, а потом я ее обидел. Причина недоразумения была совершенно тривиальна, но я думаю, что она имела влияние как на наши судьбы, так и, вероятно, на судьбы других людей.

На самом деле произошло то, что мисс Схилицци, которая, впрочем, была очень богата, дала бал в «Кларидже»¹, где я тогда остановился. Я, ничего об этом не зная, в тот вечер обедал с друзьями и рано вернулся в гостиницу. Проходя мимо бального зала, я случайно заглянул через одну из штор, висевших на стеклянных дверях. Я видел, как мисс Схилицци смотрела на меня с грозным выражением лица, и гадал, чем мог ее обидеть. На следующий день я узнал об этом. Оказывается, она пригласила меня на бал, а я проигнорировал приглашение. Я возразил, что не получал приглашения, но она мне не поверила. Несколько дней спустя я просматривал письма и нашел нераспечатанный конверт. Внутри было приглашение на бал мисс Схилицци.

Она так и не простила меня, и с того дня мы больше не виделись. Через некоторое время она вышла замуж за господина Венизелоса².

С тех пор я часто задавался вопросом, не могли ли некоторые события иметь совсем другой финал³, если бы не тот, казалось бы, тривиальный инцидент в Лондоне. Но мало кто знал о том, что было время, когда она хотела выйти замуж за моего брата Георга.

---

¹ Первоклассный отель в Лондоне, в котором часто останавливались члены королевских семей.

² Элефтериос Венизелос (1864–1936) — греческий политический и государственный деятель, восемь раз занимавший должность премьер-министра с 1910 по 1933 год Лидер Либеральной партии.

³ Венизелос конфликтовал с королем Константином I, способствовал его отречению и вступлению Греции в Первую мировую войну летом 1917 года на стороне Антанты, а также началу греко-турецкой войны 1919–1922 годов.

Одни из самых забавных развлечений в довоенном Лондоне устраивала миссис Хвафа Уильямс, чей муж¹ учредил скачки в Сэндауне, ввел в моду катание на роликах и всегда был пионером любых новых развлечений.

Миссис Хвафа Уильямс владела секретом гармоничного сочетания гостей любого типа. Она была единственной хозяйкой в Лондоне, которая могла посадить танцовщицу рядом с герцогиней и епископа рядом с популярным жокеем на своих приемах, и ей все сходило с рук. Вечеринки по выходным в ее загородном доме в Кумб-Спрингс были восхитительны. На них можно было встретить таких разных людей, как князь Юсупов, Фео², леди Элингтон, Эрнест Тесиджер³, лорд Лонсдейл, Клод Грэм-Уайт⁴ и его супруга, и, возможно, Павлова⁵ и прочие артисты. Очень часто приезжали один или два ученых, которые приносили интеллектуальную нотку.

Грэм-Уайт и его жена, очаровательная американка, впоследствии вышедшая замуж за графа Фрассо и переехавшая в Рим, имели дом на Строуберри-Хилл и развлекались там

-
- ¹ Томас Энтони Хвафа Уильямс (1849/50–1926) — британский офицер, входил в близкий круг общения наследника престола, будущего Эдуарда VII — так называемый «кружок Мальборо-хаус».
  - ² Леди Феодора «Фео» Глейхен (1861–1922) — британский скульптор и дизайнер, старшая дочь князя Виктора фон Гогенлоэ-Лангенбурга (племянника королевы Виктории) и его морганатической супруги Лоры Сеймур.
  - ³ Эрнест Тесиджер (1879–1961) — английский актер театра и кино, известный по своей роли в фильме «Невеста Франкенштейна» (1935).
  - ⁴ Клод Грэм-Уайт (1879–1959) — английский летчик, один из пионеров авиации. Первым совершил ночной перелет из Лондона в Манчестер во время воздушной гонки 1910 года на призы газеты «Дейли мейл».
  - ⁵ Анна Павловна (Матвеевна) Павлова (1881–1931) — выдающаяся русская артистка балета, прима-балерина Мариинского театра в 1906–1913 годах.

неформально и восхитительно. Они жили в артистическом доме, и на их воскресных вечеринках я познакомился со многими известными актерами. Одним из них был Джордж Гроссмит¹, который в то время собирал толпы в Театре «Гейети» и который так же неотразимо забавлял вне сцены, как и на ней. После обеда его всегда можно было уговорить подражать знаменитостям. Помнится, однажды он так правдиво изобразил одну из гостей, известную актрису, что она горько обиделась и в ярости выбежала из дома.

Лили Элси², находившаяся тогда на пике своей славы, иногда бывала на этих вечеринках и однажды привела с собой застенчивую и красивую девушку, впоследствии прославившуюся как Глэдис Купер³. Там часто бывала Этель Леви⁴, одна из первых американских художниц, которая штурмом завоевала Лондон и вышла замуж за Грэм-Уайта после его развода.

Из музыкантов, которых я там встречал, мне больше всего запомнился Макс Даревски⁵, блестящий пианист с озорной улыбкой и грустными глазами, характерными для еврейской расы. Он играл божественно и мог бы стать одним

---

¹ Джордж Гроссмит (1847–1912) — английский комик, автор и исполнитель популярных скетчей и песен, автор либретто многих оперетт. Известен своей книгой «Дневник незначительного лица» (1892), написанной совместно с братом-карикатуристом Уидоном (1854–1919).

² Лили Элси (1886–1962) — популярная английская актриса и певица, известная по главной роли в Лондонской премьере оперетты Франца Легара «Веселая вдова».

³ Дама Глэдис Констанс Купер (1888–1971) — британская киноактриса, трижды номинировавшаяся на премию «Оскар».

⁴ Этель Леви (урожденная Грейс Этель Фаулер, 1880–1955) — американская актриса мюзик-холла, танцовщица и певица. Первая жена американского автора-постановщика и композитора Джорджа М. Коэна (1878–1942) и вторая жена британского авиатора Клода Грэм-Уайта.

⁵ Макс Даревски (1894–1929) — популярный британский актер.

из выдающихся пианистов своего времени, если бы не предпочитал получать огромные деньги в мюзик-холлах.

С Грэм-Уайтом я совершил свой первый полет на самолете. Моя мать, будучи в России и прочитав об этом в газетах, устроила мне взбучку. Конечно, ее опасениям было какое-то оправдание, ведь полеты в те дни были занятием авантурным. Биплан, на котором мы летали, был примитивным одноместным самолетом. Грэм-Уайт, как пилот, сидел в нем, а я неудобно и крайне неуверенно взгромоздился на бак сзади. Ремней безопасности не было, через каждые несколько минут Грэм-Уайт оборачивался и с опаской кричал: «Ты еще в порядке?» — как будто был готов к тому, что сбросит меня в чей-то сад. После того как мы несколько раз обогнули Бруклендс на высоте около ста футов, он крикнул: «Сейчас я приземлюсь, держись крепче!» Предупреждение было кстати, потому что мы мчались вниз, словно быстрый лифт, вышедший из-под контроля, и ударились о землю так внезапно, что я схватил Грэма за волосы, чтобы меня не выбросило с бака, и наконец после трех или четырех прыжков остановились.

Через несколько дней я снова полетел с ним на его шестиместной машине, которая в те довоенные времена считалась чудом света. Она называлась «автобус». На этот раз его жена настояла на том, чтобы взяли и ее, но она была так напугана, что постоянно кричала с того момента, как мы взлетели, и до тех пор, пока мы не приземлились. Интересно, что с тех пор она стала фанаткой полетов и никогда никуда не едет на поезде, если есть возможность сесть на самолет.

Еще одним домом, который я любил посещать из-за дружеской атмосферы свободы, был Саннинг-Хилл неподалеку от Эскота, который принадлежал славному старому спортсмену Томасу Бэрингу¹. Его жена была известной

---

¹ Томас Джордж Бэринг, первый граф Нортбрук (1826–1904) — британский либеральный политик и государственный деятель. Генерал-губернатор Индии (1872–1876).

красавицей ирландского происхождения. Сестра ее была замужем за бароном де Стеклем¹ и служила фрейлиной у моей сестры Марии². Приехать к ним означало испытать традиционное гостеприимство Англии в лучшем виде. В отличие от некоторых домов, в которые меня приглашали, в их развлечениях была приятная неформальность. Это была встреча старых друзей, и мы все до сих пор вспоминаем об этом именно так.

Балы, устраиваемые Уайтлоу Ридсом³, американским послом и его женой, были одними из самых пышных в Лондоне. В посольстве, находившемся в то время на Парк-лейн, имелся прекрасный бальный зал, который был идеален для сложных котильонов, модных в те времена.

Лорд и леди Мишельхэм⁴ также великолепно развлекались в своем доме на Денмарк-Хилл. Атмосфера там всегда была полуполитической, ибо лорд Мишельхэм не только был финансовой опорой своей партии, но и обладал чутьем на выявление подающих надежды молодых политиков. Диалоги за столом были блестящи.

Леди Мишельхэм отличалась необыкновенной внешностью. Она была довольно полной и буквально унизированной драгоценностями. Я помню, как обедал с ней однажды вечером, когда она появилась в великолепном колье из бриллиантов и рубинов, переплетенном вокруг ее волос.

---

¹ Барон Александр Эдуардович Стёкль (1862–1926) — сын российского посланника в США и одного из инициаторов продажи Аляски Эдуарда Андреевича Стёкля (1804–1892). Состоял на дипломатической службе, затем при великой княгине Марии Георгиевне.

² Баронесса Агнес фон Стёкль (урожденная Баррон, 1874–1968).

³ Уайтлоу Рид (1837–1912) — американский политик и издатель. Посол США во Франции (1889–1892) и Великобритании (1905–1912).

⁴ Герберт Стерн, первый барон Мишелхэм (1851–1919) — британский финансист и филантроп.

Я полюбовался им, после чего она прохрипела своим гор-
танным голосом:

— Вы не поверите, но когда-то оно обвивалось вокруг
моей талии.

Это казалось почти невероятным, и я честно признался
в этом — к ужасу моего соседа!

Леди Пэджет¹, которую друзья называли Минни, часто
приглашала меня на выходные в свой красивый дом в Кумб.
Урожденная мисс Стивенс из Нью-Йорка, она была одной
из популярных американок, вышедших замуж за англий-
ских аристократов, и, несмотря на то, что она хромала, ни-
кто не появлялся на балах так часто, как она. В своей по-
вседневной жизни она подавала один из лучших примеров
мужества, который я когда-либо встречал. За несколько лет
до нашего знакомства она попала в ужасную аварию, упав
с третьего этажа своего лондонского дома на дно шахты
лифта. Обе ее ноги были буквально раздроблены, но, к сча-
стью, дворецкий, подоспевший к ней первым, имел присут-
ствие духа вправить кости на место, так что, когда ее доста-
вили в больницу, хирургам удалось избежать ампутации.
Но нервы были так сильно задеты, что за всю оставшуюся
жизнь она не знала ни часа без боли. Несмотря на это, она
всегда была веселой и очень милой собеседницей.

Она дружила с миссис Лидс, на которой я впослед-
ствии женился, и жила у нее в парижском отеле «Ритц», где
и умерла. Жена рассказывала мне, что она до последнего
проявляла свою обычную веселую храбрость, отказывалась
признать, что больна; умерла она, сидя в постели, пока ей
делали маникюр.

Леди де Траффорд, леди Кадоган и герцогиня Рэтленд
были другими известными хозяйками тех дней. Миссис

---

¹ Мэри «Минни» Стивенс (1853–1919) — дочь владельца не-
скольких гостиниц в Массачусетсе, в 1878 году вышла замуж
за сэра Артура Пэджета (1851–1928), генерала, командующего
британскими войсками в Ирландии в 1912–1914 годах.

Гарри Гревилл устраивала замечательные вечеринки по выходным в Полсден-Лейси, а леди Кунард¹ приглашала половину Лондона к себе домой, чтобы встретиться со звездами Русского балета, который она и мистер Томас Бишем² привозили в Англию.

На одной из вечеринок миссис Хвафа Уильямс я встретил Мелбу³, которая тогда была в зените своей карьеры. Впоследствии я узнал ее лучше. Было бы трудно представить кого-то другого в роли темпераментной, экзотической примадонны художественного мира. Она была добросердечной, проницательной, веселой и очень остроумной. У нее было очень много поклонников, одним из избранных был герцог Орлеанский⁴. В течение многих лет он был ее преданным рабом и подарил ей некоторые из ее самых красивых драгоценностей. Она наивно гордилась своим завоеванием, и годы спустя, когда мы обедали с ней в Париже, и она встретила мою вторую жену — племянницу герцога Орлеанского⁵, — в первый раз я сказал:

— Здравствуйте, тетя Нелли.

На что она ответила:

— Разве не приятно собраться всей семьей?...

А потом залилась хохотом над собственной шуткой.

---

¹ Леди «Эмеральда» Кунард (урожденная Мод Элис Бёрк, 1872–1948) — светская львица американского происхождения и хозяйка одного из самых влиятельных салонов в Лондоне.

² Сэр Томас Бичем (1879–1961) — британский дирижер, оперный и балетный импресарио.

³ Хелен Портер Армстронг (урожденная Митчелл, сценический псевдоним Нелли Мелба, 1861–1931) — австралийская оперная певица (сопрано).

⁴ Принц Филипп, герцог Орлеанский (1869–1926) — претендент на французский престол от Орлеанской ветви Бурбонов в 1894–1926 годах под именем Филиппа VIII.

⁵ Принцесса Франсуаза Орлеанская (1902–1953) — дочь Жана Орлеанского (1874–1940), герцога де Гиз и Изабеллы Орлеанской.

Помню, когда мне было четыре года, меня повели вниз в доме моей бабушки, очень опрятного, в белом пикейном платье с голубыми бантами, послушать, как играет Антон Рубинштейн¹. Я стоял позади и подражал ему, пока бабушка не отправила меня наверх. С тех пор, хотя я и учился игре на фортепиано, я смирился с осознанием того, что никогда не стану ничем иным, как горячим любителем музыки и неплохим концертмейстером, но очень посредственным пианистом.

Первый раз я играл для Мелбы, когда она пела в частном доме, где я был одним из гостей, а ее аккомпаниатор не приехал. Она очень сомневалась, когда я предложил попробовать, на самом деле ее явное недоверие к моим способностям не было комплиментом, но она выбрала простую балладу, сказав: «Возможно, у вас получится». После этого мы перешли к Брамсу и Шуберту, и, когда наконец появился ее аккомпаниатор, она решила продолжить со мной. После этого я часто играл для нее.

В том же году в Лондоне я аккомпанировал еще одной певице. С тех пор она добилась известности, но в то время она только недавно приехала в Англию и попросила меня поехать с ней, чтобы придать ей мужества. Когда мы прибыли в назначенное место, то обнаружили, что там собрались различные звезды концертного мира, но не было аккомпаниатора. Позвонив ему, она выяснила, что он только что вывихнул лодыжку. Так что я должен был снова стать заменой.

Она прошла прослушивание с честью, а потом, когда все столпились вокруг нее с поздравлениями, от группы отделился человечек и подошел ко мне:

— Как это я раньше не слышал вашего аккомпанемента? — спросил он.

---

¹ Антон Григорьевич (Гершевич) Рубинштейн (1829–1894) — русский композитор, пианист и дирижер. Старший брат пианиста-виртуоза Николая Рубинштейна (1835–1881).

Я сказал ему, что я любитель.

— Ну, так вам следует быть профессионалом. Это все, что я могу сказать. Любой, у кого есть талант аккомпанировать, теряется на другой работе. Приходите ко мне, и я могу устроить вам множество встреч.

Он дал мне свою карточку. Это был Лайонел Пауэлл¹, известный импресарио. Он так и не узнал, кто я такой, потому что певица меня не выдала.

В доме миссис Ван Раалте на Гросвенор-сквер я встретил Карузо². Знаменитый тенор только что пережил ужасные времена. В течение нескольких недель он полностью потерял голос от перенапряжения и усталости. Естественно, публике об этом ничего не было известно, но он приехал в Лондон, чтобы проконсультироваться с Бартелми, греческим профессором музыки, которому приписывают чудеса, связанные с голосовыми связками. Через несколько занятий он полностью восстановил голос Карузо.

Миссис Ван Раалте настаивала на том, чтобы я брал уроки пения, и убедила меня позволить профессору Бартелми поставить мне голос. Напрасно я возражал, что, хотя он и может восстанавливать поврежденные голоса, вряд ли можно ожидать, что он создаст их из ничего. Итак, у меня было это голосовое испытание, когда я услышал, что дверь тихо открылась. Подумав, что это миссис Ван Раальте, я не обернулся, а продолжил напевать, пока не закончил песню. Затем сзади меня раздался густой южный голос: «Бене, бене», и там, к моему сильному смущению, стоял Карузо с широкой улыбкой на круглом веселом лице. «Бене», — повторил он снова, с терпимой благожелательностью, которую повсеместно проявляют великие художники, поощряя слабые усилия дилетантов. Насколько я понимаю, это было совершенно не «бене»!

---

¹ Лайонел Пауэлл (1887–1931) — известный импресарио.

² Энрико Карузо (1873–1921) — выдающийся итальянский оперный певец (тенор).

После этого он пел для нас песню за песней и, прежде чем уйти, подарил мне одну из своих молниеносных карикатур. У него был большой талант к карикатуре, и он мог бы стать таким же знаменитым карикатуристом, как и певцом, если бы решил уделить этому время.

Его личность была одновременно и сильной, и обаятельной. Я думаю, было немного певцов, которые так влюбляли в себя всех, с кем общались. Его почти боготворили в Неаполе, его родном городе, и там память о нем все еще жива, как и в день его смерти. Каждый год месса, которая служитя в годовщину его смерти, собирает множество людей, многие из них являются скромными друзьями его детства, которых он никогда не забывал. Один его поклонник приобрел свечу в три фута в окружности и доходящую почти до потолка церкви, которая зажигается в этот единственный день в году.

* * *

Летом 1912 года, когда я гостил у короля Георга и королевы Марии в Балморале, я познакомился с двумя мужчинами, которым несколько лет спустя суждено было сыграть роль в событиях, приведших к отречению короля Константина. Одним из них был Ллойд Джордж¹, другим — лорд Китченер², и оба они обедали в Балморале в один и тот же вечер.

Это была первая встреча с каждым из них, и я помню, как меня поразили контраст между ними. Вспыльчивый маленький валлиец с львиной головой, яркими жестами

---

¹ Дэвид Ллойд Джордж, первый граф Двайфорский, виконт Гвинетт Двайфорский (1863–1945) — британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916–1922).

² Горацио Герберт Китченер, первый граф Китченер (1850–1916) — британский фельдмаршал. В годы Первой мировой войны (1914–1916) был военным министром Великобритании.

и непрекращающимся потоком разговоров был идеальным фоном для высокого, молчаливого солдата. Четыре года спустя, когда судьба Греции висела на волоске, они оба характерно отреагировали на это. Ллойд Джордж, как и большинство союзных министров, был ярым сторонником Венизелоса, в то время как Китченер симпатизировал королю Константину, солдату и идеалисту, как и он сам. Когда он посетил Афины в 1915 году, двое мужчин прониклись симпатией и доверием друг к другу.

— Я разговаривал с ним, как солдат с солдатом. Он прав. Когда греки нам понадобятся, они будут на нашей стороне, — сказал фельдмаршал после беседы.

Если бы не трагическая смерть Китченера¹, история короля Константина могла бы завершиться совсем иначе.

---

¹ Китченер погиб 5 июня 1916 года на крейсере «Хэмпшир», подорвавшемся на немецкой мине близ Оркнейских островов.

ГЛАВА VII

ДВЕ ВОСХОДЯЩИЕ ЗВЕЗДЫ. — ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. — БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ. — ПОМОЛВКА

В 1909 году в Греции были две восходящие звезды, два человека, далекие друг от друга по происхождению, образованию и обстоятельствам, вышедшие на первый план разными путями и с якобы совершенно разными целями, однако судьбы их слились воедино. Между ними было странное сходство, ставшее даже физическим. Одним из этих мужчин был Венизелос, а другим — Василий Захаровф¹.

Они вместе прошли свой путь к власти, стали друзьями, а после превратились в заклятых врагов и вели безжалостную войну сначала на одной стороне, а затем друг против друга. И когда все было кончено, звезды, взошедшие рядом, упали вместе, и два довольно одиноких старика, переживших мирскую славу, умерли один за другим.

Венизелос имел смешанное турецко-еврейско-армянское происхождение. Рассказывают, что, когда он родился, его тактичный отец вызвал из мечети представителей всех трех религий: греческого православного священника, раввина и имама — и заставил их ждать в разных комнатах. В дальнейшей жизни сын воспользовался родительской предусмотрительностью. Он обладал чертами всех трех

---

¹ Василий Захаровф (сэр Бэзил Захаровф, Басилейос Захариу, 1849–1936) — греческий торговец оружием, бизнесмен и финансист, директор и председатель компании «Виккерс» в Первую мировую войну. Учредил информационное агентство в Греции для пропаганды в пользу Антанты.

рас: безжалостностью турка, любовью армянина к интригам и острым умом еврея. Он был сыном плотника и своего положения добивался собственными усилиями.

Происхождение Захарова окутано тайной. О нем так много написано, так много свидетельств приведено, но ни одно из них не является убедительным, потому что он очень любил сбивать с толку любопытных. Вся информация, которую я когда-либо знал о нем, сводилась к тому, что среди его предков были русские и греки. В его характере определенно присутствовали мистицизм, суеверие и художественная жилка, которые так часто встречаются у русских.

О нем говорили, что он начал карьеру официантом в афинском кафе, но трудно поверить в это, ведь он был человеком глубоко культурным, разбирающимся почти во всех предметах, прекрасно знающим не только современные языки, но и классические.

Венизелос впервые стал известен как заноза в боку моего брата Георга, который в 1898 году был назначен верховным комиссаром на Крите. Этот пост не был желанным, поскольку Крит считался рассадником интриг еще до того, как ни с того ни с сего появился Венизелос, потрепанный молодой человек с лисьей улыбкой, удивительным даром красноречия и еще большим даром убеждать других людей. Он мог говорить так убедительно, что даже мой отец, хотя и придерживался диаметрально противоположных взглядов, должен был признать, что, выслушав его в течение часа, он, как правило, неохотно убеждался в его правоте. Он никогда не был напористым или неотразимым; он был гладким, как шелк, нежным, подобострастным, с умом, гибким, как рапира, и непрекращающимся потоком слов. На менее бдительные людей он оказывал гипнотическое действие, он мог склонять толпы в любом направлении и крутить ими так и сяк. Его кампания на Крите была настолько успешной, что моего брата прогнали.

Тот 1909 год был для нас бурным. Отец изо дня в день жил в ожидании того, что его в любой момент свергнут, как

это случилось с его предшественником, королем Оттоном. «Военная лига» и часть офицеров были настроены против правительства и ссорились между собой. Мои братья и я были вынуждены уйти в отставку.

Из Татоя мы наблюдали за знаменитой битвой при Саламине¹, когда одна половина флота сражалась против другой, к счастью, без особых потерь с обеих сторон.

В течение всего этого года страну жестоко раскачивали, поскольку то одна, то другая партия завоевывали господство. Мы не могли предугадать, в какую сторону качнется маятник, и могли только сидеть и ждать с упакованными чемоданами. Британский крейсер неделями стоял на якоре в бухте, готовый вывезти нас, если возникнет такая необходимость.

К счастью для нас, этого не произошло. Постепенно все утряслось. Революция, если это можно было назвать революцией, затихла, ни одна партия не знала, чего она хочет, и поэтому все пришли к выводу, что лучше мириться с существующими бедами, чем звать новые. Но для нас это была очень опасная ситуация. Управление любой балканской страной требует крепких нервов и чувства юмора.

В общей неразберихе ни одна партия не хотела формировать кабинет, и отец, верный своей политике управления, не встал на чью-либо сторону.

В этот момент на первый план вышел Венизелос. Королю представили его как единственного человека в Греции, способного собрать кабинет, не вызывая при этом гражданской войны. Итак, Венизелос явился во дворец на аудиенцию.

В те дни он был так беден, что носил потрескавшиеся ботинки и протертые штаны. Его шикарный сюртук, как

---

¹ Отсылка к морскому сражению, произошедшему 28 сентября 480 года до н. э. в ходе Греко-персидских войн близ острова Саламин. В данном случае о «сражении» говорится иносказательно.

он рассказал нам потом, был одолжен для этого случая. Но в нем было какое-то бессознательное достоинство, признак властной личности. Под шелковистой учтивостью виднелась железная воля и абсолютная бескомпромиссность. Он был прирожденным политическим авантюристом, пиратом и оппортунистом. Из всех людей на свете мой отец имел менее всего причин любить его, но факт остается фактом: он не только любил его, но и доверял ему. Его раз за разом ругали за это, но это не имело значения. Однажды государственный деятель, доказавший свою верность нашему дому, принес королю перехваченное письмо, в котором Венизелос открыто угрожал ему: «Я уже выгнал одного Георга и приехал в Афины, чтобы выгнать другого», — писал он.

На следующее утро он пришел на аудиенцию. Перед отъездом отец небрежно сказал ему, что хочет ему кое-что показать, и вложил ему в руку письмо. На этот раз его исключительный апломб покинул его. Все остатки румянца исчезли с его лица.

— Что Вы собираетесь сделать? — пробормотал он.

Отец покачал головой:

— Ничего. Возьмите это письмо. Я отдаю его вам в знак моей веры, потому что, несмотря на это, я доверяю вам.

Он доверял ему до самого конца.

* * *

Мое первое воспоминание о Василии Захарове восходит к детству, когда он обедал у моих родителей в Татое. Тогда он был более или менее в начале своего пути, красивый мужчина, выглядевший моложе своих сорока с лишним лет, с глазами ярко-голубого цвета, которые встречались с вашими с такой детской искренностью, что вы недоумевали, что же скрывается за ними.

После этого я видел его много раз, хотя мне так и не удалось изучить эту загадочную личность. Как и Венизелос, он

появился на политической арене из ниоткуда. Его состояние уже тогда было очень значительным. Были всевозможные противоречивые размышления относительно того, как он его получил, некоторые из них были достаточно уродливыми. Он не обращал на них внимания и всегда молчал о себе. Он никогда не забывался, как многие люди, под чарами вина и разговоров, говорил он блестяще, но всегда на общие темы. Кто-то пришел к выводу, что он путешествовал по всему свету, встречал людей разных типов; все остальное было окутано тайной.

Он никогда не позиционировал себя как патриота и не заявлял, что питает особую привязанность к Греции или любой другой стране. Многое он приписывал удаче:

— Мне всю жизнь везло, — сказал он мне несколько лет тому назад во время одной из бесед. — Если бы не везение, меня бы давно убили или отправили пожизненно в какую-нибудь тюрьму.

Два восходящих деятеля политики и финансов впервые встретились примерно в 1910 году и поняли, что могут быть полезны друг другу. Венизелосу нужна была финансовая поддержка его партии, Захарову — мощная защита в его разнообразной деятельности. Это была любопытная схема, где каждый стоял на страже интересов друг друга, но внешне они представляли собой единый фронт. Года принесли им славу и успех, прибавили власти. Миллионы Захарова проложили путь к диктатуре Венизелоса, не раз выручали его из трудных ситуаций, помогали ему как при побеге, так при возвращении в Афины.

Захаров нашел Грецию полезной базой для своей сети деятельности. Поддержка Венизелоса имела первостепенное значение в его отношениях с другими иностранными государствами. И так продолжалось до тех пор, пока несколько лет назад партнерство драматически не завершилось в Монте-Карло жестокой ссорой между двумя мужчинами. Той ночью Венизелос выбежал из номера Захарова в Отель де Пари и направился в Афины.

Сэр Василий, в то время уже пожилой человек, но, как всегда, энергичный, с тем же неугасимым духом в слабом теле, был непримирим в своей вражде.

— Он пытался одолеть меня. Ни одному человеку еще никогда не удавалось этого, хотя некоторые пытались и сожалели впоследствии, — сказал он.

Больше они никогда не встречались, но каждый постоянно переживал за другого. Никто не знает, как велась битва и кто в ней одержал победу. Но звезды обоих закатились, сэр Василий потерял большую часть своего огромного состояния, Венизелос стал изгнанником и умер во Франции. Его старый друг последовал за ним в могилу менее чем через год.

* * *

Василий Захаров стоял за предложением португальского престола, сделанным мне в 1912 году. Он очень хотел, чтобы я его принял, и обещал неограниченную финансовую поддержку. Я ответил, что предложение меня не прельщает. Во-первых, свергнутый король Мануэл был одним из моих самых близких друзей, и мне было интересно, какую роль сыграл г-н Захаров в событиях, предшествовавших его отречению. Ходили слухи, что он был активным участником заговора. Во-вторых, ничто на свете не побудило бы меня принять это предложение. Корона — слишком тяжелая вещь, чтобы надевать ее легко. Ее должны носить те, кто рожден для этой судьбы. То, что любой человек может добровольно взять на себя ответственность в смутные времена, не будучи принужден к этому долгом, выходит за рамки моего понимания.

С тех пор мне предлагали еще два престола, Литовский и Албанский. Литовское предложение возникло, как я полагаю, среди литовцев в Соединенных Штатах, вероятно, под влиянием того факта, что у меня была жена-американка. Я ответил, что моя голова слишком лысая, так что корона

может соскользнуть. Затем они прислали мне в качестве стимула подробное описание своего дворца, построенного Екатериной Великой, вместе с предполагаемыми планами его обновления, если я решу занять их престол. Они также сочли необходимым предупредить меня, что гражданский лист (под которым они подразумевали королевские привилегии) будет в моем случае меньше, чем в случае других государей, так как у меня богатая жена! Но меня заверили, что хотя она и американка, ее будут считать «абсолютно законной королевой». Они были удивлены, увидев, что она также полна решимости отклонить предложение, как и я. Они, очевидно, думали, что ни одна женщина, и уж тем более американка, не сможет устоять перед столь ослепительной перспективой. На самом деле она сказала, что скорее станет фонарным столбом в Нью-Йорке!

* * *

В годы, непосредственно предшествовавшие мировой войне, все Балканы представляли собой ведьмин котел, в котором военные слухи постоянно кипели на огне, усердно подпитываемом крупными государствами-покровителями. Неизбежным финалом стал пожар, охвативший всю Европу, но в то время ни у кого не хватило ума это осознать. Итак, Греция, Турция, Болгария и остальные маленькие балканские государства от всей души колотили друг друга, пока дело не стало настолько запутанным, что бывшие союзники повернулись друг против друга, а остальной мир потерял счет тому, кто с кем воюет и зачем.

В 1912 году Греция объединила силы с Болгарией, Сербией и Черногорией против Турции¹, и после трехнедельной

---

¹ Речь о Первой Балканской войне (9 октября 1912 — 30 мая 1913). Потерпев поражение, по условиям Лондонского мирного договора Турция теряла свои европейские владения к северу от линии Энез — Мидье и признавала независимость Албании.

кампании наша армия под предводительством моего брата Константина, наследного принца, одержала решающую победу. Я был с ним в качестве одного из офицеров его штаба, когда он 10 ноября со своими победоносными войсками вошел в Салоники, и я никогда не забуду восторженного энтузиазма приветствующих его. С военной точки зрения это было достижение, которым мог бы гордиться любой полководец, но толпы, выстроившиеся на улицах, видели в нем не просто победителя, но посланного небом избавителя, освободившего их от ненавистного турецкого ига.

Несколько месяцев спустя мы с братом ушли со своими войсками в Эпир, оставив отца с небольшим войском, занявшим город.

В 1913 году король Георг вступил в период, который должен был стать одним из самых счастливых в его правлении. Мы успешно вышли из Турецкой войны, наша дипломатия держала болгар в узде, несмотря на их недовольство. Время мира и процветания казалось обеспеченным. Осенью Георг решил отречься от престола в пользу моего брата Константина.

— В ноябре я буду править пятьдесят лет, и этого достаточно для любого короля, — сказал он, когда мы попытались его отговорить. — Кроме того, Тино сможет сделать для страны гораздо больше, чем я. Он родился и вырос здесь, а я всегда был иностранцем.

Он намеревался отречься от престола в годовщину своего восшествия на него, но судьба распорядилась иначе.

Однажды утром в марте он шел по улицам Салоник в сопровождении своего адъютанта, когда в него выстрелил убийца. Пуля, выпущенная с близкого расстояния, пронзила сердце, и, хотя он был немедленно доставлен в ближайший военный госпиталь, уже ничего нельзя было сделать.

Убийцу доставили в полицию, но, хотя были проведены все возможные расследования, ничего не было обнаружено, поскольку те, кто стоял за преступлением, постарались оградить себя от любых разоблачений, которые он мог бы сделать, заставив его замолчать навсегда. Прежде чем он

предстал перед судом, его нашли мертвым во дворе тюрьмы. Улики указывали на то, что его вытолкнули из окна.

Брат Константин и я были в штабе армии в Янине, когда получили телеграмму о смерти короля. Мы незамедлительно отправились в Афины и после принесения Константином присяги на верность Конституции отплыли в Салоники на яхте. Это было печальное путешествие, резко отличавшееся от радостного воссоединения, которое мы планировали тем летом.

Венизелос сопровождал нас, и мне, сидящему рядом с ним за обедом, приходилось бороться с отвращением. Было трудно слышать его громкие заявления о сочувствии и видеть его лисью улыбку в связи со смертью моего отца.

В ночь перед смертью отца мы с братом пережили событие, которое никогда не могли объяснить. Женщина, связанная с Красным Крестом в Янине, очень интересовалась спиритизмом и убедила нас принять в тот вечер участие в эксперименте по автоматическому письму. Пока остальные отправились на пикник на прекрасное озеро Янина, мы втроем сели за стол, накрытый большим листом белой бумаги. Не менее получаса мы торжественно ждали, что что-то произойдет, и вдруг карандаш, который мы с дамой держали, резко дернулся и начал писать. Несколько минут он летал по бумаге так быстро, что мы едва удерживали на нем пальцы, а потом все прекратилось так же резко, как и началось.

Сообщение было для Константина. Оно сулило ему известность и славу, победу в двух войнах и после этого много горя. Но под этим несколько раз было написано слово «Смерть», а затем «Завтра». Остальное было неразборчиво.

На следующий день был убит отец.

* * *

Ни один государь не был более популярен, чем Константин в первые дни своего правления. Романтичные и впечатлительные греки готовы были боготворить короля-солдата,

который сражался бок о бок со своими людьми, разделял с ними походную жизнь и приводил их к победе. Он освободил Южную Македонию, Эпир и Эгейские острова от турецкого ига. Греки начали вспоминать старую легенду о том, что Константинополь возвратится Греции и христианская церковь восстановится, когда король Константин и королева София взойдут на трон в Афинах. Традиция, вероятно, обязана своим происхождением тому факту, что последний император, павший на крепостных валах Византии носил имя Константин, а его жена была Софией, но в народе была трогательная вера в эту легенду.

Вторая Балканская война¹ только увеличила популярность нового короля. Отношения между Грецией и Болгарией были натянутыми после падения Салоник, на которое претендовали обе страны. Наконец, болгарская военная партия, не терпящая промедления, решила обойтись без дипломатических переговоров, взяла инициативу в свои руки и напала на греков в Салониках без объявления войны².

Константин, который все еще был главнокомандующим греческой армией, еще раз привел ее к победе и нанес врагу сокрушительное поражение. Прием, оказанный ему по возвращении в Афины, был ошеломляющим. Благодар-

---

¹ Вторая Балканская война (29 июня — 10 августа 1913) — война между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией — с другой. Была вызвана противоречиями между союзниками в отношении итогов Первой Балканской войны. По Бухарестскому мирному договору Болгария уступала Румынии Южную Добруджу, Греции — Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии — почти всю Северную Македонию. По Константинопольскому мирному договору (29 сентября 1913) возвращала Турции большую часть Восточной Фракии.

² Болгария попыталась упредить противников после того, как 1 июня был заключен направленный против нее греко-сербский союзный договор, к которому присоединилась Румыния, требовавшая за нейтралитет в Первой Балканской войне компенсации в Добрудже.

ственные молебны проходили во всех церквях, толпы людей осаждали дворец, часами ждали, чтобы хотя бы мельком увидеть его.

Бухарестский договор успешно завершил Вторую Балканскую войну и оставил за Грецией большую часть Фракии. Наконец страна была свободна. Король с благодарностью отложил свой меч и начал строить планы реконструкции.

Весна и лето 1914 года были самым беззаботным и самым благополучным временем, какое когда-либо знала Греция.

* * *

Тот последний блестящий предвоенный сезон 1914 года я провел в Лондоне, и именно тогда я обручился с Нэнси Лидс.

Много лет спустя она рассказала мне, что мой отец, с которым она познакомилась в Экс-ле-Бен за год или два до его смерти, намекал, что хотел бы, чтобы мы поженились, но со свойственным ему тактом никогда не говорил мне об этом, лишь вскользь упоминая о ней, сказал, что считает ее очаровательной. Он даже не познакомил нас, ибо был достаточно фаталистом, чтобы верить: если суждено, однажды мы встретимся. И мы встретились — на званом обеде, устроенном леди Пэджет в Париже.

В тот первый вечер я подумал, что из всех женщин, которых я знал, ни одна не обладала обаянием Нэнси Лидс. Она была скорее хорошенькой, чем красивой, внешне напоминала дрезденскую фарфоровую статуэтку своей белокурой прической, мелкими правильными чертами лица и безупречным бело-розовым цветом лица. Но помимо этого она обладала исключительно острым умом, потрясающим чувством юмора и самым добрым сердцем в мире. Сегодня так мало людей, которые приносят на землю этот высший дар доброты, потому что мы живем в век, когда перестали ценить добродетель и когда умение бороться ва-банк слишком часто оказывается лучшей подготовкой к жизни.

Никто никогда не обращался к Нэнси напрасно, никто никогда не оставался без денег, попросив их у нее. Она отдавала другим больше, чем тратила на себя. После ее смерти газеты писали целые колонки о ее расточительности и о суммах, которые она тратила на одежду и драгоценности, но они не рассказывали ни о многих других женщинах, которых она одевала в течение многих лет, ни о сотнях людей, которые жили за ее счет. Ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем тратить деньги на то, чтобы доставлять удовольствие другим. Она платила за учебу детей, которых никогда не видела, отправляла усталых продавщиц в отпуск за свой счет и покупала картины, которые были ей совсем не нужны, только чтобы продавец мог получить коммиссионные.

Той весной я часто видел Нэнси в Париже, а когда она уехала в Лондон, последовал за ней. Однажды вечером в опере в Ковент-Гарден я предложил ей выйти за меня замуж.

Мы планировали пожениться почти сразу, но вместо этого нам пришлось ждать шесть лет!

ГЛАВА VIII

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ. — БЕСПОРЯДКИ В ГРЕЦИИ. — ПОЖАР

— Думаю, что мы наконец можем рассчитывать на мир, — сказал мне король Константин в июне. А в августе Греция, как и весь остальной мир, была брошена в хаос Великой войны.

Я был тогда в Лондоне, гостил у королевы Александры в Мальборо-Хаус и смотрел из окна на огромную толпу перед Букингемским дворцом, ожидая в тишине, которая была почти осязаемой, как истекают последние минуты ультиматума Германии. И когда наконец часы отбили час, все эти тысячи издали один звук, подобный могучему вздоху. Потом напряжение спало, и через секунду все уже смеялись, пели патриотические песни и звали короля и королеву.

Король Георг вышел на балкон. Его лицо было бледным и осунувшимся; за последнюю неделю он постарел на несколько лет. Когда он слушал безумные возгласы, в глазах его стояли слезы.

Наследный принц Греции был в то время со мной в Лондоне, и король Константин телеграфировал, прося нас немедленно возвратиться в Афины. Но это было легче сказать, чем сделать. Мы попытались достать билеты, но обнаружили, что все поезда конфискованы военными властями. Мы не могли добраться даже до Парижа, так как французские железные дороги полностью отказались от пассажирского сообщения и шли только на восток и запад, перевозя войска.

Нэнси Лидс зафрахтовала в Каусе яхту которая была, конечно, с царапинами, как и все остальные атрибуты

мирного времени и предложила нам ее одолжить, чтобы мы могли добраться до Лиссабона, но в последний момент, когда мы уже находились на борту, Адмиралтейство попросило нас не уезжать, так как опасалось, что яхта не сможет вернуться в Англию. Наконец, по счастливой случайности, мы получили каюту на пароходе Р&О¹, которая освободилась только накануне. Мы отплывали из Тилбери и должны были высадиться в Порт-Саиде. Оттуда мы могли последовать в Александрию и далее в Пирей.

Это было насыщенное событиями путешествие, продолжавшееся десять дней. В Бискайском заливе нас преследовали два немецких крейсера², но после нескольких опасных моментов на горизонте появился британский линкор и поменялся с нашими преследователями ролями.

Немцы получили бы большой улов, если бы потопили нас, так как наш пароход был заполнен английскими сановниками, спешившими на свои посты.

В Афинах мы обнаружили разногласия по поводу участия Греции в войне. Король и Венизелос с самого начала по-разному смотрели на эту проблему. Венизелос только что совершил один из самых роковых ходов Великой войны.

Проезжая через Александрию, мы слышали, что два судьбоносных немецких военных корабля, «Гёбен» и «Бреслау», были загружены углем в Греции³, в то время как британский флот преследовал их.

Чьих рук это было дело, выяснилось только впоследствии, когда Венизелос на заседании кабинета министров взял на себя ответственность за это. Он совершил одну из тех почти невероятных ошибок, которые время от времени

---

¹ Р&О (Peninsular and Oriental Steam Navigation Company) — одна из старейших британских пароходных компаний.

² Мемуарист ошибается: германских крейсеров в августе 1914 года в Бискайском заливе не было.

³ «Гёбен» и «Бреслау» пополнили свои запасы угля 9 августа у берегов о. Донуса.

в течение его карьеры приводили в замешательство даже его самых преданных сторонников. В данном конкретном случае он действовал импульсивно, без каких-либо скрытых мотивов, но результаты были далеко идущими и катастрофическими. Сэр Бэзил Томсон, который в своей блестящей книге «Секретная служба союзников в Греции» опровергает удивительные факты, стоящие за обращением союзников к королю Константину, утверждает, что эта «импульсивная глупость» Венизелоса «возложила на его плечи более тяжелую ответственность за несчастья народов, чем на любого другого человека, за исключением бывшего кайзера».

История, которую Венизелос рассказал Кабинету, заключалась в том, что рано утром его подняли с постели с просьбой доставить уголь на два немецких торговых корабля. Он подтвердил, что знал о том, что уголь предназначался для «Гёбена» и «Бреслау», но объяснил, что, поскольку кабинет министров ранее принял решение загружать углем военные корабли союзников, он чувствовал, что отказ в таком же одолжении Германии будет нарушением греческого нейтралитета. Поэтому он написал на одной из своих визитных карточек инструкции начальнику порта, в которых велел ему дать восемьсот тонн угля торговцу углем по имени Плоцк для использования немецким торговым судном, стоящим на якоре в Пирее.

Венизелос прекрасно знал, что Германия считает Турцию своей союзницей и что два военных корабля направляются к Босфору. Его утверждение о том, что он скрупулезно выполняет обязательства нейтрального государства, было абсурдным, поскольку кодекс предусматривал, что военные корабли должны быть снабжены «достаточным количеством угля, чтобы достигнуть ближайшего порта», а восемьсот тонн значительно превышали это количество.

Названия «Гёбен» и «Бреслау» войдут в историю, ибо роль, которую они сыграли в судьбах народов, была фантастической. Если бы они не вошли в Дарданеллы, Турция,

по всей вероятности, никогда бы не вступила в войну, поскольку ее кабинет продемонстрировал подавляющее большинство голосов в пользу нейтралитета. Но два немецких военных корабля, угрожавшие обстрелять Константинополь, если Турция не выступит против союзников, не оставили ей выбора¹.

С другой стороны, как только Дарданеллы были закрыты, российский Черноморский флот был обездвижен, и Россия не могла получать ни оружие, ни боеприпасы от союзников². Без них она была бессильна продолжать свой победоносный поход, а ее неудачи на фронте и нехватка продовольствия стали прямой причиной революции.

В самом начале военных действий греческое правительство проголосовало за нейтралитет, однако к середине августа Венизелос сделал все возможное, чтобы сорвать это голосование. Со своим обычным оптимизмом он настаивал на том, что война закончится через месяц и что, если Греция хочет быть на стороне победителей, она должна безотлагательно присоединиться к союзникам. Обнаружив, что это предложение вызвало разногласия среди министров, он, не посоветовавшись ни с ними, ни с королем Константином, прозондировал позицию посланников в Афинах. Но ответом было то, что соответствующие страны считали нежелательным распространение боевых действий на Восточные Балканы.

---

¹ Угрозы подобного обстрела не существовало, поскольку Германия и Османская империя еще 2 августа 1914 года заключили тайное союзное соглашение. Решающим было то, что присоединение новейшего линейного крейсера «Гёбен» (формально был «куплен» вместе с «Бреслау») давало турецкому флоту перевес на Черном море.

² Закрытие Черноморских проливов с вступлением Турции в Первую мировую войну действительно сильно осложнило положение России, но поставки союзников продолжали осуществляться через Архангельск, Владивосток и Мурманск.

По прошествии лет Венизелос слегка изменил свое поведение. Его улыбка оставалась такой же лисьей, как и прежде, но он уже не был подобострастным, его можно было даже назвать высокомерным. Обнаружив, что не может управлять королем, он не колеблясь скрестил с ним шпаги.

Великие державы, теперь погруженные в ожесточенную борьбу, все «ухаживали» за Грецией из-за ее стратегически важного положения. Австрийское правительство, придерживаясь политики вскрытия старых ран, заявило, что в случае конфликта между Грецией и Болгарией Австрия не будет считать Грецию врагом. Кайзер неоднократно телеграфировал королю Константину, убеждая его вступить на сторону Германии, не обращая внимания на его отказы, пока мой брат не устал от этого и не объявил о намерении вернуть свои немецкие награды и фельдмаршальский жезл.

С другой стороны, союзники были столь же настойчивы, и их предложения получили горячую поддержку со стороны Венизелоса, рвение которого убедило державы Антанты в том, что из всех греческих государственных деятелей доверять можно только ему. Чтобы придать этой роли убедительность, он намеренно объяснил нерешительность короля вступить в войну симпатиями к Германии. Тот факт, что королева София была сестрой кайзера¹, делал эту историю достаточно правдоподобной, чтобы многие в нее поверили.

Я думаю, историки отдадут должное королю Константину, когда мир станет мудрее и перестанет прославлять войны. Он уже показал себя способным полководцем и успешно вывел свою страну из двух войн, неудивительно, что он не хотел, чтобы она погрузилась в еще одну. Его мечта о мирной и процветающей Греции была так близка к осуществлению. Поэтому, рискнув своей личной популярностью,

---

¹ София Прусская (1870–1932) — королева-консорт Греции, дочь кронпринца Фридриха (будущего императора Фридриха III) и его жены, принцессы Виктории, и родная сестра императора Вильгельма II.

он придерживался политики нейтралитета и отказывался от требования союзников об активном сотрудничестве.

В то же время он был последователен в своем доброжелательном отношении к делу союзников и оказал неоценимую помощь Сербии. Национальный банк Греции открыл для нее иностранные кредиты, позволил ей создать базу в Салониках, и, когда в ноябре началось австрийское наступление, король Константин с готовностью отдал ей почти все свои артиллерийские боеприпасы. Это, несомненно, переломило ситуацию, поскольку сербы отступали из-за отсутствия поддержки со стороны крупных орудий. В течение недели они получили двадцать тысяч снарядов, сплотились и отбросили австрийцев.

Король Константин неоднократно давал дельные советы представителям Антанты, указывая на бесперспективность переговоров с Турцией и Болгарией, поскольку кайзер уже заключил союз с этими странами. В случае с Болгарией у него было достаточно доказательств своих утверждений.

В августе 1914 года немецкий военный атташе в Афинах спросил полковника Метаксаса¹, начальника греческого штаба, какие действия предпримет Греция в случае нападения Германии, Австрии и Болгарии на Сербию. «Мы будем вынуждены незамедлительно мобилизоваться», — ответил Метаксас.

Через неделю болгарская армия начала проводить военные маневры недалеко от сербской границы, и король Константин телеграфировал кайзеру, что, если они продолжатся, он мобилизует свою армию. Уже на следующий день маневры были внезапно остановлены, а болгарские войска демобилизованы.

---

¹ Иоаннис Метаксас (1871–1941) — греческий генерал, начальник Генерального штаба (1913–1915), монархист и сторонник сохранения нейтралитета Греции в годы Первой мировой войны. Впоследствии премьер-министр и диктатор Греции в 1936–1941 годах.

Адмирал¹ сообщил эту новость г-ну Асквиту², однако, несмотря на это, союзники продолжили тщетные и недостойные заигрывания с Болгарией³ до победного конца.

Что касается трагической и дорогостоящей ошибки при Дарданеллах⁴, то король Константин с самого начала отказался участвовать в ней, утверждая, что риск слишком велик, а надежда на успех слишком призрачна, чтобы принести в жертву жизни своих подданных. Но он доказал союзникам свою дружбу, передав им составленные греческим генеральным штабом планы нападения на Константинополь с суши, а не с моря, где его оборона была неприступной.

Но этот жест доброй воли не рассеял атмосферы подозрительности, создававшейся вокруг него. Пресса союзников начала свою настойчивую пропаганду. В газетах стали появляться инсинуации против короля Константина и предположения о немецком влиянии на афинский двор. На самом деле между королем Константином и его шурином никогда не было дружбы.

---

¹ Речь, вероятно, идет о вице-адмирале Павлосе Кунтуриоти-се (1855–1935), занимавшем в 1915 году пост морского министра Греции.

² Герберт Генри Асквит, первый граф Оксфорда и Асквита (1852–1928) — британский премьер-министр (1908–1916) от Либеральной партии.

³ Дипломатия Антанты в 1915 году безуспешно пыталась привлечь Болгарию в силу ее стратегической значимости на свою сторону, побудив Сербию и Грецию вернуть ей часть захваченного во Второй Балканской войне, получив в качестве компенсации территориальные приращения за счет Австро-Венгрии и Османской империи.

⁴ Речь о Дарданелльской операции (19 февраля 1915 — 9 января 1916) — попытки Антанты вывести Османскую империю из войны. На первом этапе англо-французские морские силы предприняли неудачную попытку прорваться через Дарданеллы; на втором — неудачная попытка наступления на Стамбул силами десанта, высаженного на Галлиполийском полуострове.

Кайзеру было мало пользы от сентиментальной преданности родственникам. После того как его сестра София вышла замуж и приняла православие, он вычеркнул ее из своей жизни¹. Несколько лет ей даже не позволяли посещать Германию.

Много лет спустя, когда кайзер потерял трон и все, что с ним связано, и удалился в Дорн сломленным, разочарованным стариком, чтобы доживать там остаток своих дней, София отправилась увидеться с ним на его семидесятилетие. Это была первая встреча брата и сестры после войны, и теплая, всепрощающая София отправилась туда с нежностью в душе и сердце. Она тоже была изгнанницей, оплакивала мужа и сына, которых потеряла.

Возвратилась от брата она обиженной и озлобленной. За все время их разговора кайзер ни разу не затронул ни одной личной темы, ни разу не заикнулся ни о своих прошлых горестях, ни о планах на будущее. Они дружелюбно и вежливо разговаривали, будто два незнакомца, встретившиеся впервые.

Но об этих семейных делах широкая публика, конечно, ничего не знала, и бедная королева София в годы войны стала крайне непопулярной в Афинах и оставалась таковой еще долгие годы после нее. Это было вполне естественно, лихорадка войны была в самом разгаре во всех странах. В России царица стала объектом неприязни и подозрения, потому что она тоже была немецкой принцессой. Даже в хладнокровной Англии королевской семье пришлось взять фамилию Виндзор, а Баттенбергам — сменить фамилию на Маунтбаттен.

В 1915 году король Константин был так болен, что в течение нескольких дней его смерть казалась неизбежной. В конце концов он выздоровел, но потерял большую часть

---

¹ Это не помешало кайзеру поддерживать секретную переписку с сестрой Софией и королем Константином в течение всей Первой мировой войны.

энергии и способности принимать четкие решения, которые помогали ему преодолевать трудности в прошлом. Он больше не был хозяином положения.

Венизелос дюйм за дюймом подрывал его авторитет. Министр был более деспотичным, чем любой монарх, время от времени он хладнокровно отбрасывал мнение своего кабинета, действовал по собственной инициативе, даже не удосужившись с ними посоветоваться. Он играл своей судьбой и судьбами соотечественников, его единственная идея состояла в том, чтобы во что бы то ни стало втянуть Грецию в войну. Вся его карьера — поразительный пример того, как плохо позволять политикам в сюртуках вмешиваться в дела, о которых они совершенно не осведомлены. Мы никогда не узнаем, сколько тысяч жизней было потеряно в последней войне из-за обычной глупости пожилых государственных деятелей, которые руководили сражениями из своих удобных кресел в Уайтхолле, на набережной Орсе, в Потсдаме — в каждой воюющей стране, — передвигая армии, словно пешки в игре войны.

Постепенно ситуация в Греции переросла в дуэль между королем и Венизелосом. Король, неуверенный, как и весь остальной мир в те ранние годы войны, что союзники одержат победу, не желал рисковать своей страной, как бы глубоки ни были его симпатии к делу союзников. Его армия была его гордостью, он так часто приводил ее к победе. Ожидая опасности со стороны Болгарии, он не решался бросить армию в сражение с превосходящими силами.

У Венизелоса таких сомнений не было. Он был политическим садистом. Его популярность среди союзников значила для него больше, чем интересы страны. Каким бы мотивом он ни руководствовался, это точно не был патриотизм. Он охотно санкционировал бы раздел греческой территории, которую союзники предложили бы в качестве взятки другим народам. Предложение о блокаде Греции как действенного средства принуждения ее к войне было тайно спонсировано им. В речи М. Абрами, французского

депутата, перед Армейской комиссией цитируются его слова: «Ничего не давайте Греции: ни зерна, ни угля, ни муки, ни денег. Длительная блокада, постоянное давление сами по себе покажут им, что вы великие державы и что вы полны решимости. Если вы будете продолжать оказывать давление достаточно долго, несмотря на все крики официальных лиц, очень скоро эта нация торговцев, кораблестроителей и деловых людей, чувствуя, что на карту поставлены их интересы, поймет, кто стоит за бедой, и примет меры».

В то же время венизелистская пресса в Афинах начала систематическую кампанию против короля Константина и королевской семьи. Ее в значительной степени поддержал Василий Захаров, который предоставил ссуду в несколько миллионов франков для пропаганды союзников в Греции. Тем не менее, несмотря на это, греческое население оставалось непоколебимым в своей верности королю. Государственные деятели интриговали, представители союзников насмехались, но на простых людей это не влияло. Во-первых, они искренне ненавидели Венизелоса, как бы ни притворялась часть прессы.

Я никогда не забуду странную церемонию, свидетелем которой я стал ранней весной 1916 года, когда сотни людей собрались на пустыре возле кавалерийских казарм, чтобы принять участие в торжественной анафеме ему.

Тогда я единственный раз видел этот вековой обряд, сохранившийся с языческих времен, но до сих пор существующий в греческой и римско-католической церквях. Я стоял на холме напротив этого места и смотрел, как прибывает толпа людей всех сословий — мужчин, женщин и детей, — каждый из них нес большой камень. Затем, после того как афинский епископ, которого привели туда против его воли, прочел особые молитвы, один старик сделал несколько шагов и швырнул свой камень на расчищенное перед собранием место, проклиная имя Венизелоса. Его примеру последовали другие. Древнюю формулу подхватили даже пронзительные детские голоса — и камни сложились

в пирамиду высотой в пятнадцать футов. И когда епископ произнес анафему — называйте ее молитвой или проклятием — как угодно — и погасил свечу, все они разошлись по домам, явно довольные ожиданием исполнения того ужасного приговора, который они вынесли Венизелосу.

Но ничего не произошло. Возможно, анафема утратила свою силу, а может быть, она была лучше приспособлена к эпохе, когда ее исполнению способствовали более настойчивые меры. Но какова бы ни была причина, Венизелос оставался невредим — более того, расцвел, словно зеленая лавровая ветвь.

Он продолжал строить свои планы, прокладывая путь к неизбежной кульминации. Следующим его шагом было создание в Салониках триумvirата, состоящего из него самого, адмирала Кунтуриотиса¹ — бывшего адъютанта отца, который впоследствии стал президентом Греческой республики, и генерала Данглиса². После этого страна оказалась в его руках.

Если бы эта треугольная схема не сложилась, как и должно было быть, современная греческая история могла бы выглядеть совсем иначе. На самом деле я был первым, кто услышал о заговоре, и было достаточно времени, чтобы предотвратить его, если бы я только мог заставить власти осознать необходимость незамедлительных действий.

---

¹ Павлос Кунтуриотис (1855–1935) — командующий греческим флотом в годы Балканских войн. Во время Первой мировой войны входил в триумvirат, руководивший проантантовским «Временным правительством национальной обороны» в Салониках. Дважды (1920, 1923–1924) был регентом Греции, а также президентом Греции (1924–1926, 1926–1929).

² Панайотис Данглис (1853–1924) — греческий военный и политический деятель, военный министр (с 1915 года). Сторонник Э. Венизелоса, входил в триумvirат, руководивший проантантовским «Временным правительством национальной обороны» в Салониках. После вступления Греции в 1917 году в Первую мировую войну — командующий греческой армией.

У моего брата Николая и его супруги была вилла в Кифисси, на полпути между Татоем и Афинами, и тем летом я жил там. Однажды ночью меня разбудил громкий стук в дверь. Один из моих друзей пришел, чтобы сообщить срочные новости. Он узнал из достоверных источников о том, что Венизелос собирался уехать с двумя ближайшими соратниками в Салоники, и я, проведя расследование, обнаружил, что это правда.

Николай был в России, Андрей — во Франции, оба посланы королем с поручениями, чтобы уладить дела с союзниками, а я оставался в доме один с невесткой и ее детьми. Нельзя было терять ни минуты, действовать должен был я.

Одевшись, я вместе с другом помчался в Афины на своем маленьком двухместном автомобиле, верном спутнике многих приключений. Мы подъехали прямо к дому наследного принца и разбудили его. Он посоветовал нам немедленно обратиться к премьер-министру г-ну Калогеропулосу¹.

Никому из нас совсем не хотелось будить этого сановного чиновника и его домочадцев в два часа ночи, но мы поехали по пустынным улицам.

Подъехав к дому, мы несколько раз безрезультатно звонили в колокольчик. В окне кабинета горел свет, а камней и гальки в сточных канавах Афин полно, так что мы швырнули горсть-другую в стекло, после чего из другого окна осторожно выглянула голова премьер-министра. Свет луны, соединившись со светом уличного фонаря, а также мои крики дали ему понять, кто мы, он спустился и открыл дверь.

Мы взволнованно рассказали ему новости. Он смотрел на нас в изумлении:

— Это невозможно. Вы, должно быть, ошибаетесь, — повторял он снова и снова. — Адмирал Кунтуриотис никогда бы не позволил себе такого. Когда об этом однажды

---

¹ Николаос Калогеропулос (1851–1927) — греческий политик, премьер-министр Греции (сентябрь 1916, январь — апрель 1921).

пронесся слух, он дал слово, что никогда не будет интриговать против короля, а он всегда был честным человеком.

— Но это правда. У нас есть доказательства, — сказал я. — Что-то нужно делать немедленно, иначе станет слишком поздно.

Наконец премьер-министр согласился позвонить военноморскому министру.

Морской министр, вытащенный из теплой постели, сначала возмутился, а потом, когда услышал рассказ, не поверил нам. Он тоже заявил, что ни Венизелос, ни адмирал не способны на такое предательство. Он настаивал, что это было ложное сообщение, сеявшее панику. Он посоветовал нам оставить это дело.

Так я обнаружил, что он тоже участвовал в заговоре.

Его энергичная уверенность превратила нежелание премьер-министра в упрямство. Он не предпринял никаких дальнейших действий, и все наши доводы не могли его тронуть. Мы могли только вернуться домой в удрученном состоянии.

Даже король не воспринял ситуацию всерьез, потому что, когда я был во дворце на следующий день, он сказал мне с лукавой улыбкой:

— Я слышал, ты очень разволновался прошлой ночью, — и на этом дело прекратилось.

Но через два дня Венизелос, адмирал Кунтуриотис и генерал Данглис спокойно сели на эсминец и отправились в Салоники! Это было началом конца.

К тому времени наши имена были очернены по всей Европе. В каждой газете союзников были язвительные статьи о короле Константине и его семье, давние друзья восстали против нас. И к этому добавилось непрекращающееся напряжение от слухов о заговорах внутри страны.

Лето 1916 года было несчастливым во всех отношениях. Все началось с пожара в Татое. Я был тогда в Кифисьи¹

---

¹ Северный пригород Афин.

и однажды проснулся с уверенностью, что чувствую запах гари. Однако, поскольку никто больше ничего не заметил, я подумал, что ошибаюсь.

Позже утром зазвонил телефон. Это была королева София, которая позвонила моей невестке из Татоя, находившегося в шести милях, и сообщила ей о пожаре и о том, что король отправился на разведку.

Я выглянул и увидел слабые клубы дыма, поднимающиеся из одного угла леса, но ни я, ни кто-либо из домашних не придали этому значения.

Это был удрушающе жаркий день, земля была растрескавшейся и сухой, а влажность составляла всего три процента. Тишина повисла над лесом, даже птицы молчали.

Днем моя невестка Елена, я и мой друг-американец Шелдон Уайтхаус¹ из миссии в Афинах, который гостил у нас в Кифисьи, отправились в русскую миссию играть в теннис. Во время первого сета кто-то из нас посмотрел в сторону Татоя. Высоко в небе висела густая пелена черного дыма. Весь лес пылал.

Встревоженные судьбой остальных членов семьи, мы с Шелдоном Уайтхаусом сели в мою маленькую малолитражку и помчались в Татой. На полпути мы встретили машину, в которой сидели королева София и двое ее младших детей, направлявшиеся в относительно безопасную Кифисью. Она крикнула нам, что король все еще на пожаре, и мы поехали туда.

К тому времени пожар достиг угрожающих масштабов. С каждой милей дым становился все гуще, красное зарево распространилось по всему горизонту.

---

¹ Эдвин Шелдон Уайтхаус (1883–1965) — американский дипломат, с 1908 по 1917 год занимал посты секретаря в представительствах США в Лондоне, Каракасе, Париже, Мадриде, Афинах, Стокгольме и Петрограде. Именно на приобретенном Уайтхаусом автомобиле покинул в ноябре 1917 году Петроград глава Временного правительства А. Ф. Керенский (1881–1970). Посланник в Гватемале (1929–1933) и Колумбии (1933–1934).

Нет зрелища страшнее и прекраснее, чем полыхающий хвойный лес. Пламя перескакивает со скоростью молнии с дерева на дерево, во все стороны с треском и шипением разлетаются пылающие еловые шишки; воздух наполнен ароматом горящих сосен.

В Татое мы столкнулись с хаосом. К этому времени огненный пояс охватил весь лес. Половина зданий, принадлежащих двору, уже была охвачена пламенем, и люди бешено метались во всех направлениях, одни пытались бороться с огнем, другие выносили картины и мебель. Дом короля уже сгорел дотла, и он сидел перед домом нашей матери, в нескольких ярдах от него, в окружении всевозможной мебели. Одна его нога была забинтована. Ранее в тот же день он едва спасся от смерти.

Вместе с группой помощников он начал тушить пожар, королева Софи и ее младший ребенок сопровождали их. В волнении никто из них не понял, пока не стало слишком поздно, что пламя, вспыхнувшее в нескольких местах, все больше и больше приближалось к ним, отрезая путь к отступлению. Затем, в ужасе от того, что оказались в ловушке, они разбежались во все стороны, пробуя то один путь, то другой, но все были преграждены огнем.

Королева София первая осознала всю опасность, подхватила ребенка и бежала без остановки мили полторы, пока, спотыкаясь, в полуобморочном состоянии от испуга и изнеможения не очутилась в безопасности.

Король, который с детства знал каждый дюйм леса, вспомнил одну козью тропу, которая, скорее всего, все еще была безопасной. Это был зыбкий, но единственный шанс, и, призвав остальных следовать за собой, он ступил на него со своим сыном Павлом. Это была гонка со смертью. Пламя прыгало и трещало по обе стороны от них, когда они бежали, клубы дыма были так густы, что они едва могли разглядеть дорогу. Они были на краю леса в нескольких футах от безопасного места, когда король зацепился ногой за корень дерева и упал, вывихнув лодыжку. Двое военных, увидев

произошедшее, побежали на помощь и вынесли его на открытое место, как раз вовремя. Через мгновение два очага пожара соединились, и дорога была отрезана.

К сожалению, остальные были слишком охвачены паникой, чтобы идти по этому пути. Они бежали, пока их не накрыл дым, и шестнадцать человек погибло в пламени.

Я тоже чуть не погиб в тот день. Найдя брата беспомощно сидящим в кресле, я предложил подняться на Башню, откуда открывался вид на весь лес, чтобы посмотреть, свободна ли еще главная дорога в Афины.

Башня и ее содержимое были отрадой нашего детства. Внизу находилась коллекция статуй из мрамора, обнаруженных во время раскопок. Оттуда извилистые деревянные ступени вели к двум комнатам, в одной из которых были чучела волков, лис и других представителей греческой фауны, а в другой — полки, на которых стояли жуткие на вид кувшины со змеями и различными рептилиями, законсервированными в спирте. Дальше лестница вела к башне с часами, сооружению из гофрированного железа с платформой, увенчанной Королевским штандартом.

Ступив на эту площадку, я увидел, что весь сосновый лес превратился в одну стену пламени на мили вокруг. Татой был обречен. Однако дорога была еще свободна, и я только собирался спуститься с этой обнадеживающей новостью, когда, к своему ужасу, увидел большой язык огня, приближающийся прямо к башне. Одним прыжком я спустился по лестнице. Огонь как раз достиг двери, когда я бросился через нее. После того как я пробежал всего несколько ярдов, раздался оглушительный взрыв и во все стороны полетели горящие щепки. Все эти банки со спиртом превратили Башню в огромный факел. Уцелел только Королевский штандарт.

Еще до наступления темноты Татой сгорел. Королевский дом и окружающие его постройки превратились в груды обугленных камней; от леса не осталось ничего, кроме почерневших пней и жалких трупов тысяч разных животных, погибших в огне.

На следующий день полиция в ходе расследований обнаружила пустые канистры из-под бензина в трех разных местах леса. Было довольно легко связать их с подозрениями, которые подпитывал тот факт, что один из самых упорных слухов, циркулировавших в то время в Афинах, состоял в том, что королева София проложила частный кабель в Татой и с помощью него связывалась с немецкими подводными лодками!

Анонимные письма, угрожавшие нашей жизни, стали настолько обычным явлением в те дни, что мы привыкли к ним и обращали на них мало внимания. И все же было неприятное ощущение, что когда-нибудь угрозы приведут в исполнение. Это был не просто испуг.

Каждый вторник король обедал с семьей в Кифисьи.

Однажды во вторник королевский адъютант явился ко мне после ланча с очень серьезным выражением лица. Тем утром он получил анонимное письмо, где было сказано, что все вина в Кифисьи отравлены с целью убийства короля.

Я позвал нашего старого дворецкого. Сообщив ему то, что слышал, я приказал ему принять строжайшие меры предосторожности в ту ночь, не подавать никаких вин, кроме старых бутылок, которые годами лежали в подвалах, и самому осмотреть каждую бутылку.

Старый верный слуга, весь бледный и трясущийся, ушел в подвал, где, ничего мне не сказав, стал пробовать на себе каждую бутылку. К счастью, эксперимент не имел никакого результата, кроме естественного... он напился.

К обеду он протрезвел, смог обслуживать нас и подавать лично проверенные вина. Но даже в этом случае мне было от чего понервничать. Сразу после обеда моя невестка Елена пожаловалась на ужасную боль. Я чуть не упал в обморок, потому что, конечно же подумал о том, что одна бутылка не прошла испытания. Я спрашивал себя, как я скажу брату Николаю, что он овдовел, и притом из-за моего легкомыслия. Но кто-то другой, более практичный,

дал Елене таблетку, и ей стало лучше. Это оказалось несварение желудка, ничего особенного.

События 1 и 2 декабря 1916 года вошли в историю.

Генерал Саррай¹, командующий салоникинской экспедицией, в оправдание своего бездействия и некомпетентности заявил, что он вынужден держать наготове две дивизии для защиты своей армии от удара греков в тыл.

В свете спокойного размышления видно, что вся ситуация была надумана, но война не время для размышлений, к тому же пропаганда против короля Константина велась очень умело.

Слух, вероятно, казался в то время правдоподобным, хотя самом деле был абсурдным. Даже если бы король был склонен связать свою судьбу с Германией — чего он, конечно, не сделал бы, — он вряд ли мог предпринять шаг, который привел бы к бомбардировке всех портов Греции, а значит, и ее голодной смерти менее чем за две недели. Тем не менее в слухи верили и пересказывали их в разных вариациях.

Министр², посредственно знавший французский язык, торжественно написал в своем официальном рапорте, что греческие войска готовятся атаковать людей генерала Саррайя *dans les derrières*³, в результате чего через несколько дней французский посланник в Афинах получил загадочную посылку. Открыв ее, он обнаружил в ней множество пробок и анонимное письмо, в котором говорилось, что эти пробки *pour les derrières de l'armée du Général Sarrail*⁴.

---

¹ Морис Саррай (1856–1929) — французский дивизионный генерал, командующий союзными войсками на Салоникиском фронте (октябрь 1915 — декабрь 1917). Сыграл решающую роль в принуждении короля Константина I к отречению.

² По всей видимости, речь идет о Венизелосе. Дипломатия Четверного союза действительно склоняла короля Константина к подобному шагу на фоне поражения румынских войск.

³ Сзади, искаженное «в тылы» (*фр.*). Правильно «*par derrière*».

⁴ Для тылов армии генерала Саррайя (*фр.*). Буквально: «задов».

Но эта ситуация была мрачной шуткой, поскольку дело касалось Греции и поскольку Саррай, опасения которого были поддержаны Венизелосом, призвал адмирала, командующего французским флотом¹, обстрелять Афины с моря «без предупреждения и эвакуации населения».

Затем союзники потребовали сдачи Грецией оружия и боеприпасов. Нельзя придумать ничего, что могло бы сильнее задеть греческую гордость. Вся страна, за исключением партии, непосредственно стоящей за Венизелосом, требовала отказаться. Король попросил французского военного атташе передать французскому адмиралу протест, заявив, что армия не уступит унижительному требованию и что общественность поддерживает его.

На следующее утро высадился и изготовился к бою французский десант вместе с немногочисленными британскими и итальянскими подразделениями². Греческий гарнизон был мобилизован, но получил строгий приказ ни в коем случае не стрелять. И все же выстрел прозвучал. По сей день историки спорят, с какой стороны он был произведен. Он стал сигналом к решающему сражению. Не прошло и пяти минут, как воцарилось дикое смятение. Венизелисты, вооруженные до зубов и словно готовые именно к такому развитию событий, высывались из окон или стояли на улицах, стреляя без разбора в солдат, своих соотечественников. Град пуль пронесся по воздуху.

Затем, так же внезапно, как и началась, стрельба прекратилась, и весь город вернулся к своим делам. Жена моего брата Андрея, Алиса, отправилась в магазин рукоделия, где она занималась благотворительностью. Не прошло и часа,

---

¹ Луи Дартиж дю Фурне (1856–1940) — вице-адмирал, в 1916 году командующий военно-морскими силами союзников в Восточном Средиземноморье.

² Общая численность высаженных в Пирее союзных войск составляла 3 тыс. человек.

как снова началась стрельба, и нескольких женщин, вышедших за покупками, принесли ранеными.

Несмотря на летящие пули, Алиса поспешила домой на машине, беспокоясь о своих детях. По возвращении она обнаружила, что им чудом удалось спастись, так как пуля пролетела через окно детской, где они играли, и вошла в противоположную стену.

Я воспользовался затишьем в бою, чтобы подъехать к дому брата Николая. Там мы безмятежно пили чай, когда услышали глухой грохот тяжелых орудий. Это французские броненосцы обстреливали Афины!

Мой шофер ждал снаружи у моей малолитражки, я бросился вниз и прыгнул на водительское сиденье, намереваясь как можно быстрее добраться до дворца. Но машина, со сверхъестественным упрямством, которое иногда проявляют неодушевленные предметы, неизменно в самые неудачные моменты упрямо отказывалась заводиться. В течение нескольких мучительных минут шофер и я вдвоем лихорадочно крутили рукоятку, в то время как стрельба на улицах нарастала, а на ружейный треск отвечал грохот орудий с моря.

Наконец, побуждаемые к новым усилиям тем фактом, что стрелки в доме на углу намеренно целились в нас (к счастью, тогда в Афинах было много неудачных выстрелов!) мы завели машину и помчались по пронизываемым пулями улицам. В каждом углу была засада, в каждом окне сидели снайперы. Чудом мы добрались до дворца целыми и невредимыми, но как раз у ворот кто-то прицелился поточнее, и пуля просвистела между моей головой и головой шофера. Охранник бросился в погоню за снайпером, но в этот момент в противоположном углу разорвался снаряд, и все бросились в укрытие. Я въехал в ворота на двух колесах!

В течение часа броненосцы обстреливали город. Несколько снарядов упали в дворцовый сад, один приземлился прямо за окном кабинета короля, но, к счастью, не разорвался.

В разгар этого события во дворец на совещание прибыли союзные посланники и призвали короля прекратить стрельбу. Он ответил, что ничего не желал бы больше, но им это сделать проще, чем ему!

Делегация выехала из дворца на очередное совещание, на этот раз с французским адмиралом в Заппион¹; по итогам этого совещания стрельба прекратилась.

Союзники получили орудия, о которых просили, а греческий гарнизон в почетном строю салютовал в качестве официальных извинений британскому, французскому и итальянскому флагам.

---

¹ Выставочный комплекс в Афинах, выстроенный в 1874–1888 годах австрийским архитектором Теофилом фон Хансеном.

ГЛАВА IX

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ. — ИЗГНАНИЕ. — ПЕРВЫЙ БРАК

С этого времени король Константин фактически стал заложником союзников. Шпионы окружали его повсюду, за каждым его шагом следили и докладывали.

Г-н Жоннар¹, специальный верховный комиссар, назначенный союзниками, прибыл в Афины с полномочиями требовать отречения короля.

Премьер-министр г-н Заимис² явился во дворец с бледным и изможденным лицом, чтобы передать это сообщение. Целый час он совещался с королем, пытаясь найти выход из сложившегося положения. Невыполнение приказа означало еще один обстрел города, но, с другой стороны, для населения было бы не менее опасно, если их обожаемый король отрекся бы от престола.

В конце концов мой брат решил не отречься, а назначить своего второго сына, Александра³, королем *pro tem.*⁴,

---

¹ Шарль Жоннар (1857–1927) — французский политик и государственный деятель. В ноябре 1917 года возглавлял министерство блокады, затем специальный представитель союзников при греческом короле Константине I.

² Александрос Заимис (1855–1936) — греческий государственный деятель, шесть раз занимал пост премьер-министра, президент Греции (1929–1935).

³ Александр I (1893–1920) — король греков в 1917–1920 годах. Сын короля Константина I и Софии Гогенцоллерн.

⁴ Pro tempore (*лат.*) — временно.

получив заверения, что ему будет позволено вернуться в страну по окончании войны.

Это и было сделано, и в тот же день новый король тайно принес присягу на верность в бальном зале дворца. Это была печальная церемония, лишенная всей славы, пышно одетых священнослужителей, поздравляющих придворных и ликующей толпы. Архиепископ Афин поспешил принести присягу и был тайно проведен во дворец через черный ход. Единственными присутствующими были король Константин, наследный принц и премьер-министр. Новый король был всего лишь ошеломленным и сбитым с толку мальчиком, слезы стояли у него в глазах, а голос дрожал, когда он говорил.

Вспомнился тот день, всего четыре года назад, когда присягу приносил король Константин. Те толпы, которые так восторженно приветствовали его, где все они были теперь?

На мою мысль ответил тоскливый вопль, доносившийся с улицы. Сотни мужчин и женщин, имея какое-то смутное представление о происходящем, подкрались к дворцу, где услышали известие, что их любимый король Константин покидает страну. Один за другим они подхватили клич... тот извечный минорный плач, которым греки встречают смерть или бедствие.

Услыхав его, тысячи людей стекались во дворец, улицы стали черны от спешащих людей. В течение суток они плотной толпой окружали дворец. Никто не мог войти или выйти.

Они могли не знать, что хорошо, а что плохо в сложившейся ситуации, склоняясь то на одну, то на другую сторону под влиянием противоречивых слухов, как это было в течение нескольких месяцев, но они знали, что их король был там и что они не собирались отпускать его.

Толпа может быть достаточно устрашающей, если рассматривать ее как одну воплощенную эмоцию любви или ненависти, особенно греческая толпа, состоящая из

простых людей, миролюбивых во многих отношениях. Каждый из них в тот момент считал короля Константина своим правителем. Они свободно критиковали его, но не собирались позволять делать это другим.

Они вспоминали его победы в качестве наследного принца, день его вступления на престол, напоминая друг другу, как сильно они любили его. Ведь всего два года тому назад они пришли к этому дворцу, чтобы узнать о его самочувствии, когда он был так болен и когда его жизнь висела на волоске, а в качестве последней надежды епископы послали за чудотворным образом Богородицы с острова Тинос. Люди часами стояли в гавани, высматривая броненосец, который должен был его доставить. И когда его заметили, то выстроились вдоль дороги до самого дворца и упали на колени, молясь за жизнь короля, в то время как мимо них проносили икону. Ах, какой это был радостный день, ведь все скоро узнали, что король начал поправляться с того часа, как образ Богородицы принесли в его покои. Все видели стайку белых птиц, внезапно появившуюся в небе как раз в тот момент, когда икону несли на борт корабля; они летели рядом с кораблем всю дорогу до Афин, хотя никто не знал, что это были за птицы, ибо их никогда раньше не видели в Греции. Некоторые говорили, что это были ангелы, принявшие такую форму, чтобы оберегать икону и исцелять короля. Как бы то ни было, это было доброе предзнаменование, и правление короля должно было принести счастье Греции, оно не должно было закончиться таким образом.

Так они разговаривали, плакали и спорили часами, а между тем мы все были заперты во дворце. Никому из нас не позволили вернуться домой, чтобы мы не увели каким-нибудь образом короля Константина.

Наступила ночь, а толпа все еще бодрствовала. Внутри дворца напряжение было почти невыносимым. Слуги испуганно сбивались в стайки. Ранним утром мы все старались немного отдохнуть, спали, где только можно, по трое-четверо в комнате, на диванах и креслах. Паж короля

Константина спал у его двери на полу. Мы проснулись среди бела дня, оделись и поспешили к окнам. Дворец был окружен еще большей толпой.

Брат Николай попытался поговорить с ними через ворота и умолял отпустить нас домой помыться.

— Разве здесь недостаточно воды? — закричали они и не позволили нам выйти.

По прошествии нескольких часов наше положение становилось опасным, потому что причитания переросли в истерию и раздались крики:

— Лучше убить короля, чем позволить ему покинуть Грецию.

Наконец решение было найдено.

Пустили слухи, что король может уйти через задние ворота своего сада. Туда были отправлены экипажи и автомобили, чтобы поддержать иллюзию, и толпа бросилась туда, крича, что если они не получают своего короля живым, они по крайней мере оставят у себя его труп! В суматохе никто не заметил, как другие машины тихо проскользнули в большой сад дворца. В тот момент, когда все внимание было сосредоточено на задних воротах, мы все бросились к другим. Королева София, которая была больна, отстала, двое из нас схватили ее под руки и почти потащили за собой, подгоняемые криками толпы, обнаружившей, что ее обманули. Мы слышали, как трещит деревянная ограда в давке перед дворцом, но к тому времени король, королева София и их дети бросились в машины. Наследный принц уехал, лежа на полу одной из них, высунув ноги в открытую дверь... и отправился на Татой.

В толпе воцарилась ошеломляющая тишина, потом все посмотрели вверх, потому что небо внезапно потемнело и хлынули тяжелые капли дождя, явление столь необычное для греческого лета, что люди, и в лучшие времена глубоко суеверные, тотчас же восприняли это как дурное предзнаменование. Некоторые из них, обнаружив, что король действительно уехал, пытались покончить с собой.

На следующий день в Татое произошла бесконечно трогательная сцена, когда люди, оцепеневшие от отчаяния, пришли проститься со своим монархом. Целый день они тянулись ровным потоком. Элегантные автомобили с министрами и светскими деятелями, грузовики с рабочими, крестьяне в грубых деревенских телегах, фермеры на лошадях, городские рабочие на велосипедах. Многие из них привозили небольшие подарки и цветы. Они столпились вокруг короля в саду, преклоняли колени у его ног и снова и снова умоляли его остаться. Они были похожи на сбитых с толку детей; невозможно было заставить их простые умы думать, что он покидает их только для их же блага.

Они спустились с ним к пристани, когда он взошел на королевскую яхту, прижавшись так близко к кромке воды, что некоторых из тех, кто стоял впереди, сбросили в воду, и их пришлось спасать. Весь берег был усеян людьми, отчаянно махавшими одинокой фигуре, стоявшей на корме яхты и не сводившей глаз с берегов любимой им Греции. И когда наконец яхта унесла его из виду и их голоса, зовущие его вернуться, больше не были слышны, они развернулись и печально побрели домой, в Афины.

Некогда веселая маленькая столица стала похожа на город мертвых. Никто не выходил на улицу, все театры и магазины закрылись. Те члены королевской семьи, кто остался, жили в атмосфере подозрительности. Всех, кто был верен королю Константину, арестовали. Мужчины и женщины из всех слоев общества — государственные деятели, юристы, писатели, офицеры армии и флота — были тайно осуждены, предстали перед трибуналом и приговорены, одни — к тюремному заключению, другие — к изгнанию на отдаленные острова.

По домам ходили с обысками. Группы вооруженных людей разграбили ящики и шкафы для фотографий короля Константина и его семьи. Было объявлено наказуемым деянием петь «Сын орла» — песню, которую сочинили в честь побед моего брата в Балканских войнах и которая за четыре

года его правления звучала так же часто, как Государственный гимн.

Однажды во время обхода группа венизелитов едва поверила своим ушам, когда услышала знакомую мелодию, восторженно напеваемую в одном из домов. Они бросились в комнату наверху, откуда доносился звук, распахнули дверь и увидели старуху, сидевшую в кресле и отбивающую в такт гордой песне своего попугая. Не утруждаясь тратить время на объяснения, они свернули несчастной птице шею и вышли из комнаты, захлопнув дверь под причитания бедной старушки.

Вскоре попросили покинуть Афины моего брата Николая. Я отправился с ним и его семьей в Швейцарию, где к нам присоединился Андрей, которому также было приказано покинуть Грецию.

Перед отъездом мы получили торжественное заверение, что г-н Венизелос не вернется в Афины, однако уже на следующей неделе обещание нарушили. Представители союзников ждали в гавани, чтобы встретить его, когда он прибудет. Улицы были запружены солдатами в стальных касках, и он проехал по ним в сопровождении шести машин, пассажиров которых едва можно было разглядеть из-за солдат, стоящих на подножках с винтовками в руках. Акрополь ошетинился крупнокалиберными пушками и пулеметами, словно ему вставили новую челюсть с острыми зубами. Тем не менее, все эти меры предосторожности вряд ли могли показаться необходимыми, если судить по статьям в провенизелитской прессе, описывающим «потрясающий прием, оказанный герою Греции, призванному обратно своим народом».

Греки сидели по домам за закрытыми дверями и с закрытыми ставнями окнами.

Когда впоследствии «герой» появился на балконе площади Конституции, приняв присягу перед новым королем, ему некому было аплодировать, кроме нескольких бездельников.

* * *

Следующие три года мы жили в Швейцарии, проводя лето в Цюрихе и Люцерне, а зиму — в Санкт-Морице.

Это был странный контраст с жизнью в Афинах, существование впроголодь с ежедневными заботами о средствах. Наши частные доходы были заморожены, и мы должны были зависеть от заемных денег. Это было неприятным испытанием для наших друзей, но люди были к нам удивительно добры. Как раз в тот момент, когда мы задавались вопросом, где взять деньги на арендную плату за следующий квартал, кто-то всегда закрывал брешь. Все наши слуги последовали за нами из Греции и служили нам из личной преданности. Проходили месяцы, им не платили ни цента, но они ни разу не пожаловались.

Как политические ссыльные, мы считались опасными и подозрительными персонажами, и наши друзья могли посещать нас только в условиях строжайшей секретности, так как за нами тщательно следили, и вся наша корреспонденция подлежала цензуре.

Но там были горы, которые создавали иллюзию, будто мы в Греции, и через некоторое время те из нас, кто был молод, нашли утешение в повседневных мелочах.

Тяжелее всех приходилось королю Константину. Он беспрестанно нервничал и размышлял о прошлом, пока, ослабев от беспокойства, не заболел своей хронической болезнью, пневмонией, и много дней находился при смерти.

Одной из самых больших тревог, которую нам пришлось пережить, было то, что в течение долгих месяцев мы ничего не знали о нашей матери, которая в начале Великой войны уехала в Россию, чтобы основать военный госпиталь неподалеку от своего старого дома в Павловске. Когда разразилась революция, она все еще была там, но мы полагали, что среди людей, знавших ее с детства, она будет в полной безопасности.

К сожалению, большевистским комиссарам сообщили, что в Павловске хранится оружие, в результате чего для

расследования был послан отряд солдат и матросов красной гвардии.

Мать спала, но ее верная русская горничная, прослужившая у нее пятьдесят лет, встала перед дверью ее спальни. Ее суровый взгляд пронзил толпу смущенных мужчин, она узнала нескольких матросов, к которым королева Ольга всегда была добра во время их визитов в Грецию на русских военных кораблях. Сказав, что им должно быть стыдно за свою неблагодарность, пожилая горничная обрушила на них такой поток ругательств, что матросы бежали с поля боя.

Однако через несколько дней они вернулись с толпой, в которую входило несколько женщин, и устроили обыск, забрав все, до чего могли дотянуться.

В то время было почти невозможно отправить письма в Россию, и прошли месяцы, прежде чем мать узнала, что мы в изгнании в Швейцарии и что король Константин опасно болен. Она сразу же поспешила присоединиться к нам, но датскому посланнику пришлось несколько месяцев безуспешно дергать за все ниточки, прежде чем удалось получить для нее разрешение на выезд из России и железнодорожный вагон для поездки.

К ее большому облегчению она смогла вывезти из России свои драгоценности благодаря одной из фрейлин, умной мисс Балтацци.

Это было очень непросто, так как почти каждую неделю драгоценности переправлялись контрабандой через границу либо бегущей знатью и ее друзьями (обычно иностранцами, работавшими в одном из посольств), либо ворами, членами банд. Этот способ заполучить драгоценности был весьма изобретателен. У преступников были шпионы, следившие как за знатными семьями, обладающими прекрасными драгоценностями, так и за различными комиссариатами. Таким образом, они более или менее знали, кто находится под подозрением, и ждали удобного случая, пока в доме не произведут обыск и аресты. Тогда, в суматохе, один или двое из них входили туда, переодевшись

солдатами или слугами, и завладевали драгоценностями, местонахождение которых устанавливали заранее. Это было рискованное дело, ибо наказанием являлась смерть, но их организация была настолько слаженной, что долгое время они оставались незамеченными. Как правило, они работали вместе с профессиональными контрабандистами, обычно поляками или финнами, которые были готовы вывезти добычу из страны за долю в ней. Но через некоторое время за их действиями стали наблюдать.

Моя мать должна была быть особенно осторожной, так как ее драгоценности, особенно один великолепный набор изумрудов, были известны как очень ценные. Фрейлина сама сделала для них шкатулку, не решаясь доверить ее кому-либо еще. Однажды один греческий студент пришел, чтобы увидеть мисс Балтацци с пакетом книг, которые были точно такого же размера и формы, как шкатулка с драгоценностями. Когда он ушел, он все еще нес свой пакет, но в нем вместо книг была шкатулка.

Он отправился прямо в датское посольство и передал драгоценности, которые отправили в Копенгаген.

Уезжая из России, мать пережила приключение, которое могло стать для нее последним. Она путешествовала со своей фрейлиной и двумя горничными в вагоне, прикрепленном к концу военного поезда, наполненного немецкими военнопленными, которых репатриировали. В первую ночь ее разбудил звук голосов за окном, но, предположив, что они остановились возле вокзала, она не обратила на голоса внимания и снова уснула. На следующее утро она с удивлением обнаружила, что ее вагон в целях безопасности поставили в середину поезда. Позже она узнала причину. Голоса, которые, как она думала, принадлежали железнодорожникам, на самом деле принадлежали большевикам. Они, зная, что греческая королева Ольга едет в поезде, пытались отцепить ее вагон и оставить его на линии, якобы чтобы ее обогнал экспресс, который должен был следовать десятью минутами позже. К счастью, бдительность офицеров предотвратила эту попытку!

Мать была лишь призраком себя прежней, когда приехала в Швейцарию. Месяцы тягот, волнений и лишений, которым она подверглась, измотали ее. События в Греции мучили ее тревогой, так как она была далеко от нас и не могла даже получить точных новостей; кроме того, во время русской революции она потеряла семнадцать членов своей семьи, включая императора, императрицу и их детей.

Как и все, приезжающие из России, она была истощена, так как диета из черствого хлеба, пропитанного маслом, на которой она сидела неделями, не совсем питательна, и потребовалось время, чтобы она поправилась.

* * *

В течение последних шести лет, в промежутках между войнами и революциями, я делал все возможное и невозможное, чтобы жениться на миссис Лидс. Еще в первые дни нашей помолвки мы оба поняли, что нам придется немного подождать, потому что необходимо преодолеть множество препятствий, прежде чем принц любого королевского дома сможет жениться на простолюдинке. Ситуация осложнялась еще и тем, что прежде в Греции не бывало морганатических браков, и любые члены королевской семьи, желающие вступить в брак, могли сделать это только после получения согласия как короля, так и главы церкви.

Брат Константин, к которому я обратился, не возражал против моего брака, но не спешил соглашаться на него из-за прецедента, который он мог создать. В конце концов он предложил, что лучшим выходом из затруднения для меня будет смена национальности на датчанина.

В Дании ситуация была намного проще. Мой двоюродный брат, принц Оге¹, уже женился на простолюдинке,

---

¹ Принц Оге, граф Розенбург (1887–1940) — датский принц, старший сын принца Вальдемара Датского (1858–1939) и принцессы Марии Орлеанской (1865–1909). Женился на графине ди Берголо в 1914 году.

графине Кальви ди Берголо, отказался от своих притязаний на трон и от титула королевского высочества, приняв имя принца Оге, графа Розенборга. Его примеру последовали еще два датских принца: Вигго, который женился на мисс Пегги Грин из Нью-Йорка¹, и Эрик, чья жена, мисс Бут, была канадкой².

Я мог бы сделать то же самое, если бы отказался от своего греческого гражданства, но предварительные этапы потребовали бы еще большей задержки, и, кроме того, я понимал, что время, в которое моя семья переживала такие трудности в Греции, едва ли было подходящим моментом, чтобы покинуть их.

Так месяцы превращались в годы, а мы все еще ждали, пытаюсь сократить разделявшее нас расстояние и переписываясь друг с другом каждый день. Зимы мы проводили вместе, поскольку миссис Лидс каждый год приезжала в Швейцарию, хотя я не мог пересечь границу, чтобы встретиться с ней где-нибудь еще.

В начале 1920-х годов мы решили, что не становимся моложе и что, если мы еще собираемся пожениться, то должны прорваться через бюрократию и ухватить свое счастье, пока оно находится в пределах нашей досягаемости.

Я пошел к брату Константину и сказал ему, что, если он не будет возражать, я намерен немедленно жениться, отказавшись от формальностей. Он ответил, что согласен, но попросил меня телеграфировать моему племяннику Александру, исполнявшему обязанности короля в Афинах.

Это была абсурдная ситуация — просить разрешения на брак у собственного племянника. Однако я отправил

---

¹ Принц Вигго, граф Розенборг (1893–1970) — датский принц, четвертый сын принца Вальдемара Датского и принцессы Марии Орлеанской. Женился на Элеонор Маргарет Грин в 1924 году.

² Принц Эрик, граф Розенборг (1890–1950) — датский принц, третий сын принца Вальдемара Датского и принцессы Марии Орлеанской. Женился на Лоис Бут в 1924 году.

телеграмму, и король незамедлительно телеграфировал, уведомив о своем согласии.

Итак, 1 февраля 1920 года мы с миссис Лидс обвенчались в русской церкви в Веве.

Пресса по обе стороны Атлантики многое писала по этому поводу, особенно касательно финансовой стороны вопроса. Это было едва ли лестно для нас. Меня изображали как женившегося на богатой вдове, намного старше меня, чтобы завладеть ее деньгами. На самом деле моя жена была всего на четыре года старше меня, и поженились мы по любви, а не по какой-либо другой причине.

Многие авторы предполагали, что «огромное состояние Лидса» будет использоваться для политической пропаганды, для покупки оружия и боеприпасов, для поддержки восстаний против существующего режима в Греции и для возвращения короля Константина на трон. На самом деле состояние моей жены, хотя и немаленькое, не было колоссальным, во всяком случае не по сравнению с состояниями многих американцев, и, поскольку все оно должно было в конечном счете перейти к ее сыну, не было и речи о спекуляции с ним.

Но мы были так счастливы вместе, что не заботились о том, что думает о нас остальной мир. Мы отправились в Ко на медовый месяц, а позже вернулись в Монтрё, где нас навестили многие члены семьи.

* * *

Греческий трон занимал одинокий, несчастный юноша, король только по титулу. Двадцатичетырехлетний Александр, призванный так внезапно, при столь трагических обстоятельствах, занять место отца, был одной из самых трагических фигур в Европе, хотя и последним, кто в этом признался бы, ибо он не был склонен жалеть себя. Он всегда был вдумчивым и независимым. Теперь он взвалил на свои плечи ответственность со всеми ее недостатками так же спокойно и так же эффективно, как и все остальное.

Его корона была насмешкой, но он носил ее с достоинством, убежденный, что хранит ее, чтобы однажды вернуть отцу. Он был узником в собственном дворце. Его приказы игнорировались, его постоянно окружали шпионы. Если он проявлял к кому-нибудь малейшую симпатию, этот человек немедленно исчезал из дворца. Только известные враги короля и королевского дома могли служить ему. Они вели упорную пропаганду, лгали ему о его семье, но протестовать было бесполезно, никто его не слушал. Те немногие друзья, которым удавалось его увидеть, говорили, что его лицо избородили преждевременные морщины.

Он много раз писал письма родителям, но его послания так и не дошли до адресатов. С того момента, как Александр попрощался с матерью в день своего восшествия на престол, и до самого дня ее смерти, произошедшей три года и четыре месяца спустя, королева ни разу не получала весточки непосредственно от сына.

Королева София обожала сына и очень переживала за него. Когда в 1918 году она услышала, что он едет в Париж, она залилась слезами радости: «Наконец-то я смогу ему позвонить», — и несколько дней не могла говорить ни о чем другом.

Она позвонила в отель, где он остановился, и, затаив дыхание, ждала ответа. Наконец она дозвонилась! Голос Романоса¹, греческого посланника, раздался на том конце провода: «Его величество сожалеет, но он не может подойти к телефону».

Королева София молча повесила трубку. Она ничего не сказала, но сердце сжималось при взгляде на ее разочарованное лицо.

Много позже нам рассказали, что королю Александру даже не сообщили о телефонном звонке!

---

¹ Афос Романос (1858–1940) — греческий дипломат и государственный деятель. Министр иностранных дел Греции (1899–1901). Греческий посланник во Франции.

Прошло два года, а мать все ждала, вопреки всему надеясь на известия о нем. Она вырезала из газет все скудные заметки о нем, опиралась на слова тех друзей, которые могли изредка его видеть.

В один из октябрьских дней 1920 года Александр вышел со своей собакой на прогулку по территории Татоя. Когда они проходили мимо коттеджа виноградаря, домашняя обезьяна, принадлежавшая жене сторожа, напала на собаку. Король пришел на помощь, и, разнимая их, получил обезьяний укус.

Жена сторожа перевязала раны, которые не казались серьезными, и король вернулся домой пешком. Но через два дня началось заражение крови.

Услышав о случившемся, королева София в Швейцарии обезумела от беспокойства. Она сразу почувствовала, что ее мальчику не станет лучше, и умоляла власти, почти стоя перед ними на коленях, пустить ее к нему. Но из-за Венизелоса она не получила разрешения покинуть Швейцарию.

Она смиренно приняла отказ, ибо ее дух был сломлен, и лишь умоляла мою мать поехать вместо нее. Разрешение на это было получено, но мать опоздала на двенадцать часов. Горести короля Александра закончились. Он упокоился рядом с дедом на холме в Татое.

ГЛАВА X

КЕНТСКАЯ ПОМОЛВКА И СВАДЬБА. — ТЕНИ ГРЯДУЩИХ СОБЫТИЙ

Время ссылки не прошло даром для моего брата Николая. Оно помогло ему развить скрытый талант к рисованию, который с тех пор стал для него источником счастья.

Когда он был ребенком, ничто его так не радовало, как рисование, но всегда находилось так много дел, которые нужно было выполнить, так много важных вещей, которые отнимали его время, что у него оставалось все меньше и меньше свободного времени для хобби. Но с полной переменой обстоятельств он всерьез занялся живописью, и стал воспринимать ее уже не как приятное времяпрепровождение, а как заработок на жизнь. Вскоре он провел свою первую выставку под именем Николая Лепранса. Критики понятия не имели, кто он, так как его агент поклялся хранить тайну, но все они оценили его как нового многообещающего художника. После этого стали поступать заказы и, по крайней мере, от некоторых из них, наиболее настойчивых, пришлось избавиться.

Трое его дочерей, Ольга, Елизавета и Марина, росли в неформальной обстановке студии. Никакой строгий этикет не угнетал их юношеский дух, их дисциплина была самой мягкой, и в промежутках между уроками они могли много забавляться.

Марина¹ росла умным и артистичным ребенком, как и ее отец. Она часто забегала в его студию, куда остальные

---

¹ Марина Греческая и Датская, герцогиня Кентская (1906–1968) — дочь принца Николая Греческого и Датского и вели-

домочадцы никогда не осмеливались проникнуть, и размазывала его краски по пальцам, пытаясь подражать ему. Она уговорила его давать ей уроки рисования и добилась таких успехов, что он организовал для нее серьезные занятия. Когда она подросла, они проводили много счастливых часов, рисуя вместе.

Прошли года. Ольга¹, старшая сестра, обручилась с кронпринцем Фредериком Датским², а потом внезапно возникло недоразумение, и помолвка была расторгнута. В семье воцарилось оцепенение. Все обсуждали сложившуюся ситуацию в гостиной после завтрака.

Одиннадцатилетняя Марина сидела у окна и по обыкновению рисовала. Она была так тиха, что старшие забыли о ее присутствии, когда вдруг раздался ее голос:

— На кой черт Ольге идти за него замуж, если она его не любит? Я бы не вышла...

Ее мать улыбнулась:

— Устами младенца...

Так что Ольге позволили следовать велению своего сердца, а не венценосному долгу. Принц Фредерик вернулся в Данию и много лет спустя женился на очаровательной шведской принцессе Ингрид³.

кой княжны Елены Владимировны, жена (с 1934 года) герцога Кентского Георга (1902–1942) — сына короля Великобритании Георга V и Марии Текской.

¹ Ольга Греческая и Датская (1903–1997) — дочь Николая Греческого и Датского и Великой княгини Елены Владимировны, жена (с 1923 года) регента Югославии (1934–1941) Павла Карагеоргиевича.

² Фредерик IX (1899–1972) — наследник датского престола (с 1912 года), король Дании (1947–1972), отец правящей королевы Дании (с 1972 года) Маргрете II.

³ Ингрид Шведская (1910–2000) — шведская принцесса и королева Дании, дочь шведского короля Густава VI Адольфа (1950–1973) и его первой жены, принцессы Маргариты Коннаутской. Мать королевы Дании Маргрете II.

Ольга познакомилась с принцем Павлом Югославским, и это была любовь с первого взгляда. Их брак был идеально счастливым. Павел, блестяще умный, чуткий, артистичный, идеалист, как раз был подходящим мужем для Ольги, веселой, философски мыслящей и в высшей степени практичной.

Елизавета, вторая сестра, гостила у них в маленьком шале близ озера Бохинь¹ в Юлийских Альпах и там встретила графа Тёрринга, красивого молодого баварца. Через несколько месяцев они поженились.

Марина осталась с отцом и матерью и выросла такой милой, что, как с горечью заметил Николай после одной из их редких ссор: «Ей все сходит с рук».

Она была самой необыкновенной из принцесс. Она серьезно изучала искусство в Париже, где они жили большую часть времени, ходила без сопровождения и ездила на метро или на автобусах, как и тысячи обычных девушек. В те дни у них было очень мало денег, поэтому она научилась вещам, которые обычно не входят в образование принцессы: быть полезной в управлении домом, расставлять цветы не хуже любого флориста и носить платье от никому не известной портнихи так, будто это был наряд от одного из великих кутюрье. Она развила независимость, получила много знаний о жизни и прекрасное понимание человеческой природы.

Те, кто плохо ее знал, иногда недооценивали ее, потому что сама ее застенчивость и чувствительность создавали ложное впечатление высокомерия. Под этим скрывались редко встречающиеся доброта и сочувствие, неизменное чувство юмора к собственным бедам и безграничное сострадание к чужим.

---

¹ Елизавета Греческая и Датская, графиня Тёрринг-Йеттенбах (1904–1955) — дочь Николая Греческого и Датского и Великой княгини Елены Владимировны, жена (с 1934 года) Карла Теодора Тёрринг-Йеттенбаха. Формально брак не считался мorganатическим.

В один из своих визитов в Англию она познакомилась с принцем Георгом, и с самого начала их влекло друг к другу. Я предполагаю, что сам факт ее непохожести на других принцесс, которых он встречал, привлекал его. Вместо торжественного ритуала королевской помолвки, формального знакомства, процесса смотрин в присутствии родственников, ожидающих на заднем плане, готовых даровать свое благословение, они виделись так часто, как хотели. Они вместе катались на автомобиле, обедали в лондонских ресторанах, посещали вечеринки, танцевали в домах своих друзей, и никто даже не комментировал это.

Вскоре их семьи поняли, что они влюбились друг в друга, но оба с негодованием отрицали это, когда их расспрашивали.

Летом 1934 года я был в Риме, когда получил загадочное сообщение SOS от принца Павла Югославского: «Садись на ближайший поезд и приезжай на озера Бохинь, — писал он, — нам нужна твоя помощь в очень серьезном деле».

Встревоженный, я позвонил по телефону. К телефону подошла моя племянница Ольга.

— Марина у нас, — объяснила она по-гречески. — А Георг приезжает из Англии на следующей неделе. Помнишь, ты был у нас, когда Елизавета обручилась с Тото? Они оба так счастливы, что у меня есть идея, что ты принесешь удачу и Марине.

Так что я отправился в Бохинь, где царила атмосфера волнения. Марина и ее подруга мадам Ралли уже жили в шале, стены которого, казалось, могли расширяться, так как каждое лето в него набивалось множество гостей.

На следующее утро прибыли принц Георг и его шталмейстер майор Батлер, одолжив самолет принца Уэльского. Я впервые за несколько лет увидел Георга и был поражен сходством с его отцом в его возрасте. У него была такая же привычка прищуривать глаза, когда он улыбался, и манера смеяться была такая же, как у короля.

Погода была великолепная, и следующие несколько дней мы провели за охотой, рыбалкой, прогулками по лесу и поездками на обед или чай к моему брату Николаю и его жене, которые сняли виллу в двадцати пяти милях от нас. Атмосфера становилась все более и более наэлектризованной.

Однажды вечером перед сном мы все играли в нарды в гостиной. Друг за другом мы уходили спать, пока Георг и Марина не остались сидеть одни на противоположных концах дивана.

Я пробыл у себя в спальне около получаса, когда обнаружил, что оставил свой портсигар на столе для игры в нарды. Надев халат, я отправился на его поиски.

Дверь гостиной была открыта, Георг и Марина по-прежнему сидели на диване, хотя, как я с удовлетворением заметил, они были уже не на противоположных его концах. Я прокрался обратно в свою спальню без портсигара.

На следующий день объявили об их помолвке.

Мы с женой ездили в Лондон на их свадьбу и остановились в Букингемском дворце. Прошло девять лет с моего предыдущего визита. Повсюду во дворце я обнаруживал свидетельства изысканного вкуса королевы в оформлении. Все заветные безделушки дорогой королевы Александры исчезли, каждая комната была идеальной как по своей цветовой гамме, так и по обстановке, подобранной так, чтобы смотреться гармонично.

К великому раздражению горничной моей жены, которая была убеждена, что только она одна способна за нами присмотреть, мне был назначен камердинер, и беседы с ним показались мне очень интересными. Как и многие слуги в Букингемском дворце, он и его семья прожили в королевском доме на протяжении нескольких поколений, и он с гордостью сообщил мне, что его дед прислуживал еще принцу-консорту¹.

---

¹ Имеется в виду принц-консорт Альберт, супруг королевы Виктории.

Мы были в прекрасных отношениях с самого первого вечера, когда я извинился за то, что ругался в его присутствии, и он повернулся, чтобы заверить меня, с огоньком в глазах: «Плохие слова, Ваше королевское высочество, случается, звучат даже в самой лучшей из порядочных семей...»

В день свадьбы он попросил разрешения рассказать мне историю, которая, по его мнению, могла бы меня развеселить, и после этого с до смешного торжественным лицом разгадал загадку собственного изобретения:

— Почему принцесса Марина сможет облегчить жизнь принцу Георгу?

После одной или двух попыток я сдался.

— Потому что двадцать семь лет она хранилась в Греции...¹ — торжествуя ответил он.

Позже в тот же день я рассказал эту историю королю и королеве, и они оба от души посмеялись над ней и рассказали ее гостям.

На следующее утро прибыл мой камердинер с довольно кислым выражением лица, я спросил его, в чем дело, и после секундного колебания он сказал:

— Ваше королевское высочество повторило мою историю о женихе и невесте.

— Конечно, — ответил я. — Почему бы нет? Мы все подумали, что это очень забавно.

— Я рад, что ваше королевское высочество сочли эту историю интересной, но, к сожалению, Его Величество повторил ее своему камердинеру, который сделал мне суровый выговор и сказал, что я не должен рассказывать сальности гостям.

* * *

Я видел много королевских свадеб, но ни одна из них не была такой красивой, за исключением свадеб Императорской России. Ведь в мире нет места лучше Вестминстерского

---

¹ На английском «двадцать семь лет» и «Греция» рифмуются.

аббатства. Величественное зрелище, кортеж двигался по улицам мимо толп ликующего народа, достоинство и красота службы навсегда останутся в моей памяти.

Все было идеально организовано и продумано до мельчайших деталей. Многие люди часами тревожно обсуждали вопрос о поездке в аббатство, шествии невесты, шествии жениха, шествии короля и королев... Все было организовано с максимальной точностью.

Дорогая старая принцесса Виктория¹ возмущенно разворчалась, когда к величайшему своему неудовольствию обнаружила, что ей предстоит ехать с некоторыми гостями, которых она не одобряла. Все ждали начала процессии, пока она объясняла взволнованному кучеру, что не сядет в карету с «этими ужасными людьми».

К счастью, старый друг королевской семьи стоял рядом и немедленно пришел на помощь.

— Не можете сесть в карету, мадам? О да, вы можете, позвольте мне помочь вам... — И, прежде чем она успела произнести хоть слово, он ловко подтолкнул ее внутрь и закрыл дверцу под ее протесты.

Перед аббатством собралась огромная толпа людей, которые ждали там всю ночь. Их энтузиазм глубоко тронул меня. Думаю, что в наше время только в Англии можно увидеть такую любовь к монарху и его семье, чувство, которое превосходит даже преданность; полное согласие, которое заставляет даже самого бедного подданного чувствовать, что ему позволительно разделять радости и горести королевской семьи. Монархия никогда не исчезнет в Англии, какова бы ни была ее судьба в других странах. Она слишком глубоко укоренилась в сердцах людей.

Наблюдая за этой плотной толпой, я вспомнил слова, сказанные королем Георгом много лет назад: «Быть правителем британского народа — значит нести величай-

---

¹ Имеется в виду младшая сестра короля Георга V принцесса Виктория Великобританская (1868–1935).

шую на свете ответственность. Они доверяют ему так беззаветно».

Насколько свято он хранил это доверие, знает весь мир. Не было ни минуты, когда бы он не думал бы об Англии.

* * *

Накануне свадьбы состоялся ужин в Букингемском дворце, после которого последовал прием.

Собрались все королевские дома Европы. Король и королева Дании¹, принц Вальдемар Датский, последний из живущих братьев королевы Александры и моего отца, который как самый старший член датской семьи поехал в аббатство с королем Георгом и королевой Марией; король и королева Норвегии², великий князь Кирилл и его жена³, принцесса Нидерландов Юлиана⁴, все британские родственники жениха, все греческие родственники невесты. Весь дипломатический корпус, все лондонское общество. Красивые наряды, блестящие мундиры, великолепные украшения женщин навевали воспоминания о довоенных днях, о великолепном королевском зрелище, которое сейчас существует только при английском дворе.

---

¹ Кристиан X (1870–1947) — сын Фредерика VIII и Ловизы Шведской, король Дании (1912–1947) и король Исландии (1918–1944). Супруг Александрины Мекленбург-Шверинской (1879–1952) — дочери великого герцога Фридриха Франца III Мекленбург-Шверинского (1883–1897) и его жены великой княжны Анастасии Михайловны (1860–1922).

² Хокон VII и Мод Великобританская.

³ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) — второй сын великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны.

⁴ Юлиана Оранско-Нассауская (1909–2004) — дочь королевы Нидерландов Вильгельмины (1890–1948) и принца-консорта Генриха Мекленбург-Шверинского; королева Нидерландов в 1948–1980 годах.

Марина, ослепительно-белая, в чудесной парюре из сапфиров и бриллиантов, подаренной ей королем, обходила всех вместе с королевой, принимая поздравления. Счастье добавило ей красоты. Встречая взгляд принца Георга, она лучезарно улыбалась.

Но королева Мэри затмевала всех остальных женщин. Увидеть ее в серебряном парчовом платье с широкой лентой Подвязки, великолепными бриллиантами, сверкающими в волосах, на шее и руках, означало понять истинное значение слова «царственная». Ни у одной женщины не было такого милосердия, такого совершенного спокойствия, такого достоинства. Никто не умел носить драгоценности так, как она. Я думаю, она могла бы покрыть себя ими с головы до ног и при этом никогда не выглядеть перегруженной, как другие женщины. Для нее они становятся лишь частью ее собственной личности. Между прочим, я знал несколько женщин с большим «вкусом в одежде», чем королева Мэри, но она достаточно мудра, чтобы знать свой собственный стиль и придерживаться его, вместо того чтобы следовать диктату моды.

Я встретил супругу принца Артура Коннаутского, принцессу Аликс¹, за ужином, а потом мы вместе сели на диван и вспоминали минувшие дни в Мер-Лодж. Мы впервые встретились после недолгой идиллии нашей помолвки, и оба дружно рассмеялись, вспоминая об этом.

Я только оставил ее, когда меня остановил принц Уэльский. Я несколько лет не видел Дэвида² и понял, что он очень изменился. Он выглядел, конечно, старше, но счастливее и увереннее в себе. Пока мы стояли и разговаривали, я видел, что он уделяет мне только часть своего

---

¹ Урожденную Аликс Файф, первую любовь автора мемуаров, подробный рассказ о которой был выше.

² Эдуард VIII, герцог Виндзорский (1894–1972) — после смерти отца Георга V король Великобритании с 20 января по 11 декабря 1936 года (не был коронован).

внимания. Его глаза увлажнились, глядя на группу людей у входа. Внезапно он взял меня за руку в своей импульсивной манере:

— Христо, пойдем со мной. Я хочу познакомить тебя с миссис Симпсон...¹

— Миссис Симпсон? Кто она такая? — спросил я.

— Американка, — улыбнулся он. — Она прекрасна.

Эти два слова сказали мне все. Он будто сказал: «Она единственная женщина в мире».

Через мгновение я пожимал руку даме, которой суждено было написать новую страницу в истории Англии. Какой она была? Я должен признать, что я не могу описать ее. На первый взгляд, она была всего лишь одной из тысяч хорошо одетых, ухоженных, жизнерадостных американок. Вы можете увидеть дам такого типа в любой день за обедом в отеле «Ритц» в Париже или в Беркли в Лондоне.

Я помню, что она была маленькая и худенькая, что она беспрестанно говорила и много смеялась, что у нее было скорее приятное лицо, нежели хорошенькое. Она не была красавицей в любом смысле этого слова. Но была ли ею Клеопатра? Была ли Елена Троянская? Мы можем положиться только на традицию, говоря о любой из них, и миссис Уоллис Симпсон вошла в историю как женщина, ради которой король Англии отрекся от престола², так что, вероятно, будущие поколения наделят ее красотой.

Но что я хорошо запомнил, так это то, что принц Уэльский почти не отходил от нее весь вечер, несмотря на то, что некоторые из самых красивых женщин Европы делали

---

¹ Бесси Уоллис Симпсон, герцогиня Виндзорская (1896–1986) — дочь американского бизнесмена, супруга (с 1937 года) герцога Виндзорского, бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII. Дважды была до этого замужем: за летчиком Уинфилдом Спенсером (1916–1927) и бизнесменом Эрнестом Симпсоном (1928–1936).

² 11 декабря 1936 года.

все возможное, чтобы привлечь его внимание. Казалось, он даже не замечал их. Он был влюблен, как мужчинам и женщинам дано любить только раз в жизни.

* * *

Оглядываясь на тот вечер, я могу хорошо понять все это. Вспоминая Дэвида таким, каким я знал его с детства, я могу с уверенностью сказать, что то, что произошло, было неизбежно. Он был одним из тех людей, благословленных или проклятых богами темпераментом, воображением и огромной предрасположенностью к счастью или страданию.

В детстве он всегда отличался от остальных членов семьи, держался отстраненно, был сверхчувствителен. Уже тогда у него была огромная сила воли, им можно было управлять с помощью любви, но никогда — с помощью страха. Его дед, король Эдуард VII, понимал его лучше, чем кто-либо другой. Между ними была взаимная симпатия, и они были во многом похожи.

Однажды, когда мы сидели за обедом в Букингемском дворце, Дэвид, которому тогда было около десяти лет, все пытался привлечь внимание своего дедушки, который что-то рассказывал. Когда он впервые прервал его, король нахмурился, во второй раз он строго велел ему молчать. Через несколько минут, завершив свой рассказ, он с улыбкой обратился к нему:

— Ну, мой мальчик, что ты хотел сказать?

— Теперь все равно, дедушка, — ответил звонкий детский голос. — Я только хотел тебе сказать, что в твоём салате был слизень, но ты его уже съел...

Дэвид был предан своему деду, но, в отличие от других детей, не испытывал перед ним благоговения. Я помню еще один обед, когда он раздражал короля тем, что ерзал до тех пор, пока не столкнул что-то со стола. Король вспылил:

— Будь ты проклят, мальчишка... — взревел он и, схватив огромную дыню, швырнул ее на пол.

Дэвид молча оглядел ее, а затем повернулся к деду с неотразимо забавным выражением лица. Затем оба расхохотались.

* * *

Шли годы, и я не видел Дэвида до лета 1914 года, за это время он вырос. Он был маленьким и худощавым, выглядел гораздо моложе своего возраста; был веселым, безответственным и обладал огромным личным обаянием короля Эдуарда.

— Дэвид обязан жениться, — говорила королева Александра. — Это его долг.

И она сделала все возможное, чтобы обручить его с очаровательной молодой принцессой, но он отказался даже рассмотреть предложение.

— Но это самый подходящий брак во всех отношениях, — убеждала его бабушка. — И, что самое главное, ты часто восхищался ею. Какие возражения могут у тебя быть?

— Только то, — сказал он тихо, — что я никогда и ни при каких обстоятельствах не женюсь ни на какой женщине, если не полюблю ее.

Когда я увидел его в следующий раз, он вернулся с войны, внешне тот же, а на самом деле совсем другой человек. Он принадлежал к тому поколению, которое получило знание жизни из первых рук, заплатив за него страданием и незабываемым ужасом. Невозможно ожидать, чтобы принц, который служил бок о бок со своими солдатами в окопах, разделял их лишения и встречал с ними смерть, начал цепляться за придворный этикет и получать удовлетворение от своего королевского титула. Война оставила неизгладимый отпечаток на его чувствительной натуре.

Я помню, как он возвращался после одного из визитов к безработным. Кажется, дело было на севере Англии. Он выглядел уставшим и подавленным.

— Я не могу выбросить из головы этих бедолаг, — сказал он. — Страшно видеть отчаяние в их глазах. Представляю,

что бы я чувствовал на их месте. Многие из них прошли войну. К чему они вернулись? Как можно заставить их продолжать надеяться?

Он переживал за них. Это был не только принц, заботящийся о народе, которым он однажды будет править, но и человек, который столкнулся с реальностью и пытался найти решение проблемы, которую он чувствовал так остро, как если бы она касалась его лично.

Ни один человек никогда не наслаждался перспективой править меньше, чем он, и ни один король никогда не ненавидел пышность и официоз больше, чем он. Его называли демократом, но он был больше этого. Принципы социализма не были чужды ему, но не социализма, основанного на зависти, а построенного на человеколюбии и понимании. Классовых различий для него просто не существовало. Он обладал почти разрушительной искренностью. Его трагедия заключалась, я полагаю, в том, что он родился на столетие раньше срока.

Шло время, ему было уже около сорока. Он встречался со всеми подходящими принцессами в Европе. Молва соединяла его имя то с одной, то с другой, но безосновательно. Люди считали его закоренелым холостяком, когда в его жизни появилась миссис Уоллис Симпсон. Они встретились совершенно случайно на вечеринке в Лондоне, но в тот момент нити двух судеб переплелись воедино. Он знал сотни женщин красивее, многие из них подходили, чтобы играть роль его жены, но эти соображения не имели для него значения. Она была для него просто любимой женщиной. Для него были невозможны полумеры в эмоциях. Или все, или ничего.

Ну а остальная часть этой истории хорошо известна всему миру...

ГЛАВА XI

СМЕРТЬ КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА. — ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГРЕЦИЮ. — ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. — НОВОЕ ИЗГНАНИЕ. — СТРАННОЕ ПРЕДЧУВСТВИЕ

После смерти короля Александра¹ греческий трон снова оказался свободным. Правительство опять предприняло неконституционный шаг, отказавшись от законного наследника и предложив корону принцу Павлу, третьему сыну короля Константина². Он отверг это предложение, сказав, что его отец и старший брат еще не отказались от своих прав.

Тем временем моя мать, приехавшая в Грецию сразу после смерти короля Александра, все еще находилась в Афинах и, несмотря на траур, восторженно принималась народом.

Венизелосу на этот раз не хватило его обычной проницательности. Просьбу убитой горем несчастной королевы Софии приехать к смертному одру ее сына безапелляционно отклонили, но на пути королевы Ольги не возникло никаких препятствий. Вероятно, Венизелос думал, что вдовствующая королева, не движимая никакими личными амбициями, едва ли может рассматриваться как источник опасности. Он не рассчитывал на ее огромную популярность. Греция на протяжении пятидесяти лет была ее страной. Она не вмешивалась в политические дела, но сотнями тихих способов демонстрировала свою любовь к народу, понимание простых людей и в ответ получала их любовь. Давным-давно

---

¹ 25 октября 1920 года.

² Павел I (1901–1964) — наследник греческого престола с 1935 года; король Греции в 1947–1964 годах.

они полюбили ее, застенчивую маленькую королеву, приехавшую к ним со своими куклами, и на протяжении многих лет она никогда не теряла их любви. Теперь, когда она снова приехала к ним, они стремились выразить ей свою привязанность. Ветер незаметно переменился.

Венизелос с уверенностью ждал дня всеобщих выборов 14 ноября 1920 года. К его изумлению, люди отвергли его и выбрали премьер-министром г-на Раллиса¹.

Первым актом нового премьер-министра, поддержанного всем кабинетом, было предложение моей матери стать регентом Греции. Галантный пожилой джентльмен явился в Татой, чтобы сделать это предложение. Слезы радости заглушали его голос, так что он едва мог говорить, когда сгибал свои затекшие старые колени, чтобы встать перед королевой.

— Конечно, я принимаю это предложение, но встаньте, мой друг, — сказала она, взяв его за руку и пытаясь поднять его, но он не хотел вставать, поэтому она тоже опустилась на колени рядом с ним. Вошедший камердинер застал их обоих в слезах, пытающихся помочь друг другу подняться с пола.

К этому времени вся страна требовала возвращения на трон короля Константина, но он чувствовал, что ради уверенности в будущем ему нужна достоверность статистики. Он попросил провести плебисцит за или против его повторного воцарения. Тем временем мать телеграфировала остальным членам семьи, чтобы они немедленно возвращались в Афины.

Брат Андрей, сестра Мария и я прибыли первыми. Мы сели на итальянскую яхту из Бриндизи и на рассвете прибыли в Коринфский канал.

Нас разбудил залп орудий, мы поспешили на палубу и обнаружили, что «Ястреб», эскадренный миноносец под

---

¹ Димитриос Раллис (1844–1921) — греческий государственный деятель, в период 1897–1921 годов пять раз занимал пост премьер-министра Греции. В последние годы монархист.

командованием адмирала Иоаннидиса¹, вышел нам на встречу. Мы поднялись на борт под аплодисменты матросов, которые, не стесняясь, лили слезы радости, да и мы тоже.

Я никогда не забуду теплоту этого приема. Весь Коринф был увешан флагами, цветами и портретами короля. Люди бежали вдоль канала и вдоль моста, приветствовали нас и забрасывали цветами. Когда мы добрались до Пирея, то обнаружили, что гавань заполнена пароходами, переполненными ликующими людьми, и настолько забита судами всех видов, что мы могли бы пройти по ним. Звонили церковные колокола, гудели фабричные гудки, все кричали до хрипоты.

Наконец мы увидели приближающийся к нам катер с королевским штандартом. Это мать прибыла поприветствовать нас в качестве регента. Мы сели в него и подъехали к пристани.

Мотор ждал нас всего в сорока ярдах, но прошло три четверти часа, прежде чем мы смогли добраться до него. Сотни людей хотели пожать нам руки и расцеловать нас. Они окружили нас, смеясь, плача и разговаривая одновременно. Нам пришлось сформировать охрану вокруг матери, чтобы ее не раздавили насмерть в порыве любви. Когда мы наконец добрались до машины, ехать все равно было нельзя.

В конце концов нам на помощь пришла армейская машина, и на ней мы дюйм за дюймом ползли по переулку. Оглянувшись, мы увидели широкий проспект, почерневший от машин, выстроившихся по четыре в ряд. Когда мы въехали в Афины, волнение достигло безумия. Мужчины и женщины бросались плашмя на дорогу, так что наша машина была вынуждена все время останавливаться...

— Выходите, — кричала толпа. — Выходите, мы хотим нести вас!

Мать протестовала, но торопливые руки уже отрывали дверцы машины.

---

¹ Периклис Иоаннидис (1881–1965) — греческий вице-адмирал, второй муж (с 1922 года) принцессы Марии Греческой и Датской, вдовы великого князя Георгия Михайловича.

— Это бесполезно. Нам придется пойти на жертву, — сказал я брату. — Иначе неизвестно, что произойдет.

Мы вышли из машины, но так и не ступили на землю. Четыре мили до дворца были покрыты плечами разных людей, которые в своем волнении, очевидно, забыли, что несут не мирян. Каждый хотел прикоснуться рукой или плечом к нашему транспорту, и нас толкали и бросали от одной смены носильщиков к другой, пока мы не стали черными и не покрылись синяками. Неделю после этого я едва мог ходить.

Симпатичная женщина в сиреневом костюме схватила меня за одну ногу и двинулась вперед независимо от дюжих механиков в рабочих комбинезонах, которые в этот момент держали все остальное тело. «Ради бога, отпустите», — закричал я, перекрикивая общий шум, и она неохотно уступила меня юноше с непокорной копной волос. Я бросил тоскливый взгляд на брата Андрея, но он не заметил, он был слишком занят защитой своих подвязок от поклонников, которые хотели получить их в качестве сувениров.

По прошествии полутора часов, как раз тогда, когда я уже начинал чувствовать, что вот-вот оживлю морское путешествие морской болезнью (когда вас несут на шести или семи плечах разного роста, это чем-то похоже на езду на верблюде), мы прибыли во дворец. Здесь мои носильщики оставили меня, за исключением фанатичного юноши, который, казалось, обладал силой Геракла, ибо, не обращая внимания на мои протесты, он, пошатываясь, вошел со мной на спине. В холле был премьер-министр, г-н Ралис, который, увидев мою яростную борьбу и возмущенный таким недостойным поведением, бросился ко мне на помощь.

— Пусть Его Королевское Высочество немедленно спустится! — приказал он, но мой носильщик не обратил на это внимания и направился к лестнице, когда премьер-министр схватил свою трость и бросился в бой. Фанатик отпустил

меня, чтобы защититься, и бросил бедного старого господина Раллиса в угол. К тому времени на помощь подоспели два солдата, а я убежал наверх.

Первой нашей мыслью было поехать в Татой, где жила мать. Но нам пришлось ждать до ночи, так как толпы вокруг дворца были такими плотными, что мы не могли пройти сквозь них.

Когда стемнело, мы, словно заговорщики, прокрались и поехали по знакомой дороге. Каждая маленькая деревня, через которую мы проезжали, была освещена, нас узнавали и встречали, эта теплота снова вызывала слезы на наших глазах. Повсюду были проявления радости. Мы проехали под триумфальными арками из цветов, флаги развевались на ветру, а фотографии короля Константина, вытасченные из ящиков, где они лежали спрятанными во время режима венизелистов, гордо выставлялись в окнах сельских домов. Через каждые несколько ярдов люди прыгали на подножки, чтобы пожать нам руки и преподнести свои простые дары — цветы, фрукты, овощи и дичь скапливались у нас под ногами. А колокола все время продолжали свой радостный звон и возглас: «*Erchetai... Erchetai*» (Он идет) подхватывали сотни голосов.

Я взглянул на бархатное небо, усыпанное звездами, на великолепно очерченные горы, на темный сосновый лес впереди. Это была Греция! Мы снова едем домой. Долгие годы изгнания были далеко позади, рассеялись, словно сон поутру.

* * *

Плебисцит, которого требовал король Константин, завершился тем, что он получил подавляющее большинство голосов. Из миллиона проголосовавших только десять тысяч были против его возвращения.

Венизелос увидел крах своих планов. Результаты опроса оказались противоположны результатам его тщательно продуманной пропагандистской службы, пытавшейся доказать,

что король Константин был тираном, ненавидимым подданными, которые, к счастью, сбросили это иго.

Венизелос не остался, чтобы увидеть возвращение короля, которого он так обидел, он уехал из страны, даже не дождавшись завершения формальностей, обычных для смены власти.

Сцены прибытия короля Константина были еще более восторженными, чем те, когда встречали нас. Броненосный крейсер «Георгиос Авероф» отправился в Венецию, чтобы доставить его и его семью обратно в Коринф, откуда они сели на поезд в Афины. Тысячи людей собрались на вокзале, они бешено зааплодировали, когда поезд медленно въехал в украшенные цветами павильоны.

Короля отвезли сначала в собор, где архиепископ служил *Te Deum* и возносил благодарственные молитвы, а затем через город во дворец, где его ждала моя мать.

Единственным, что омрачало наше счастье, была память об Александре, который так печально жил и умер, принеся себя в жертву чужим замыслам. Я смотрел на убитое горем лицо его матери, храбро улыбавшейся ликующей толпе, и чувствовал, что сердце ее истекает кровью.

* * *

Менее чем через пять лет после радостного приезда короля Константина в Афины в Греции снова разразилась буря.

Король вернулся в страну, охваченную еще одной войной, безумной, ничем не оправдываемой, кроме безумия Венизелоса, который продолжал свою обычную политику азартных игр, делая ставку на греческий народ, и был готов одним неосторожным жестом «рискнуть всем, чтобы получить все». Без каких-либо средств или материальной поддержки и имея лишь смутные предположения о помощи со стороны союзников, на которые можно было бы положиться, он бросил армии на поле боя.

Малоазийская кампания могла иметь только один конец, и король Константин, опытный воин и дальновидный полководец, говорил об этом с самого начала, но он слишком поздно взял на себя бразды правления, чтобы помешать этому. Греческие силы уже шли напрямик в «осиное» гнездо, подготовленное военным гением Мустафой Кемалем. Сокрушительное поражение под Смирной, а затем чудовищный пожар, уничтоживший весь город и убивший тысячи беспомощных людей, вызвал в Греции бурю негодования. Нужно было найти козла отпущения, и самой удобной для этого кандидатурой оказался король. Люди стали вспоминать венизелистскую пропаганду против него. Они напоминали друг другу о том, что королева София была сестрой бывшего кайзера, хотя какое отношение это могло иметь к нынешней ситуации, никто точно не знал. Ветер, заряженный предвестниками революции и кровопролития, пронесся над страной.

Оставалось сделать только одно. Король отрекся от престола в пользу своего старшего сына Георга¹. Через несколько дней он навсегда покинул страну.

* * *

В годы правления короля Константина мы с женой жили в Париже. Она, со свойственной ей проницательностью, предвидела, чем все завершится, и сразу же после отречения уговорила меня вернуться в Афины, собрать там все мои акции и облигации и вывезти их из страны.

— Это только вопрос времени, когда выгонят и Георга, и тогда у вас отнимут всё, — настаивала она.

Итак, я вернулся в Афины, взяв с собой только своего английского слугу. Я знал об изменившихся условиях еще до отъезда из Парижа, потому что, когда я отправил свой

---

¹ Георг II (1890–1947) — король эллинов в 1922–1924 и 1935–1947 годах.

паспорт греческому посланнику для оформления визы, мне позволили оставаться в Греции только восемь дней. Сначала я решил поехать на Корфу, чтобы погостить у брата Андрея и его жены, которые жили в Мон-Репо, нашем старом доме. Я был поражен, обнаружив, что дом находится под наблюдением полиции, которой было приказано докладывать о каждом посетителе.

Невестка встретила меня известием о том, что Андрей уехал в Афины, вызванный для дачи показаний на суде над министрами, обвиняемыми в подстрекательстве к походу в Малую Азию. Это звучало вполне нормально, но я видел, что она очень беспокоилась и чувствовала приближение бури так же, как и я. Я уехал от нее, пообещав разузнать все новости, какие смогу, и написать ей сразу же, как только приеду.

В Афинах напряженная атмосфера чувствовалась еще отчетливее. Люди на улицах выглядели измученными и напуганными или угрюмо-равнодушными. Однако, к моему удивлению, меня приняли с королевскими почестями, в Пирее меня встретил катер, а у пристани ожидала машина.

Я отправился прямо к королю в Татой. Там мои худшие опасения оправдались. Король был практически заключенным, как когда-то был его отец, но с той разницей, что в то время как враждебность к королю Константину создавалась за пределами страны и взращивалась союзниками, а греки оставались верны ему, королю Георгу грозило восстание его подданных. Он выглядел измученным и сказал мне, что не спал много ночей.

Новость, которую он должен был сообщить мне об Андрее, была поистине ужасной. Его привезли в Афины под ложным предлогом и тут же арестовали. Теперь он находился под арестом в доме друга, бывшего адъютанта моего брата Николая, и ожидал суда.

Следующая неделя была сущим кошмаром. Афины бурлили волнениями. Министры короля Константина были схвачены и брошены в тюрьму по приказу Венизелоса,

контролировавшего страну извне, каждый день были новые аресты.

Никому не разрешалось приближаться к Андрею, кроме его камердинера. Даже дантисту не позволили посетить его, когда он сломал зуб и страдал от боли. Общаться с ним было невозможно, так как его охрана несла строжайшее наблюдение и изымала все адресованные ему письма и посылки. Даже пища, присланная сочувствующими, тщательно исследовалась, а фуа-гра в заливном, которым одна добрая старушка намеревалась его угостить, изрезали на кусочки, прежде чем разрешили съесть.

В конце концов я придумал удачный способ написать письмо на папиросной бумаге, туго свернуть ее и положить вместе с другими сигаретами в портфель его лакея. Он ответил на это короткой запиской, полной мужества, но, читая между строк, я понял, что у него уже нет надежды вернуть себе свободу. У него только что была беседа с бывшим школьным другом г-ном Пангалосом, ныне военным министром и инициатором суда над ним, которая не оставляла ему оснований для оптимизма.

— Сколько у тебя детей? — внезапно спросил Пангалос, и, когда брат, удивленный неуместностью вопроса, ответил ему, он покачал головой: — Бедняжки, как жаль, что они скоро останутся сиротами!

Дни тянулись в агонии неизвестности. Король был бессилен вмешаться, его собственная судьба висела на волоске, у него было меньше свободы, чем у самого бедного из его подданных, шпионы окружали его день и ночь, доносили обо всех его перемещениях. Каждый, кто посещал его, попадал под подозрение, он боялся, что его увидят в компании кого-либо из членов его собственной семьи. Он не мог даже поехать со мной из Татоя в Афины, а ехал один в неприметной машине, с которой был снят королевский вымпел и которую вели шоферы без униформы.

Тем временем остальная часть нашей семьи, за пределами Греции, переворачивали небеса и землю, чтобы спасти

Андрея. Моя мать обратилась к королю Англии Георгу V, королю Испании и г-ну Пуанкаре¹, которые пообещали сделать все, что в их силах. Моей жене удалось заинтересовать этим вопросом папу². Результатом стал согласованный протест от всех этих сторон, который не мог игнорировать даже Венизелос. Предвидя, что произойдет, он ускорил фарс суда над министрами до неприличной быстроты.

— Что бы вы ни делали, делайте это быстро, — телеграфировал он своим подчиненным. — Завтра может быть слишком поздно.

После этого семерых несчастных выволокли на задний двор, не дав и получаса на подготовку, выстроили у стены и расстреляли³. Через несколько часов в Афины прибыли г-н Талбот, эмиссар короля Англии, адъютант короля Испании и папский легат.

Я ожидал, что меня арестуют в любой день во время той недели в Афинах, и своим побегом я был обязан исключительно тому факту, что жена дала мне очень солидный чек, который я должен был предъявить Красному Кресту. Он возымел магический эффект, когда я показал его некоторым чиновникам. У меня было также два хороших друга, на верность которых я мог рассчитывать: мой бывший наставник мистер Штукер и мой адвокат мистер Каролу, чья жена была моей первой гувернанткой, а затем стала секретарем и фрейлиной моей матери. С их помощью мне удалось собрать все свои ценные бумаги и даже все драгоценности,

---

¹ Раймон Пуанкаре (1860–1934) — французский государственный деятель, президент Третьей республики (1913–1920); глава правительства (1912–1913, 1922–1924, 1926–1929).

² Пий XI (Акилле Ратти) — папа римский (февраль 1922 — февраль 1939).

³ Мемуарист допускает неточность: трибунал завершился казнью 28 ноября 1922 года шестерых обвиняемых (из девяти): бывшего премьер-министра Димитриоса Гунариса, четырех его министров и командующего греческой армией в Турции генерала Хадзианестиса.

принадлежащие жене брата Николая, которые я обещал вывезти из Греции.

За несколько дней до отъезда один знакомый пришел предупредить меня, что, как он слышал, меня собираются арестовать.

— Ради бога, садись на ближайший поезд и уезжай, пока не поздно, — посоветовал он мне. — Если ты этого не сделаешь, окажешься в тюрьме.

Но я ответил ему, что намереваюсь уплыть на корабле, так как собираюсь присоединиться к королю Константину в Палермо и должен буду ждать следующего итальянского парохода. Он пожал плечами:

— Если будешь ждать, тебя остановят, как только взойдешь на борт.

Однако у меня была виза на неделю, и я не видел причин, по которым меня должны терроризировать, заставляя ехать до истечения срока ее действия. Мой отъезд резко контрастировал с приездом. На этот раз не было никаких игрушечных почестей, внимательных чиновников и ожидания. Отъезд был скорее поспешным, чем достойным.

В день отплытия я на простой машине поехал в гавань с мистером Штукером и моим адвокатом. Там мы как можно быстрее и незаметнее пересели в маленькую весельную лодку. Этой операции мешало количество нашего багажа, в который входили два больших чемодана, набитых всеми моими деньгами, а также деньгами и ценными бумагами брата Николая, деревянная шкатулка, наполненная драгоценностями моей невестки, которая вызывала у меня большие опасения, так как ее дно вываливалось, и я так и представлял, как диадемы и нити жемчуга выпадают и катятся вдоль набережной; кроме того, была корзина с ее любимым белым персидским котом.

Это был нервный момент, потому что, пока мы не покинули пристань, я боялся, что некоторые из портовых служащих узнают нас и задержат, но, к счастью, их внимание было сосредоточено на большом пассажирском катере, который

как раз в это время высаживал пассажиров, и наше маленькое судно прошло незамеченным, хотя кот чуть не погубил нас. Напуганный, не чувствуя под ногами твердой почвы, он начал истошно мяукать как раз в тот момент, когда мы готовились сесть в лодку. Я поспешно огляделся и, к своему ужасу, увидел заинтересованные взгляды, обращенные в нашу сторону. Я испугался, что через мгновение игра будет проиграна, и злобно ударил по корзине, но от этого стало только хуже, потому что пронзительные вопли стали еще громче.

— Ради бога, возьмите его, — прошипел я мистеру Штукеру, но он отчаянно боролся с одним из чемоданов, который выбрал неподходящий момент, чтобы лопнуть и рассыпать содержимое по набережной. Я краем глаза увидел, как он торопливо засовывал пакеты с деньгами и акциями, пока я пытался успокоить кота.

Но в конце концов мы уселись и поплыли к итальянскому пароходу. Там мы обнаружили, что наши приключения еще не закончились, а самое худшее только впереди. Навверху трапа стоял часовой-грек с приказом проверять все паспорта. Сердце оборвалось, когда я увидел его, потому что я вспомнил слова моего знакомого. Значит, они собирались задержать меня в последний момент! В любом случае я решил рискнуть. Так что побежал по ступеням и, вместо того чтобы остановиться, когда часовой преградил мне путь, нанес ему сильный удар в живот, который согнул его пополам. Затем, прежде чем он успел прийти в себя, я проскочил мимо него и бросился в свою каюту. Оказавшись там, я был в безопасности, потому что формально находился на итальянской территории и у него больше не было полномочий арестовать меня. Он был настолько потрясен этим поворотом событий, что позволил мистеру Штукеру взять весь багаж на борт, даже не заглянув в его паспорт!

Корабль заходил на Корфу, но мне не разрешили сойти на берег, поэтому бедная принцесса Алиса, которая к этому времени совсем обезумела от беспокойства, поднялась

на борт, чтобы узнать о своем супруге. Она прочитала правду на моем лице, но она была храброй женщиной и не теряла надежды. Не обращая внимания на опасность, она отправилась прямо в Афины и оставалась с мужем на протяжении всего его испытания.

Тем временем я высадился в Бриндизи, переночевал там в отеле и на следующий день отправился в Палермо. Если в пути не было волнения, это, конечно, не вина кота, потому что он делал все возможное, чтобы взбодрить меня и моих спутников.

Он начал с того, что за четверть часа до отправления моего поезда вырвался из корзины в отеле и устроил игру в прятки со мной и всем персоналом, бегая вверх и вниз по лестнице и через лабиринт коридоров. В конце концов он нашелся в спальне пожилой английской старой девы, которая нервно боялась кошек и пронзительно кричала, пока официант вытаскивал кота из-под ее кровати. После того как его вернули в корзину и закрыли крышку, я бросился на станцию и сел на поезд за минуту до его отправления.

В экспрессе не было спального вагона, но у нас со Штукером было отдельное купе, и после того, как вокруг нас были расставлены все вещи, мы устроились. Но не спать! Всю дорогу от Бриндизи до Палермо в моей голове были только две мысли — кот и шкатулка с драгоценностями Елены. Кот в своем одиночном заключении так истошно орал, что проходящие по коридору пассажиры бросали в нашу сторону взгляды, полные жалости и негодования. С другой стороны, я не осмелился выпустить его на волю, помня о его прежнем броске на свободу. Каждые несколько часов, повинаясь советам моей невестки, я прогуливал его по перрону на прочном поводке, прикрепленном к его ошейнику, но эти меры предосторожности не имели никакого успеха. Единственным их эффектом было то, что несчастное животное еще больше нервничало, и я был более чем рад вернуться с ним в купе, как и с лопнувшей шкатулкой с драгоценностями принцессы, которую я не осмеливался выпустить из рук.

Наконец кот перехитрил меня и забрался под сиденье, откуда отказывался вылезать, пока не был вытащен задом наперед, весь в копоти от ушей до хвоста. Увидев его, принцесса Елена в негодовании воскликнула:

— Христо, что ты сделал с бедняжкой?

Я горячо возразил:

— Это не обычный кот. Это сущий дьявол!

Он, безусловно, пытался подтвердить мою теорию, поскольку его первым действием по прибытии в отель «Вилла Иджеа», где остановились король Константин и несколько членов его семьи, было нападение на старого беспородного кота королевы Софии. Я принимал ванну, когда услышал на террасе рычание, визг и шипение, и, выглянув в окно, увидел два разъяренных шара — один грязно-белый, другой серый, кружащиеся посреди облака пыли и летающего меха. Брат Николай бегал вокруг них, пытаясь разнять их крохотным кувшинчиком воды, взятым с подноса для завтрака, а монахиня из монастыря Голубых сестер, с развевающейся вуалью и одеяниями, бросалась в драку с двумя зонтиками, которые она схватила со стула. Наконец, брат метким ударом ноги отправил одного кота в розовый куст, а другого — на апельсиновое дерево, где они долго просидели, зализывая свои раны. Видимо, честь была удовлетворена первой кровью, ибо больше они не пытались повторить бой и относились друг к другу с высокомерным равнодушием.

Я провел десять дней в тишине солнечного Палермо. Итальянцы были сама доброта, делали все, чтобы смягчить ощущение, что мы изгнанники. Это очень отличалось от тех несчастных лет в Швейцарии, когда вся Европа ополчилась против нас, но младшие члены семьи были вполне счастливы.

Меня поразила перемена в короле Константине. Казалось, за последние несколько месяцев он постарел на много лет. Он не потерял чувство юмора, смеялся и принимал участие во всем, что происходило вокруг, но был словно привидение среди живых. Его сердце было разбито.

Когда я уезжал, он спустился со мной на пристань. Я оглянулся и увидел высокую фигуру с военной выправкой, одиноко стоящую при свете заходящего солнца и машущую мне рукой, и вдруг перед моими глазами поднялся туман, а у меня было странное предчувствие, что я больше никогда не увижу своего брата.

Я отправился в Париж, где встретил мать и сестру Минни, измученных тревогой за Андрея, так называемый суд над которым как раз подходил к концу. День за днем мы ждали новостей в агонии неизвестности. Журналисты осаждали нас каждый час, требуя интервью. Они даже пытались проникнуть в наш номер в «Ритце», и мне приходилось прятаться каждый раз, когда открывалась дверь. Тогда я изменил свою тактику, сказав им, что они, вероятно, узнают новости раньше, чем я, и попросил их сообщить мне, когда они что-нибудь узнают.

Суд закончился в субботу. Всю ночь мы просидели в ожидании известия о приговоре, но оно так и не пришло. На следующее утро мать, изможденная и осунувшаяся, отправилась в русскую церковь помолиться.

В десять часов зазвонил телефон. У меня так тряслись руки, что я едва мог поднять трубку. Это был репортер из «Нью-Йорк Геральд».

— Ваш брат приговорен к ссылке, а не к расстрелу, — сказал он мне.

Мы с сестрой тотчас же помчались в церковь. Мать как раз выходила. Краска схлынула с ее лица, когда она увидела нас, и ее рука поднеслась к сердцу.

— Он в безопасности, в безопасности. Все в порядке, — крикнули мы. Она повернулась к церкви, перекрестилась и расплакалась...

ГЛАВА XII

РУМУНСКИЙ БРАК. — РАЗВОД. — ВТОРОЙ РУМУНСКИЙ БРАК. — ВТОРОЙ РАЗВОД

Когда мы были в изгнании, начался роман, которому суждено было стать одним из самых трагических в XX столетии. В 1920 году моя племянница, принцесса Елена Греческая¹, обручилась с принцем Каролом Румынским². С тех пор она познала такие страдания, какие выпадали на долю немногих женщин. И последняя глава этой истории еще не написана.

Принцесса была прекрасна, быть может, она была самой красивой принцессой в Европе. Впрочем, она и сейчас прекрасна, даже после многих лет печали, в ней живет какая-то светлая доброта, радостная и прекрасная жизненная сила, которая очаровывает каждого, кто с ней встречается. Ее отец, король Константин, обожал ее с младенчества и позже, когда она стала старше, часто брал ее с собой в поездки по провинции, вместе с ее гувернанткой, англичанкой мисс Николс, в качестве компаньонки. Где бы они ни были, крестьяне были готовы поклоняться ей, когда она была среди них, разговаривала с ними, узнавала их обычаи, интересовалась их жизнью. Она была полна любви к Греции и ее народу.

---

¹ Елена Греческая и Датская (1896–1982) — дочь короля Греции Константина I и Софии Прусской, супруга румынского наследного принца Кароля, мать короля Михая I (1927–1930, 1940–1947).

² Кароль II Гогенцоллерн-Зигмаринген (1893–1953), сын короля Фердинанда I (1914–1927) и Марии Эдинбургской (1875–1938), король Румынии в 1930–1940 годах.

Когда мы все отправились в изгнание, она с той же нежностью и кротостью приспособилась к изменившимся обстоятельствам, ничто не могло отнять у нее того дара радостной жизненной силы, который не давал ей грустить. Принц Кароль навещал в Швейцарии своего отца, когда впервые увидел ее, и в конце концов влюбился. Через несколько недель объявили об их помолвке, и в начале следующего года состоялась свадьба. Никто не мог представить, что брак, которому, казалось, суждено стать счастливым, мог оказаться столь несчастным.

Кароль Румынский обладал очарованием, которое прекрасная темпераментная королева Мария передала всем своим детям, в сочетании с огромной силой личности. Еще в ранние года он проявлял вспышки своеволия, с которыми не могли справиться его родители, а степенные члены кабинета министров мрачно качали головами над его юношеской дикостью. Тем не менее их опасения не оправдались, поскольку он добился выдающихся успехов в качестве правителя, несмотря на то что взошел на трон в период больших трудностей. В наши демократические дни он практически единственный король, которого и боятся, и уважают в его стране¹.

Он чрезвычайно умен и, безусловно, самый образованный монарх в Европе. Вряд ли найдется серьезная книга на каком-либо языке, которую он не читал. Он разбирается в итальянском искусстве и греческих руинах больше, чем любой путеводитель. Ни один король никогда не работал усерднее и не правил более добросовестно. Но ни один муж никогда не обращался со своей женой хуже, чем он.

Брак, который так удачно начался, потерпел крах в тот день, когда принц Кароль встретил миссис Лупеску². Это

---

¹ Мемуары опубликованы в 1938 году.

² Магда Лупеску (урожденная Елена Лупеску; 1899–1977), позднее принцесса Елена Румынская — дочь простого аптекаря, любовница и впоследствии жена (с 1926 года) Кароля II.

была одна из тех привязанностей, которые случаются только раз в столетие. Те, кто верит в реинкарнацию, объясняют это теорией, согласно которой каждая человеческая душа имеет свое дополнение и что наша любовь идет с нами от одного воплощения к другому, не сдерживаемая никакими различиями в ранге или обстоятельствах. Быть может, так оно и есть. Не вижу повода сомневаться в этом.

Для всего мира мадам Лупеску всего лишь маленькая рыжеволосая еврейка, некрасивая ни в каком смысле этого слова, лишенная какой-либо внешней привлекательности. В Бухаресте она вела жизнь более или менее полную приключений, пока не встретила наследного принца, и в этот момент взошла ее звезда. На долгие года она завладела сердцем Кароля. Из-за нее он поссорился с отцом, отказался от прав на престол и стал бездомным изгнанником.

В первые дни их любви двор предполагал, что это всего лишь мимолетное увлечение. Наследный принц уже влюблялся, и полагали, что, вероятно, влюбится снова. Вспоминали его юношеские выходки, тайный брак с мадам Зизи Ламбрино¹ и то, как он отправился с ней в изгнание, но вскоре ему надоело бунтовать и он вернулся. Брак был расторгнут, его бывшая жена покинула страну, получив солидную пенсию, и вся эта история забылась. Полагали, что и эта очередная связь со временем завершится.

Но время шло, а влияние мадам Лупеску не только не ослабевало, но даже усиливалось. Когда умерла королева Александра и наследный принц отправился в Англию, чтобы присутствовать на ее похоронах, многие заметили, что он выглядел слишком счастливым и взволнованным, что едва ли было уместно для такого печального события, но вскоре

---

¹ Жоанна «Зизи» Ламбрино (1898–1953) — дочь полковника (впоследствии генерала) румынской армии Константина Ламбрино, первая жена (1918–1919) наследника румынского престола Кароля (впоследствии Кароля II). В этом браке родился Кароль Ламбрино (1920–2006), не признанный королевской семьей.

выяснилось, что мадам Лупеску ускользнула из страны и встретила с ним в Италии.

Король Фердинанд бушевал от негодования, королева Мария плакала. Собирались оживленные министерские заседания. Письма летали туда-сюда, словно птицы, царапали сердитые перьевые ручки, гудели телефонные провода, но все было напрасно.

В конце концов король при поддержке министров поставил ультиматум: кронпринц расстанется с госпожой Лупеску и вернется в Румынию, в противном случае он должен будет отказаться от трона. Он даже не колебался и подчинился.

Так влюбленные стали изгоями, скитаясь по Европе. Они ездили из Берлина в Париж, из Парижа в Лондон, постоянно вызывая смущение у дипломатов и тревогу у полиции, приставленной для их защиты. Их жизни постоянно угрожали, им часто не хватало денег, но это не имело значения. Они были полностью поглощены друг другом.

Тем временем принцесса Елена тихо жила в Бухаресте со своим маленьким сыном, принцем Михаем, нынешним наследником престола, и у всех вызвала симпатию. С самого начала романа она проявляла величайший такт и понимание, и, несмотря на благонамеренные советы друзей и родственников, ее верность мужу никогда не поколебалась. Много раз она защищала его перед королем Фердинандом, который был предан ей и очень ценил ее суждения. Ее сдержанность и верность снискали ей восхищение всей страны, и через некоторое время у нее появилось огромное количество поклонников. Если бы она опустилась до интриг против принца Кароля, то у нее на руках были все козыри, потому что время шло и он становился все более непопулярным в стране, но она была слишком откровенна и честна, чтобы даже задумываться о подобном. С мужеством и достоинством она терпела все унижения от принца Кароля и его поведение по отношению к ней, пытаясь сосредоточить свою жизнь вокруг сына. Министры неоднократно

убеждали ее развестись с мужем, но она упорно отказывалась сделать это, как ради сына, так и потому, что была убеждена, что рано или поздно Кароль вернется.

Преодолев свою гордость, она предприняла множество попыток примирения, но принц Кароль даже не рассматривал этот вопрос. Неоднократно пытались договориться о встрече между ними, но все безуспешно. Шли года, а решения проблемы, казалось, не было. В конце концов министры убедили принцессу Елену развестись с мужем¹.

Вскоре после этого король Фердинанд умер, и маленького принца Михая провозгласили королем, а регентство должны были обеспечить его дядя, принц Николай, архиепископ Румынии и премьер-министр². Но военная партия решительно выступала за возвращение принца Кароля, и ее заигрывания с ним завершились сенсационным переворотом, в результате которого он вернул себе корону³. Проявив мужество и решимость, которых ему никогда не хватало, он сел в самолет и безо всякой военной поддержки вылетел в Румынию, где он мог опереться лишь на незначительное число сторонников. Там он встал во главе армии и вырвал трон у своего сына.

Положение принцессы Елены в Бухаресте, которое и раньше было трудным, теперь стало просто невыносимым. Хотя она все еще была готова согласиться на примирение ради королевства и своего сына, король Кароль не согласился на это. Он явился в ее дом в Бухаресте, поздоровался, как со случайной знакомой, и сообщил ей о своих намерениях.

---

¹ Брак был официально расторгнут 21 июня 1928 года уже после смерти Фердинанда I и вступления на престол (20 июля 1927 года) 6-летнего Михая.

² Мемуарист допускает неточность: в состав регентского совета входил второй сын Фердинанда I принц Николай (1903–1978), патриарх Всея Румынии Мирон (1868–1939) и председатель Верховного суда Георге Буздуган (1867–1929).

³ 8 июня 1930 года.

Она могла, если бы захотела, остаться в Румынии, но в таком случае она была бы устранена от двора, не должна была признаваться королевой, а титуловаться как «Ее Величество Елена». Она отказалась пойти на эти уступки и осталась в истории Принцессой Еленой Румынской. Через несколько недель она покинула страну.

С тех пор ей приходится бороться за свои права. Насколько мужественно она это делает, могут сказать только те, кто хорошо ее знает. Она была безупречной матерью, но у нее безжалостно забрали сына, когда он был маленьким ребенком, и с тех пор не пускали к нему. Сейчас он подросток, но почти не знает свою мать, потому что ему разрешается проводить с ней только два коротких месяца в году, и даже они омрачены постоянным присутствием воспитателей, назначенных шпионить за ним.

Несколько лет назад принц был очень болен, и принцесса Елена, обезумев от беспокойства, телеграфировала королю, прося разрешения приехать в Бухарест. Ответа не было, поэтому она взяла дело в свои руки и приехала сама. Она пересекла границу, но ее заставили выйти из поезда на станции перед Бухарестом и сесть в автомобиль с закрытым кузовом, который повез ее в город.

Ей заявили, что король отказал ей в разрешении увидеться с сыном, который находился в Синая¹. В отчаянии она пошла к своей невестке, королеве Греции Елизавете², которая тогда жила в Бухаресте, и умоляла ее о помощи.

Королева Елизавета, чуткая и сердечная, всегда была ее подругой. Теперь она преданно бросилась в бой и, после бурной сцены с братом, сумела заставить его отменить свои приказы. Принцессе Елене неохотно разрешили провести

---

¹ Город в Румынии, ныне известный горнолыжный курорт. С 1883 года там находилась летняя королевская резиденция — замок Пелеш. В Пелеше в 1893 году родился и сам Кароль II.

² Елизавета Румынская, Гогенцоллерн-Зигмаринген (1894–1956) — жена короля эллинов Георга II (1922–1924).

несколько дней с сыном и убедиться, что он идет на поправку, прежде чем покинуть страну. Она оставила его на попечение старой английской няни, которая много лет жила в ее семье и заботилась о ней, ее братьях и сестрах все их детство.

Вести о возвращении Елены в Румынию просочились в народ, и на многих маленьких станциях, которые она проезжала, собирались толпы людей, чтобы поприветствовать свою любимую юную принцессу, чьи горести только еще больше расположили к ней народ. Они ждали ее на границе с цветами и плакали, прощаясь с ней.

Это было несколько лет назад, но ситуация до сих пор не изменилась. Король Кароль упорно отказывается оставить миссис Лупеску. Снова и снова он и его министры заходят из-за этого в тупик. Вся страна жаждет примирения между ним и его супругой, ибо у принцессы Елены много сторонников, но при нынешнем положении дел в стране примирение невозможно. Как и король, мадам Лупеску относится к своим врагам с абсолютным равнодушием. В течение многих лет она проявляла храбрость, достойную его. Она получает много писем с угрозами ее жизни, но все их игнорирует. Она знает, что в Бухаресте есть тайные общества, члены которых поклялись убить ее, и все же она ходит по улицам одна.

Рассказывают, что недавно одному молодому офицеру удалось проникнуть в ее дом. Войдя в комнату, где она сидела, он выхватил револьвер и тщательно прицелился в нее. Но она только презрительно рассмеялась, пересекла комнату и спокойно обезоружила его.

Все меры, предпринятые, чтобы разлучить ее с королем, потерпели крах. На короля пытались оказать давление члены его семьи и многие другие круги, но тщетно.

Тем временем принцесса Елена тихо живет во Флоренции, лишённая положений, принадлежащего ей по праву. Она все еще молода и красива, но ее жизнь разрушена. А Румыния лишилась такой прекрасной королевы.

* * *

Я был в Бухаресте в 1922 году, после замужества моей племянницы. Считаю, что за последние несколько лет город стал значительно лучше, но в то время он показался мне похожим на потемкинскую деревню. Главные улицы были в порядке, но все остальное представляло собой скопление неопрятных домов и пустырей. Даже дворец был настолько старым и неудобным, что использовался только для балов и государственных приемов, а король Фердинанд и королева Мария предпочитали жить за городом. Такое положение полностью удовлетворяло королеву, которая всегда ненавидела старый дворец с тех пор, как ее привезли туда в качестве невесты. Ее угнетали холодные комнаты с безобразной мебелью, которую ей не разрешал менять свекор, а зимой она сидела, дрожа от сквозняков.

Королева Румынии Мария время от времени появлялась и исчезала в моей жизни с тех пор, как я впервые встретил ее в России в 1908 году. В те дни она была так прекрасна, что казалась сказочной принцессой. На самом деле она была и остается принцессой, живущей в собственном сказочном мире. Именно эта неспособность приспособливаться к реалиям стала источником всех ее несчастий и, безусловно, причиной того, что многие люди ее недооценивали. Ее частная жизнь была чередой завоеваний, поскольку с тех пор, как ей исполнилось семнадцать, почти каждый мужчина, которого она встречала, влюблялся в нее. Ее путь как королевы не был таким гладким.

Она чрезвычайно талантлива, замечательно рисует, является отличным декоратором и обладает большим талантом к садоводству. У нее много резиденций, построенных в самых неожиданных местах, и в каждой из них она создала сад, в котором приятно гулять и любоваться. Ее оригинальность проявляется в выборе жилищ, ведь они всегда расположены в самых отдаленных и труднодоступных местах. Одна из ее любимых резиденций — Бран, красивый

замок среди холмов, расположенный прямо на вершине скалы, с отвесным уступом в девяносто футов под ним. Еще есть Балчик, где я часто гостил. Он построен в татарском стиле, как раз у самой кромки Черного моря. Она сама спроектировала его покатую турецкую крышу и минарет, которые вызвали ужас у мусульманских жителей страны. Это и то, что она появлялась среди них в турецких шароварах, печально потрясло их воображение! Они сплетничали о ней, как всегда сплетничали о ней люди, когда она посещала сельские базары. Ни об одной королеве никогда не говорили более безжалостно. Ее грация и ее золотое сердце послужили причиной ее гибели. Слишком добродушная, чтобы мыслить критически, она попадала под влияние людей, которые использовали ее.

Ее поездка по Америке с Лои Фуллер¹ вызвала шквал скандалов, хотя она отправилась с самыми лучшими намерениями — собрать деньги для своей страны. Ей просто не приходило в голову, что другие могут узреть в этом иные мотивы². Она добросовестно взялась за дело и ушла в него с головой, проявляя свою обычную тягу к наслаждениям, которая превращала ее жизнь в радостное приключение. Вначале все шло по плану, она выступала с речами в разных городах, посещала обеды и приемы в свою честь и собирала тысячи долларов. Затем ей стали известны некоторые факты, и результатом стала ссора с организаторами, закончившаяся тем, что Лои Фуллер покинула свой вагон где-то на полпути и вернулась в Нью-Йорк.

Американская пресса подняла истерику. Имя мисс Фуллер появлялось в пламенных заголовках: «Девушка, кото-

---

1 Лои Фуллер (1862–1928) — американская актриса и танцовщица, основоположница танца модерн.

2 Намек на лесбийские наклонности Фуллер, которая открыто жила с Габриэль Блок (известна как Габ Сорер, 1898–1928) — французской постановщицей, хореографом и промоутером. Вопреки слухам, королеву Марию и Фуллер связывала дружба.

рая вернулась после поездки на поезде», — и все это дело породило ряд абсолютно необоснованных нападок на бедную королеву Марию. Ей пришлось вернуться в Румынию из-за тяжелой болезни короля, закончившейся смертью.

Дочь королевы Марии, принцесса Елизавета, вышедшая замуж за моего племянника, короля Греции Георга II, унаследовала красоту матери и многие ее таланты. Она искусно вышивает, рисует акварелью как профессиональный художник, очаровательно поет и является одним из лучших кулинаров, которых я когда-либо встречал. Когда она с мужем жила в изгнании в своем доме в Бухаресте, то готовила самые вкусные блюда, многие из которых придумывала их сама. Но и этот брак не заладился, и теперь они в разводе¹.

Один из самых романтических браков в греческой королевской семье был заключен покойным королем Александром, который женился, как и все мы, исключительно по любви. Возможно, счастье, которое он обрел со своей женой-гречанкой, было некоторой компенсацией за жизнь, полную разочарований и унижений, но с политической точки зрения этот брак породил новые осложнения и новые проблемы, которые необходимо было разрешить.

Мисс Манос² была простолюдинкой, дочерью адъютанта короля Константина. Она была изысканно красива, с профилем, словно у одной из оживших нимф на классическом греческом фризе. Король Александр дружил с ней с детства, и с годами их дружба переросла в любовь.

---

¹ Пара развелась 6 июля 1935 года.

² Аспасия Манос (1896–1972) — дочь полковника Петроса Маноса (1871–1918) и его первой жены Марии Аргиропулос (1874–1930). Супруга (1919–1922) короля эллинов Александра I. С 1922 года признана в качестве принцессы Греческой и Датской. Аспасия Манос и ее дочь Александра (супруга югославского короля Петра II Карагеоргиевича) были единственными членами королевского дома Греции греческого же происхождения.

Однажды поздно ночью в ноябре 1919 года священника, жившего в скромном квартале Афин, разбудили громким стуком в дверь. Спустившись вниз, он встретил двух мужчин, которые сказали ему, что срочно необходимы его услуги. Они отказались сообщить ему какие-либо подробности и практически силой затолкали в машину, которая ждала у дверей. При этом его отвезли в частный дом, где отвели в комнату, в которой было несколько человек. Через несколько минут вошли король Александр и мадемуазель Манос, и священнику сообщили, что за ним послали, чтобы провести церемонию бракосочетания.

Когда тайна раскрылась, случился переполох. Во-первых, король женился, не испросив согласия ни своего отца, ни главы церкви, и, помимо этого, брак сам по себе был крайне непопулярен в Греции. Народ был в ярости. Какими бы демократичными и нетрадиционными ни были греки, они очень гордились своей династией. Много лет назад они привезли моего отца из Дании, потому что не хотели выбирать короля из своей среды. Они в равной степени были полны решимости не допустить, чтобы на троне оказалась дочь простолюдина их собственной нации. Чувства накалились до такой степени, что мисс Манос пришлось покинуть Афины.

Наконец, после долгих дебатов, было решено, что брак следует признать законным, но жена короля не получит титул и какие-либо привилегии королевы. Она должна была быть известна просто как мадам Манос. Однако родившейся у нее дочери был дарован титул Ее Королевского Высочества принцессы Александры Греческой.

После смерти короля Александра его вдова остро чувствовала свое положение, но не предпринимала никаких попыток изменить этот статус. Министры даже не стали бы рассматривать этот вопрос.

Но через несколько лет после того, как король Георг II взошел на трон, я встретил мадам Манос в Сорренто, и она умоляла меня сделать что-нибудь для нее, указывая на

унижение — иметь дочь, которая была Королевским Высочеством, в то время как сама она не имела ни титула, ни даже положения при дворе.

Я ничего не мог сделать, но решил передать горестный рассказ Аспасии королеве Софии. Моя невестка так и не оправилась от шока, вызванного смертью сына, она не отказалась бы от просьбы, исходившей от женщины, которая скрасила последние годы жизни ее сына. Я пошел к ней и все ей изложил. Как я и думал, она посочувствовала и была готова помочь, но не знала, как это сделать.

— Она могла бы получить титул принцессы, — решила она наконец. — Но как же все-таки я объявлю это двору, ума не приложу. Боюсь, они никогда с этим не смирятся.

— Им придется смириться, если это сделаете вы, — ответил я.

Итак, бедная королева София, собрала всю свою решимость и объявила, что отныне вдова ее сына будет титуловаться принцессой¹. Как она и предполагала, это известие восприняли в штыки, и в течение нескольких дней всякий раз, когда упоминалась эта тема, на нее бросали косые взгляды.

Но дело было сделано. Некоторое время спустя я был на ревию в Каннах и, к своему удивлению, обнаружил, что одна из выступающих там девушек, была представлена как «мадемуазель Манос — сестра экс-королевы Греции».

---

¹ Мемуарист ошибается: Аспасии был дарован титул принцессы Греческой и Датской еще королем Константином I 10 сентября 1922 года.

ГЛАВА XIII

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В США. — СМЕРТЬ КОРОЛЯ КОНСТАНТИНА. — СМЕРТЬ МОЕЙ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ

Приехать в Америку из Европы — это как найти свежую зеленую ветку в букете увядающих оранжерейных цветов. Она так полна сока, молодости, жизненной силы, обладает тонизирующим эффектом холодного душа в жаркий день. Даже воздух бодрит, словно шампанское. Это единственная известная мне страна, где вы можете напряженно трудиться, лечь спать в любое время ночи и проснуться на следующее утро свежим, как маргаритка. Должен признаться, что являюсь убежденным поклонником Америки и американцев, и ничто не радует меня больше, чем когда меня принимают за одного из них. Мне нравится абсолютная независимость другой стороны Атлантики, ее свобода от обмана. Даже ее грубость, так как она происходит от повышенного интереса к жизни, что контрастирует с остальным миром, который имеет тенденцию становиться все более изнеженным и сухим по мере того, как стареет.

Зимой 1922 года я впервые побывал в Соединенных Штатах, это было через несколько недель после изгнания брата Андрея из Греции. Той осенью мы присутствовали на свадьбе сына моей жены, Уильяма Б. Лидса-младшего, и моей племянницы Ксении, дочери сестры Марии¹, в Па-

---

¹ Ксения Георгиевна (1903–1965) — младшая дочь Великого князя Георгия Михайловича и Великой княгини Марии Георгиевны, урожденной принцессы Греческой и Датской. Ее брак с Уильямом Лидсом (1902–1971) продлился с 1921

риже. Мы сделали все возможное, чтобы убедить их отложить свадьбу до тех пор, пока они не станут старше, но они и слышать нас не желали.

В детстве они вместе играли, когда миссис Лидс жила в Кенвуде и приглашала мою сестру погостить у нее и взять с собой двух дочерей. Затем Уильяма Лидса отправили учиться в Швейцарию, и их пути разошлись до осени 1921 года, когда моя жена заболела и ей пришлось перенести очень серьезную операцию в Афинах.

Об этом сообщили ее сыну, и он приехал из Америки. Он остановился у нас в доме брата Николая и возобновил дружбу с Ксенией. Никто из нас не понимал, что происходит, пока однажды лунной ночью Уильям не одолжил мою машину, чтобы покататься. Сейчас молодые люди часто катаются в одиночестве при лунном свете, но я слегка встревожился, когда узнал, что он взял с собой Ксению.

Я отправился на покерную вечеринку. Около часа ночи нашу игру потревожил громкий стук в дверь, и вскоре вошел лакей с сообщением, что меня хотят видеть леди и джентльмен, не назвавшие своих имен. Я догадался, что это были Уильям и Ксения, и моей первой мыслью было, что они, вероятно, разбили машину и пришли, чтобы деликатно сообщить мне эту новость. Но, выйдя к входной двери, я застал их обоих сидящими в машине с сияющими лицами...

— Мы помолвлены и хотим, чтобы ты был первым, кто нас поздравил, — сказали они.

В обеих семьях воцарилось волнение. Уильяму исполнилось восемнадцать лет, Ксения была на два года моложе. Мы все по отдельности и вместе уверяли их, что они слишком молоды, чтобы задумываться о браке. Но они только отметали наши возражения и, наконец, пригрозили сбежать и отказаться от церемонии бракосочетания.

Обе матери, моя жена и сестра Мария, сдались первыми.

по 1930 год. Вторым мужем был американский коммерсант Герман Джад (1911–1987).

— Если они так к этому относятся, какой смысл им противодействовать? — философски рассудили они. — Они так молоды, что, вероятно, это не продлится долго. Но все же мы должны позволить им попробовать, иначе они всегда будут обвинять нас в том, что мы испортили им жизнь.

В результате в одно октябрьское утро мы все вместе провожали их сначала в американскую церковь, а потом в русскую и были свидетелями того, как они стали мужем и женой.

В декабре мы с женой и леди Сарой Уилсон¹ отплыли в Нью-Йорк. Путешествие было настолько трудным, что проходило среди омытых волнами палуб и страдающих от морской болезни пассажиров, не оставляя никакого связанного впечатления, пока внезапно мы не оказались в гавани, где нашу каюту начали осаждать полчища из пятидесяти телерепортеров. Никогда в жизни мне не задавали столько вопросов, однако я ответил на них как мог, в конце концов мы сошли на берег и прошли таможеню.

Но и тогда репортеры не оставили нас в покое, двое из них последовали за нами в отель и поднялись вместе с нами в номер. Это было во времена Сухого закона, и я добился явного триумфа, когда достал свою серебряную фляжку с виски, которую я наполнил еще на корабле. К тому времени, как мы втроем ее опустошили, мы стали хорошими друзьями и являемся ими по сей день. Между прочим, хотя я столько слышал о беззакониях американской прессы, мне никогда не доводилось видеть от нее ничего, кроме доброты. Я всегда считал репортеров самыми дружелюбными и человечными людьми, и они оказали мне много услуг.

23 декабря мы приехали в Нью-Йорк и на следующий день отправились к сестре моей жены, миссис Хендерсон

---

¹ Леди Сара Уилсон (урожденная Спенсер-Черчилль; 1865–1929) — младшая из 11 детей Джона Спенсера-Черчилля, седьмого герцога Мальборо (1822–1883) и его жены Леди Фрэнсис Уэйн (1822–1899), дочери третьего маркиза Лондондерри. Первая (с 1899 года) женщина — военный корреспондент.

Грин, у которой был восхитительный дом в колониальном стиле в Нью-Джерси. Мое первое американское Рождество было настоящим старомодным праздником, который, как мне казалось, существовал только на страницах Диккенса — со снегом, покрывающим деревья в парке, святочным поленом¹ и гигантской рождественской елкой, нагруженной подарками для всех.

Когда мы вернулись, в Нью-Йорке тоже лежал толстый слой снега, и холод напомнил мне зимы в России. Был сильный мороз, и тротуар перед гостиницей «Амбассадор», где мы остановились, был словно стекло, когда я отправился осмотреть город. Не обращая внимания на предупреждение привратника «ходить осторожно», я довольно бодро двинулся вперед и успешно преодолел скользкие ступени отеля. Но, пройдя несколько ярдов, я поставил пятку на небольшой предательский кусок льда и тотчас же начал крутить в воздухе пируэты. Затем, вместо ожидаемого падения, две сильные руки крепко схватили меня за плечи, и я услышал изящный ирландский акцент:

— Подождите, пожалуйста, пока я поставлю вас на ноги.

И через секунду я выпрямился, глядя в веселые голубые глаза полицейского, огромного светловолосого великана ростом не ниже шести футов четырех дюймов. Я поблагодарил его за своевременную помощь и, поболтав несколько минут, отправился дальше.

Он все еще был на своем посту, когда я вернулся через час, и дружески меня поприветствовал. Затем он тоже наступил пяткой на тот же самый кусок льда, с трудом удержал равновесие и начал делать в воздухе причудливые движения, как это делал я ранее. Я поспешил на помощь, но увы! Я не был ни таким высоким, ни таким сильным, как он, и мы вместе рухнули на землю, к радости зрителей. Мы оба встали,

---

¹ Большое полено, сжигаемое в святки. Дало название и шоколадному торту в виде бревна — традиционному рождественскому угощению.

отряхнули одежду от снега и после этого подружились. Ни одно утро не проходило без хотя бы одного разговора. Он не моргнув глазом смотрел, как я вхожу и выхожу из своего любимого спик-изи¹, который был как раз напротив. Однажды, заметив, что я возвращаюсь оттуда с пакетом, упаковка которого лишь слегка скрывала очертания двух бутылок виски, он лукаво подмигнул:

— Надеюсь, сегодня вечером вы выпьете за мое здоровье!

Я уже привык крадучись спускаться по ступеням в подвалы за напитками, стучать положенное количество раз в закрытые двери и расписываться вымышленными именами в списках самых популярных баров. Но, хотя раздобыть спиртное было непросто, недостатка в выпивке не было, по крайней мере что касается нас, ибо добрые друзья, гордившиеся своим знакомством с самыми удачливыми бутлегерами, угощали нас вином и всевозможными напитками. Я посетил больше коктейльных вечеринок, чем когда-либо посещал в Европе, с той лишь разницей, что хозяин заверял нас, что все его напитки проверены. Я удивлялся этой предосторожности, пока на одной вечеринке не выпил коктейль из паленого алкоголя и не почувствовал себя ближе к смерти, чем когда-либо прежде или с тех пор.

Большая часть нашего двухмесячного пребывания в Соединенных Штатах той зимой прошла в одной длинной череде обедов, ужинов и танцев, во время которых я встречал разных людей, ожидающих, что я буду более или менее на виду. Я вполне привык к тому, что ко мне относятся скорее как к дикому зверьку, которого моя жена посадила в неволю. Я даже стал угадывать вопросы, которые мне неизменно задавали.

Жена забавлялась, наблюдая за моей реакцией на все это, потому что, хотя она и проводила много времени в Европе, все же обожала свою страну и показывала мне ее

---

¹ Магазин или бар, незаконно торговавший спиртными напитками во времена «Сухого закона» в США в 1920–1933 годах.

с большой гордостью. Она так часто рассказывала о своих американских друзьях, что я чувствовал, будто знал большинство из них задолго до нашей встречи, и все они встретили меня с распростертыми объятиями. Ни одна женщина не была так любима всеми, как она.

Через неделю после моего приезда вся колония греческих роялистов сплотилась вокруг меня. Я забыл, что Нью-Йорк — самая большая столица любой страны на свете, и был поражен не только количеством моих соотечественников, но и тем, что они расколоты на фракции так же, как и в Афинах. Если бы я захотел спрятаться там от греческой политики, у меня бы ничего не получилось. Пресса роялистов вела ожесточенные споры с прессой венизелистов, и первое, что я сделал, это оскорбил и тех, и других. Даже сейчас записываю историю с чувством вины.

Все началось с моего первого общения с газетчиками. Один репортер из газеты «Society», забрасывавший меня вопросами, спросил, как я оказался блондином.

— Вы выглядите абсолютно нордически, — настаивал он, — совершенно не похожи на грека.

Устав объяснять, что мой отец приехал из Дании, я решил, что на этот раз изменю ответ:

— А как, по-вашему, я должен выглядеть? Как маленький черный червяк? — спросил я.

На следующий день мое неудачное замечание, которое я сказал в шутку и никогда не собирался воспринимать всерьез, появилось в печати с отдельным заголовком и вполне естественно вызвало немало недовольства среди нью-йоркских греков. Более того, его подхватили все газеты венизелистов в Греции и дополнили ядовитыми комментариями по поводу того, как королевская семья относилась к своим подданным.

Одними из первых, с кем я познакомился в Штатах, были Уильям Рэндольф Херст и его жена¹, которые пришли

---

¹ Уильям Рэндольф Хёрст (1863–1951) — американский медиа-магнат, основатель холдинга «Хёрст Корпорейшн». Был женат на Миллисент Веронике Уилсон (1882–1974).

пообедать с нами в отеле «Амбассадор». Помнится, поначалу я подумал, что он довольно скучен и достаточно зауряден, за исключением его пронзительных голубых глаз и странного эффекта его высокого голоса, исходящего из такого огромного тела. Но вдруг посреди обеда он начал говорить о Греции, которая, очевидно, очень его интересовала, и тогда я не только отметил его необычайное понимание европейской политики, но и оценил его большой личный магнетизм.

Херст придерживался точки зрения, которая в то время была почти уникальной, хотя с тех пор и стала общепризнанной. Она заключалась в том, что Греция стала жертвой неумелой секретной службы союзников и что короля Константина безжалостно принесли в жертву планам Венизелоса и его соратникам по французской дипломатии. Приехав из Европы, где во многих кругах к моей семье все еще относились с явной холодностью, я был рад встретить человека, способного видеть обе стороны картины. С тех пор мы подружились, и я часто обедал в их красивом средневековом доме¹.

Некоторые из американских домов, где я бывал, стали для меня откровением. Даже в императорских дворцах России я не встречал более прекрасных коллекций старинных картин, гобеленов и антикварной мебели.

Дом Джорджа Блюменталья² в Нью-Йорке, с его чудесной коллекцией церковных художественных ценностей, которую он собрал со всех концов света, показался мне фантастическим музеем. Куда ни посмотри, везде висели замечательные картины, многие из которых были из известных итальянских галерей, прекрасные статуи Богородицы

---

¹ Имеется в виду «Хёрст-касл» — огромная усадьба Хёрстов на тихоокеанском побережье Калифорнии.

² Джордж Блументаль (1858–1941) — американский банкир и филантроп германского происхождения. Описанный выше дом Блюменталья в Нью-Йорке на 70-й улице был снесен в 1943 году.

и святых, изысканные распятия и миниатюры. Огромный зал, в котором он нас принял, изначально был двором старого испанского монастыря, а его крыша украшала испанский дворец во времена Фердинанда и Изабеллы. Перед Мадоннами горели свечи, специально расписанные узорами, скопированными со старых требников, воздух благоухал ладаном. Единственным модным штрихом была розовая вода, струившаяся из фонтана в центре зала. Оттуда мы переходили из одного зала в другой, в каждом из которых хранились еще более ценные сокровища, чем в предыдущем, пока не оказались в столовой. Она тоже была перенесена, на этот раз из нормандского коттеджа. На балконе висело огромное мрачное старинное распятие, с которого лик умирающего Христа печально смотрел на пирующих внизу.

Мы пробыли в Нью-Йорке всего несколько недель, когда я получил телеграмму, в которой сообщалось, что мой брат король Константин внезапно скончался в Палермо¹.

Итальянцы, которые были так гостеприимны к нему при жизни, позаботились о том, чтобы его последний путь был достойным короля. Герцогиня д'Аоста² и ее сын, герцог д'Апулья³, немедленно отправились к овдовевшей королеве Софии и с величайшей добротой и сочувствием взяли на себя все хлопоты. Гроб сначала доставили в Неаполь, где отслужили отпевание, а затем перенесли на место упокоения в крипту Русской церкви во Флоренции.

---

¹ 11 января 1923 года.

² Принцесса Елена Орлеанская, герцогиня д'Аоста (1871–1951) — дочь Луи-Филиппа, графа Парижского (1838–1894), претендента на французский престол от Орлеанской династии. Супруга двоюродного брата итальянского короля Виктора Эммануила III Эммануила Филиберта Савойского (1869–1931), герцога Аостского.

³ Амадей Савойский (1898–1942) — старший сын Елены Орлеанской и Эммануила Савойского, третий герцог Аостский (с 1931 года). Герцог Апулийский был его личным титулом («титлом уважения»).

Король Константин проехал по улицам Неаполя на лафете в сопровождении войск, как он и хотел. Это были не его собственные войска, не те, кого он вел к победе в Балканских войнах, но у смерти нет национальности, а есть только «славное общество храбрых», и поэтому царь-солдат, умерший в изгнании, был удостоен последних почестей от солдат приютившей его страны.

Мой брат Андрей и его супруга как раз направлялись к нам в Соединенные Штаты, когда получили по корабельному телеграфу известие о смерти короля Константина. Это омрачило радость нашей встречи.

Различные греческие фракции в Нью-Йорке восприняли известие со смешанными чувствами. Венизелистская пресса на этот раз промолчала. Роялисты открыто оплакивали короля и посещали поминальные службы по нему. Вся любовь, которая когда-то горела в сердцах его подданных, казалось, возродилась после его смерти, и мы видели много трогательных проявлений сочувствия.

Нас даже попросили присутствовать на поминальной службе в Монреале, проводимой тамошней греческой колонией, и одним холодным февральским утром мы с братом Андреем, его женой, а также мистером Штукером сели на поезд и отправились в Канаду. Моя жена была нездорова и не поехала с ними.

Нас встретили на вокзале с королевскими почестями, отель «Ритц», где мы остановились, был украшен флагами, и даже горничные выстроились в коридоре, словно почетный караул. Во время службы церковь была переполнена, а после нее мы позавтракали в гостинице, хотя и не могли насладиться завтраком, потому что каждые несколько минут нам приходилось принимать какую-нибудь делегацию, а затем следовали долгие паузы для речей и презентаций, пока еда на наших тарелках остывала. Никогда еще я не видел столько делегаций стариков, молодых женщин, детей, приносящих букеты. У моей невестки было так много цветов, что мы едва смогли их унести. Теплота и искренность

происходящего были очаровательны. Невозможно вообразить более добрых людей. Одна дама, которую нам представили, проехала пятьдесят миль только для того, чтобы одолжить нам свою машину. Поскольку она не говорила по-английски, а мы не могли понять ее канадско-французский язык, нам пришлось вести беседу с помощью переводчика. Она рассказала, что ее бабушка была гречанкой и что ее всегда так тянуло в эту страну, и она с интересом следила за ее судьбой.

После двух дней в Монреале и добросовестного осмотра достопримечательностей с сэром Мортимером и леди Дэвис, которые были там в то же время, мы вернулись в Нью-Йорк. В то время для нас не было и речи о развлечениях, поскольку все мы были в трауре, но мы посетили несколько главных городов Соединенных Штатов и встречались с разными людьми.

Мы побывали в Вашингтоне, познакомились с дипломатическим корпусом и посетили несколько неофициальных приемов, устроенных в нашу честь.

На одном из них меня познакомили с милой пожилой дамой, хозяйка представила меня как принца Христофора Греческого, услужливо добавив для сведения: «Сын короля Греции». Я сел на стул рядом с ней, и мы поговорили несколько минут. Вскоре она спросила меня, сильно ли отличаются греческие обычаи от американских... Я ответил, что многие из них очень отличаются.

— Должно быть, — сказала она, серьезно обдумывая ответ. — Например, я только что заметила, что ваш отец был мистер Кинг, а вы — мистер Принц. Разве в вашей стране сын не носит фамилию отца?

Во время визита в Палм-Бич нам удалось устроить небольшую семейную вечеринку, на которой были: я и моя жена, ее сын Уильям Лидс и его жена, мой брат Андрей и моя невестка, а также леди Сара Уилсон. Мы остановились в гостинице «Понсиана», огромном заведении, полностью построенном из дерева. В ней было тринадцать миль

коридоров, в которых легко заблудиться. Нам потребовалось десять минут, чтобы спуститься из наших комнат на обед, и мы завидовали персоналу, который носился по коридорам на велосипедах. Я не знал покоя с тех пор, как заметил большой стальной крюк, прочно вбитый в стену у окна, и, когда спросил горничную о его назначении, она объяснила, что он прибит на случай пожара, чтобы привязать к нему веревку, связанную из постельного белья, и спуститься вниз! Я мрачно взглянул вниз на отвесную стену высотой шестьдесят футов (до земли не достанут никакие простыни) и выразил надежду, что эта конструкция из кипариса не загорится во время нашего пребывания. Но мне не пришлось долго переживать, так как мы пробыли там всего двадцать четыре часа, когда жена получила известие о смерти ее невестки, и мы возвратились в Нью-Йорк.

Те месяцы в Америке, которые могли бы быть такими счастливыми, для меня были наполнены страданием из-за ужасной тайны, тайны, которой я не мог тогда поделиться.

После первой операции моей жены в Афинах хирурги послали за мной и сказали, что она страдает от самой ужасной болезни, которая когда-либо поражала человечество — рака. Ее прооперировали и сделали все возможное, чтобы продлить жизнь. Быть может, даже дали многолетнюю передышку, но с тех пор всегда присутствовал страх, что однажды...

Так что следующие два года я мог только держать все при себе, подавлять тревогу и надеяться, даже вопреки всему. Прежде всего я был полон решимости сделать все, чтобы она никогда не узнала правду. Так я мог по крайней мере дать ей душевное спокойствие, если не мог сделать ничего другого. В Париже, куда мы отправились после недолгого пребывания в Америке, я потерпел полное поражение.

Однажды днем я отсутствовал и, когда вернулся в «Ритц», где мы остановились, нашел жену в ужасном нервном состоянии. Подруга, которая пила с ней чай, спросила ее, правда ли, что в Афинах ее прооперировали от рака!

— Христо, я знаю, ты меня не обманешь, — умоляла она меня. — Скажи мне правду, поклянись мне.

Тут же я поклялся ей самыми священными клятвами, какие только мог придумать, что у нее нет рака, что никогда не было и речи о том, что она больна им. Может быть, я навеки проклял свою душу, но мне удалось убедить ее.

На следующее утро я ждал в коридоре, чтобы подкараулить докторов, прежде чем они войдут в ее комнату. Я догадывался, что, несмотря на то что я ей сказал, она захочет успокоиться, и не стал рисковать. Поэтому, когда она задала им вопросы, а я знал, что она это сделает, они были готовы к этому, и их решительное отрицание рассеяло ее страхи.

Вскоре после этого мы отправились в Лондон, в Спенсер-Хаус, и жена выглядела настолько хорошо, что на выходные я отправился в Бленхейм, чтобы погостить у герцога Мальборо. Когда я вернулся в понедельник утром, то обнаружил, что у нее случился рецидив и что врач ждет, чтобы увидеть меня. Он сказал мне, что она на последней стадии болезни и теперь речь может идти не более чем о четырех месяцах. Он мог дать мне только одно зерно утешения. Она не будет страдать от боли, и ей не нужно будет знать правду.

— Вам следует позаботиться о том, чтобы она никогда об этом не заподозрила — сказал он мне. — Если это произойдет, она потеряет единственное утешение, которое у нее есть, — надежду на выздоровление. Вы должны продолжать жить своей обычной нормальной жизнью. Не показывайте ей, что волнуетесь. Продолжайте делать вид, что с ней все в порядке.

Прошло несколько часов, прежде чем я смог войти в ее комнату, я так боялся, что меня выдаст голос.

С того дня и до ее смерти, два месяца спустя, наша совместная жизнь была игрой. Играть мою роль было труднее всего. Быть каждый миг настороже, скрывать тревогу в течение душераздирающих недель наблюдения за тем, как она становится все слабее, говорить о будущем, которое никогда не наступит... Полагаю, в мире немало людей, которым

довелось пережить то же самое, они поймут меня, читая эти строки.

Единственным моим утешением было то, что обещание хирурга сбылось — она не знала и часа боли. Иллюзию, что с ней не происходит ничего серьезного, мы поддерживали до самого конца. Она настаивала на том, чтобы я принимал приглашения на обеды и ужины... «Потому что я не допущу, чтобы ты сидел дома и беспокоился обо мне, когда знаешь, что в этом нет нужды, и, кроме того, доктор говорит, что на следующей неделе я, вероятно, снова смогу выйти на улицу...» — говорила она. И я заставлял себя ехать к друзьям, чтобы вернуться и рассказать ей сплетни и новости, сохраняя связь с миром, который она любила. Она даже не догадывалась, чего мне это стоило.

Мне помогала и поддерживала меня маленькая шотландская сиделка Минни Грант, ангел, чьи крылья прятались под накрахмаленной униформой. Вместе мы придумывали новые ходы в игре притворства, ибо сестра Грант умела блефовать так же хорошо, как и я. Она даже меня вводила в заблуждение, и мне казалось, что она совершенно несерьезно относится к своему делу, так было до последнего дня жизни моей жены, когда пришел священник и причастил нас обоих в ее комнате. Тогда я услышал слабый шорох за ширмой и заглянул за нее. Минни Грант стояла на коленях и горько плакала.

В ту ночь, когда умерла жена¹, над Лондоном бушевала страшная гроза. Окна спальни были распахнуты настежь, я сидел с ней, грохотал гром, а небо пронзали огромные зазубренные вспышки молний. Это было похоже на какую-то симфонию звука и цвета, даже в присутствии смерти ее величие внушало мне благоговейный трепет.

Внезапно буря стихла, и я снова посмотрел на комнату с ее знакомой мебелью и затененным ночником. Я думал, что жена спит. Затем, пока я смотрел на нее, вся комната

---

¹ 29 августа 1923 года.

наполнилась мягким золотым светом, какого я никогда не видел, в нем будто было сияние не от мира сего. Целую минуту было светло, затем этот свет исчез, а я услышал слабый вздох. И тогда я понял, что мое дежурство окончено.

Я много раз видел смерть, видел, как она приходит за теми, кого я любил, и знаю, что однажды она придет за мной. И все же я не боюсь ее. Когда вы живете с нею за плечом, день за днем, неделю за неделей и месяц за месяцем, как это делал я, она становится воплощением либо заклятого врага, либо понимающего друга. Я предпочитаю думать о ней как о друге. Ибо смерть — это существо, а не просто слова. Я часто ощущал ее мягкое прикосновение к своему плечу, не когтистую хватку, которую так любят описывать сценаристы триллеров, а добрую руку бесконечно сострадающего ангела, посланного всемилостивым Богом. Мы сталкиваемся с ней, когда видим, как она приходит, чтобы облегчить страдания тех, кого мы любим, не скелет с черным капюшоном, созданный человеческим страхом, а сияющее существо, которое появляется в момент нашего ухода, чтобы даровать вечный покой.

ГЛАВА XIV

СОБАЧКИ-АНГЕЛЫ И НЕКОТОРЫЕ ДЬЯВОЛЫ!

Мои извинения неизвестному автору.

МАЛЕНЬКИЙ АНГЕЛ-СОБАЧКА

High up in the courts of Heaven to-day
A little dog-angel waits.
With other angels he will not play
But sits alone at the Gates.
“For I know that my master will come,” says he
“And when he comes he will call for me.”

And his master, far on the earth below,
As he sits in his easy chair,
Forgets sometimes and whistles low
For the dog that is not there.
And the little dog-angel cocks his ears
And dreams that his master's voice he hears.

And I know when at length his master waits
Outside in the dark and cold,
For the hand of death to open the gates
That lead to the courts of gold,
The little dog-angel's cheery bark
Wilt comfort his soul in the shivering dark.

Высоко, на Небесах,
Ждет маленький ангел-собачка,
Не играет с другими ангелами,
А сидит один у ворот

«Я знаю, мой хозяин придет, — говорит он, —
И когда он придет, сразу позовет меня».

А в это время его хозяин далеко, внизу, на земле,
Сидит в своем кресле,
Забываясь, свистит
И зовет собачку, которой больше нет,
И собачка-ангел наострил уши
И мечтает, что слышит голос хозяина.

И я знаю, что когда хозяин придет
Из холодного мрака
И рука смерти откроет ворота,
Ведущие в золотое царство,
Раздастся радостный лай собачки
И утешит его душу в этой темноте.

Боюсь, многих эта глава может шокировать, но я уже достаточно взрослый, чтобы говорить то, что думаю, и отстаивать свое мнение! Когда смерть заберет меня, я надеюсь, что ее крылья перенесут меня на небеса, где я встречу всех домашних животных, которых любил на этой земле. Не понимаю, почему животных выделяют в отдельный от людей вид? Можно ли попасть на Небеса по путевкам первого, второго и третьего классов? «Я не думаю», — говорит во мне внутренний американец. Каждый любитель животных, должно быть, в тот или иной момент видел упрек в собачьих глазах, которые смотрят с большим пониманием, чем любой смертный. Из этих глаз так и льется любовь, не хватает только речи... и, может быть, так лучше! Тем не менее, я утверждаю, что в них живет божественная искра, и не понимаю, почему Всемогущий Бог должен был развлекаться, создавая животных без какой-либо цели. Мы все здесь для чего-то... а что касается будущей жизни...? Поэтому я говорю: «Даруй мне Небеса». В другом месте правит падший ангел, но разве встретите вы там других животных, кроме бедного старого Цербера?

Животные всегда были важным фактором в нашей жизни, любовь к ним передалась нам от отца. Однажды, когда он был в поездке по провинции, за ним увязалась маленькая собачка крайне сомнительного происхождения, окрашенная в белый, черный и рыжий цвета. Отец взял ее на руки и показал ей фотографии семьи. Так как собака лаяла при каждом представлении, ее благополучно усыновили и дали громкое имя «Мопс». Мопс дожил до глубокой старости и причинил нам много душевных страданий, когда присоединился к своим предкам. Затем был Дик, французский бульдог, и очень яркая личность, который тоже прожил долгие годы.

Не могу вспомнить, когда у меня появились собственные домашние животные, но точно знаю, что было время, когда у меня в детской жили один заяц, две куропатки и черепаха. Заяц был совершенно дикий, как, впрочем, и птицы, черепаха же была кротким представителем своего вида, но беспорядок они устраивали ужасный. Тем не менее, этот «зоопарк» был нескончаемым развлечением для моих профессоров, которых я заставлял ползающими на четвереньках и ловящими то куропатку, то зайца.

Но эта коллекция животных не просуществовала долго, так как брат Николай, страстный охотник, выпустил куропаток на волю на островах, принадлежавших отцу, в надежде, что они размножатся и станут добычей на охоте, а зайца и черепаху отпустили на свободу в Татойском лесу.

Первую собаку подарила мне английская принцесса Виктория в Сандрингеме. Это был скотч-терьер, и его звали Сэнди. Более человеческого существа нельзя было найти. У брата Андрея был огромный абердин по имени Билли, один из крупнейших представителей этой породы, которых я когда-либо видел, Билли и Сэнди очень подружились, вместе они гоняли кошек в дворцовом саду. Билли хватался за голову, Сэнди — за хвост, и начиналось перетягивание каната — несчастного кота, естественно, разрывали на части. Ужасно, но факт! Из-за кота Сэнди и околел. Однажды

в драке кот расцарапал ему глаз, началось заражение крови, и через несколько дней он оставил меня безутешным. Нам часто говорят: «Заведите другую собаку», — но если вы теряете друга, так ли легко заполнить эту ноющую пустоту?

Мы с садовником похоронили Сэнди в дворцовом саду. Еще одна частичка, ушедшая незамеченной! Ему сделали мраморную плиту, и, как ни странно, несмотря на все наши ссылки и разные революции, его могилу не тронули.

Еще при жизни Сэнди у меня появилась обезьяна Марко. Некоторые люди считают обезьян, с их вечно грустным выражением мордочки, безличными, но любой, кто заводит их, быстро убеждается в обратном. Эти звери обладают сверхъестественным интеллектом, в чем я убедился на собственном опыте. Как-то вечером он совершенно неожиданно приземлился мне на голову в маленьком кафе на Кифисьи. Мы сразу подружились, и я решил его купить. Хозяин заведения узнал нас и запросил непомерную цену, так что я распрощался с Марко, и даже забыл о нем.

Но на следующий день, вернувшись на нашу виллу после прогулки, я, к своему изумлению, увидел Марко мирно сидящим на крыльце и играющим с хвостом Сэнди! Адъютант брата купил его за четверть цены и предложил мне. По странной иронии судьбы это был полковник Манос, отец будущей жены короля Александра! Кто мог предсказать, что всего через несколько лет Александр умрет от укуса одного из потомков Марко? Марко был источником многих радостей и многих-многих недоразумений. Выше я говорил о падшем ангеле. Сам сатана не мог превзойти Марко, когда у него случалась одна из его истерик! Он был равнодушен к железным перилам на террасе с видом на теннисный корт. Там было много кустов и деревьев, где он мог развлечься. Было одно особое дерево, которое он очень любил. Понятия не имею, как оно называлось, все, что я знаю, это то, что оно вырастает до огромных размеров и очень волокнистое, а в юности очень гибко. Марко оттягивал стройное деревце вниз, затем одним махом взлетал

в воздух и оказывался на другой стороне. Это могло продолжаться часами. Однажды я наблюдал за этим представлением, когда он остановился, все еще держась за верхушку дерева, вдруг по его мордашке растеклось дьявольское выражение, он отпустил дерево, и оно ударило меня прямо в нос! Ни один астроном даже в самых смелых мечтах не видел такого множества звезд, как я в тот момент! Он тут же спрятался за куст и, клянусь, мне показалось, что дьявол расхохотался!

На закате я отводил его в комнату, где он устраивался в кресле с подушкой на ночь.

Однажды вечером оттуда стали доноситься леденящие кровь вопли. Мы вместе с другом тотчас бросились туда. Там было несколько бутылок спиртного для приготовления коктейлей, и Марко сидел с бутылкой джина в одной руке и бутылкой виски в другой, из каждой из которых он выпил по четверти. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, он запустил бутылки нам в головы, а сам вскочил на подоконник и выпал; к счастью, на нем были ремень и цепь, за которые мы, ругаясь и крича, тащили его назад. Он тотчас же уснул, но наутро его настигло ужасное похмелье!

В Афинах он жил на батарее в коридоре напротив двери моей гостиной, а для упражнений его привязывали длинной цепью к лесам, воздвигнутым перед дворцом после пожара 1909 года, уничтожившего всю среднюю часть здания.

Однажды он раздобыл кирпич толщиной около полутора дюймов и длиной шесть дюймов. Внизу стоял часовой дворцовой стражи, и, тщательно прицелившись, Марко запустил свою ракету прямо в голову человеку, промахнувшись всего на долю дюйма! Тем не менее, он оставил очень красивую небольшую вмятину в земле!

На следующий день ко мне прибыла депутация караула во главе с фельдфебелем и сообщила, что невозможно выполнять свой долг, когда где-то наверху затаился дьявол!

После нашего отъезда в 1917 году Марко остался и вернулся к своему прежнему владельцу. Когда мы возвратились, он уже был мертв — от чахотки, как мне сказали. Я не верю в это... даже у обезьян есть сердце!

Следующей моей собакой был Джек, серый скотч-терьер, доживший до пятнадцати лет. Если какая-то собака могла обладать человеческим разумом, то это был он. Мой пасынок увидел его сидящим в витрине собачьей лавки на Елисейских полях в компании огромного полицейского пса. Он просто не мог устоять перед этим олицетворением достоинства и дерзости, поэтому вошел в магазин и купил их обоих. Полицейскую собаку, Телля, он оставил себе, а Джека подарил жене. Когда они уехали в Англию, Телля каким-то образом провезли туда контрабандой, а Джек остался на моем попечении, но, поскольку к моменту возвращения пары мы так привязались друг к другу, его отдали мне насовсем. Он никогда не оставлял меня и сопровождал во всех моих путешествиях, пока не стал слишком стар для этого. Всем друзьям он был известен как Банан! В Париже я нашел ему жену, угольно-черную, и, помет за пометом, они рожали прекрасных щенков. Не знаю, как мне это сошло с рук, но однажды на выставке в Риме двое старших выиграли по золотой медали и по серебряному кубку.

Судьей был англичанин, приглашенный по этому случаю в Италию, он понятия не имел, кто я, поскольку я поставил перед итальянским комитетом условие, что и собаки, и владелец должны оставаться анонимными. На самом деле все это я воспринимал как шутку, поскольку даже потерял их родословные. Тем не менее, когда подошла моя очередь хвастаться своими щенками и я поднялся на сцену, судья посмотрел на них, ощупал их и понюхал, а затем, повернувшись ко мне, сказал: «Сэр, я никогда еще не видел таких прекрасных собак». Следующее, что я понял, это то, что мне вручают золотые медали и серебряные кубки! С тех пор Рим заполонили их потомки. Однако вскоре после этого у матери развилась опасная форма экземы. Так как это было

неизлечимо, ветеринару пришлось сделать инъекцию, чтобы помочь ей попасть в лучший мир.

Несколько лет спустя произошла странная вещь. Поскольку Банан был слишком стар, чтобы продолжать путешествовать, он остался дома, и экономка выносила его на прогулки, так как ступеньки были слишком высоки для его старых лап. В путешествии мне попала статья в газете, где говорилось, что собаки этой породы, когда чувствуют, что слишком стареют, часто кончают жизнь самоубийством, чаще всего — топятся. Через два дня после этого я получил письмо от экономки, в котором она писала, что Банан сделал именно это! Его, как обычно, вынесли на улицу и оставили на его любимом солнечном пятнышке, когда же экономка пришла, чтобы забрать его домой, она тщетно оглядывалась, пока не нашла его маленькое серое тело плавающим в пруду перед входом. Это так странно, ведь пруд был окружен парпетом, намного выше ступенек, по которым его носили. Поскольку в тот момент в саду никого не было, вполне очевидно, что именно произошло. Будь я там, я последовал бы за ним, и ничего не случилось бы... Вероятно, некоторые из моих читателей скажут: «Жаль, что вы этого не сделали!» Но какой любитель собак не согласится со мной, если я скажу, что, возможно, одна из этих маленьких собак-ангелочков вызывает дождь, вынюхивая из-за угла усталое старое облако?

Сейчас у меня есть бульдог Бастер и кокер-спаниель моей жены Тим, которые искренне ненавидят друг друга! До этого был пекинес Базз, самоуверенный и всегда все знающий лучше всех: однажды он выбежал и столкнулся с такси. Заметьте, однако, такси его не сбило, он сам врезался в машину и, должно быть, повредил голову, так как примерно через неделю он сначала потерял зрение, а затем околел.

Однажды в нью-йоркском цветочном магазине я услышал чей-то очень оживленный разговор из-за перегородки, причем ответы собеседника состояли из ворчания и визга!

Я выглянул из-за угла и увидел зеленого и красного попугаев, болтающих друг с другом. Я сразу купил одного из них, но, поскольку в тот же день должен был уехать в Вашингтон, то назвал свое имя и адрес, чтобы его принесли, когда я вернусь. Примерно через десять дней птицу доставили должным образом, в клетке, завернутой в бумагу, скрепленную булавками и обрывками веревки. Его распаковали и поставили на граммофон в гостиной моего отеля, он оценил свое новое окружение, но ни слова не сказал. Когда же я вошел в комнату, он начал кричать:

— Где Христофор? Позовите принца! О, позовите принца! Его прежний хозяин явно не терял времени!

Но дальше было хуже, так как через несколько дней мне пришлось обидеть греческого епископа. Он пришел в мои покои в развевающихся черных одеждах, с бородой, крестом — одним словом, в полном облачении. В тот момент, когда он вошел в гостиную, попугай дерзко склонил голову набок и уставился на степенного прелата желтым глазом-бусинкой. Затем, к моему ужасу и некоторому потрясению епископа, он сказал:

— Привет, Роза! Что ты сделала с этим бананом?

Я прокашлялся и вежливо пригласил моего гостя сесть, но этот ужасный попугай вдруг разразился самым неприличным, адским и заразительным смехом, какой я когда-либо слышал. Это было так заразительно, что я тоже рассмеялся! Уж не знаю, что о нас подумал священник, но все, что он хотел сказать мне, было сказано в большой спешке, и он ушел, наверняка в ярости. С того дня мы больше никогда не виделись! Птица отправилась в Италию со Штукером на другом корабле, отдельно от меня. Однако, когда я вернулся домой, обращение «Принц» было забыто, и ко мне начали относиться с недоверием, если не сказать с ненавистью! А объектом его новой привязанности стал один из лакеев.

Бедный попугай вскоре умер от пневмонии во время одного из моих отсутствий. Он, вероятно, был бы до сих пор

жив, если бы эти идиотские слуги слушали доктора Акселя Мунте¹, которому он сильно приглянулся.

Моему кузену, старшему сыну герцогини Камберлендской, подарили львенка. Этот львенок вырос и стал великолепным львом, ручным и ласковым, словно простая собака. Кузен повсюду возил своего питомца и придумал чудесную уловку, чтобы обеспечить уединение в купе поезда всякий раз, когда ездил из Гмундена (их загородного дома) в Вену и обратно. Лев лежал во весь рост на противоположном сиденье. Когда какая-нибудь пожилая дама в отчаянной спешке открывала дверь и видела царя зверей, грациозно полулежавшего в купе, то испуганно вздыхала и убегала на перрон, нередко упуская поезд! В конце концов, однажды к нему явилась полиция и заявила, что такие животные, хотя и кажутся ручными, с возрастом становятся опасными, и не следует возить их повсюду. Так что кузен смирился с неизбежным и подарил своего питомца зоопарку Шенбрунна. Однако лев, разлученный со своим хозяином, отказывался от еды и просто зачих. Директор сообщил об этом кузену, который тотчас приехал навестить своего умирающего друга. Лев завилял хвостом, приподнял голову и посмотрел на него в последний раз... после он упал, и это был конец!

Если моя теория неверна, то почему Святой Марк всегда изображается со львом? Почему Святой Франциск учил птиц и почему Святой Иероним питает особую привязанность к свиньям?

У королевы Александры было несколько маленьких японских собачек, подаренных императрицей Японии. Они были белыми и черными, чем-то похожи на пекинесов. Эти собачки стали ее постоянными спутниками, повсюду сопровождая ее. Однажды в Дании отец проехал по носу одной из них, катаясь на велосипеде — как ему это удалось,

---

¹ Аксель Мунте (1857–1949) — шведский врач-психиатр, писатель.

непонятно, поскольку носы у этой породы практически отсутствуют. Конечно, это было не специально, но у животного из носа пошла кровь, и того, что сказала королева Александра, было бы достаточно, чтобы взорвать любую типографию! Она обожала животных, их у нее всегда было много, и для их кладбища отвели специальный уголок сада в Мальборо-Хаус. У каждой собаки была своя надгробная плита с какой-нибудь надписью, описывающей ее или ее качества. Когда околел знаменитый терьер короля Эдуарда, Цезарь, она хотела даже поставить крест на его могиле! Шокированная семья и свита вежливо, но твердо отговорили ее от этой затеи, и она неохотно согласилась с ними.

И все же насколько некоторые из наших маленьких друзей более достойны того, чтобы на их могилах стояли кресты, чем многие так называемые человеческие существа, которых я знал?

ГЛАВА XV

ЛЖЕ-АНАСТАСИЯ. — СПИРИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В августе 1927 года я снова отправился в Америку и прибыл в Нью-Йорк в разгар рекордной жары. Половина горожан укрылась за городом или у моря, в том числе мой пасынок и его жена. Мою телеграмму они получили только на следующий день, так что встретить меня было некому, к радости газетчиков, которые могли написать патетические заголовки об «одиноким прибытии изгнанного Королевского Высочества». Я ускользнул от них, как только смог, прыгнул в такси и отправился в гостиницу «Амбассадор», откуда начал обзванивать тех старых друзей, которые еще оставались в городе. К концу дня моя визитная книга была заполнена на несколько недель вперед.

Американское гостеприимство — это то, что нужно испытать на себе, чтобы поверить в него. Достаточно найти несколько друзей в Нью-Йорке, и вы подружитесь с множеством других людей менее чем за месяц. Общительность — национальная черта американцев, и ни одна другая нация не развила до такой степени искусство дружбы.

На следующий день после моего приезда Уильям Б. Лидс и Ксения нагрянули ко мне и отвезли в свой дом на Лонг-Айленде. Стояла изнурительная жара, и большую часть времени мы проводили в воде или лениво слонялись по саду в купальных костюмах. В часы вечерней прохлады мы сидели на цветущей террасе и наблюдали, как из моря поднимается большая золотистая луна.

Ксения в то время была очень заинтересована странной историей девушки, которая выдавала себя за великую княжну Анастасию, младшую дочь покойного царя¹. Она нашла в одной из лечебниц Берлина, куда ее доставили после попытки самоубийства, и ее история заключалась в том, что, когда остальные члены императорской семьи были убиты в Екатеринбурге, она потеряла сознание после удара прикладом винтовки, нанесшей ей ранение, но выжила и позже ее спас один из красноармейцев. По ее словам, этот человек, сын местного крестьянина, посадил ее в телегу и увез вместе со своей матерью и сестрой через границу в Румынию. Несколько месяцев они оставались в Бухаресте, и там у нее родился от него ребенок. Все это время они жили на доходы от продажи ожерелья, принадлежавшего царице и вшитого в одежду девушки. В Бухаресте они продали его одному ювелиру. Когда деньги закончились, солдат увез ее в Берлин и оставил там в нищете. В отчаянии она бросилась в канал, но ее спас патрульный катер.

Такова была ее история, и, как бы фантастично она ни звучала, многие в нее тогда поверили — и верят до сих пор, причем среди них есть несколько членов императорской семьи. Русские эмигранты в Берлине собрали для нее деньги, забрали ее из больницы и начали пытаться доказать правдивость ее слов. Десятки людей, знавших Великую княжну Анастасию, приходили к этой девушке в надежде, что смогут ее узнать, но никто из них не смог прийти к какому-либо определенному выводу. Некоторые признавали необычайное внешнее сходство и отмечали любопытный факт, что у неизвестной девушки были такие же шрамы и другие мелкие физические особенности, которые были и у царской дочери. Но, помимо этого, ничто не могло подтвердить ее утверждения. Во-первых, она не говорила по-русски и знала только немецкий,

---

¹ Анастасия Чайковская, более известная как Анна Андерсон (1896–1984) — наиболее известная из выдававших себя за «спасшуюся» великую княжну Анастасию.

а ведь великая княжна Анастасия, как и все царские дети, прекрасно знала русский. Ее сторонники объясняли это тем, что травмы и лишения пошатнули ее разум и что она не желает говорить на родном языке из-за болезненных ассоциаций.

Бедняжка выглядела жалко из-за одиночества и болезни, и было вполне понятно, что многие из тех, кто ее окружал, позволили сочувствию взять верх над логикой. Доказательств, подтверждающих ее историю, практически не было. Она не узнавала людей, которых близко знала великая княжна Анастасия, ее описания комнат в разных дворцах и других мест, знакомых лицам из императорской семьи, часто были неточными. Даже когда к ней пришла великая княгиня Ольга, любимая тетя царских детей, она не узнала ее и не смогла вспомнить ласкательного имени, которым ее всегда называли в семье.

Большое участие в этом обсуждении принимала пресса, поскольку, когда началась эта история, поднялся вопрос о распоряжении «огромным состоянием», которое покойный царь якобы оставил в английском банке. Когда же во время следствия выяснилось, что эта сумма составляет всего пятьсот фунтов и по распоряжению английского двора была передана великой княгине Ксении, как ближайшей родственнице, интерес публики к неизвестной претендентке угас. Но среди членов императорской семьи полемика продолжалась и вызвала много споров в изгнании. Некоторые даже перестали разговаривать друг с другом на этой почве.

Среди самых ярых сторонников притязаний самозванки был Глеб Боткин¹, сын доктора Боткина, преданного врача императорской семьи, погибшего вместе с ними в Екатеринбурге.

Я гостил у племянницы на Лонг-Айленде, когда он пришел к нам на обед, и мы втроем обсуждали этот вопрос до

---

¹ Глеб Евгеньевич Боткин (1900–1969) — сын Евгения Боткина, лейб-медика семьи Николая II. В 1938 году основал собственную монотеистическую религию — Церковь Афродиты.

глубокой ночи. Господин Боткин был искренне убежден, что бедная девушка, спасенная в Берлине, и есть Великая княжна Анастасия, и искренность его была очевидна, когда он описывал свой визит к ней и их разговор. Он взял с собой папку своих эскизов и сказал нам, что больше всего на него произвело впечатление то, что она выбрала именно те, которые он сделал в Сибири, когда в последний раз видел царя и его семью.

— Я абсолютно уверен, что ее история правдива, — заявил он.

Он с таким чувством говорил о перенесенных ею страшных страданиях и нынешнем ее одиночестве, когда она, отвергнутая родными, осталась на чужбине, что Ксения залилась слезами и сказала, что нужно немедленно что-то сделать.

— Мы должны привезти ее в Америку. Я оплачу все расходы, и она сможет жить у нас, — настаивала она.

Я практически проникся этой историей, но в то же время считал, что мы должны иметь более серьезные основания, прежде чем брать на себя такую большую ответственность. Я предложил отправиться в Данию и попытаться заинтересовать историей девушки вдовствующую императрицу Марию, так как она могла оказаться ее внучкой, и расследовать дело самостоятельно.

Этот план был одобрен, и мы решили приступить к нему весной. На том дело и заглохло.

Я уже совсем забыл об этом деле, когда несколько месяцев спустя повстречал в нью-йоркском отеле Дороти Карузо, вдову знаменитого тенора, и она попросила меня сходить с ней на спиритический сеанс.

Мое изучение спиритических исследований началось с того дня, как я встретил У. Т. Стеда¹ на одном званом обеде

---

¹ Уильям Томас Стед (1849–1912) — британский журналист и общественный деятель. Увлекался спиритизмом. В 1909 году основал «Офис Джулии», где желающие могли получить информацию из мира духов от группы медиумов.

в Лондоне в 1910 году. Меня привлекло как очарование его разговора, так и то, что он, казалось, был не от мира сего. После обеда мы вместе прогуливались по Риджент-стрит.

Внезапно он спросил меня, занимался ли я когда-нибудь опытами в области спиритизма, и я ответил, что, хотя этот предмет интересовал меня, но у меня не было никакого практического опыта. Затем он предложил мне прийти к нему в офис как-нибудь после обеда и посидеть с новым медиумом, о котором он слышал, но с которым еще не экспериментировал. Мы решили назначить сеанс на следующую неделю.

Когда я пришел туда, то был немного удивлен самой обыденной обстановкой, в которой должен был проходить сеанс. Светлая комната с удобными креслами, стенографистка, сидевшая в углу и готовая делать заметки, и весьма обыкновенный на вид молодой человек, которого мне представили как медиума. Все это не навело на мысли об оккультной атмосфере. Медиум вошел в транс так просто и естественно, как если бы просто заснул. Вскоре с его губ полился поток слов: восклицания, бессвязные фразы, длинные монологи, которые, как мне казалось, не имели смысла, но я заметил, что девушка резво водит по блокноту карандашом, перелистывая страницу за страницей.

Затем Стед достал что-то из кармана и отдал медиуму.

— Скажи мне, что это.

На мгновение воцарилась тишина.

— Возьмитесь за руки, — прошептал Стед, и я протянул одну руку ему, а второй схватил холодную, безвольную руку медиума.

— То, что я держу, — это крест — крест из рубинов — и он каким-то образом связан с человеком, который держит мою руку. Когда-то этот крест принадлежал кому-то из его семьи, женщине, чья личность была настолько сильной, что в свое время она повлияла на всю судьбу этой семьи и на весь мир.

Через мгновение медиум вышел из транса, снова стал обычным молодым человеком и ушел. Стек вложил мне в руку рубиновый крест:

— Это принадлежало вашей прародительнице, императрице Екатерине, — сказал он.

Стенограмму сеанса перепечатали, и Стек прислал мне копию. Я мало что почерпнул оттуда и просто положил ее среди своих бумаг. Это было в 1910 году.

В 1932 году я разбирал содержимое старой коробки, когда снова наткнулся на нее и из любопытства перечитал.

Теперь она не была непонятной, ибо, хотя я и не осознавал этого в то время, она предсказывала все, что случилось в следующие года. Медиум предсказал мне войны на Балканах, революцию в Греции, изгнание. Стек — «долгое путешествие... корабль».

Было так странно читать эти слова через двадцать лет после того, как мой друг затонул на «Титанике», словно я услышал его голос из другого мира... того мира, в существование которого он так горячо верил.

* * *

Во время моего последнего путешествия в США в 1927 году я много думал об У. Т. Стеке, возможно, потому, что как раз читал книгу Брэдли «Навстречу звездам»¹, в которой автор описывал экстраординарные результаты, полученные медиумом, который в то время стал сенсацией в Нью-Йорке².

Этот человек, американец со Среднего Запада, скромного происхождения, совершенно неграмотный, в состоянии

---

¹ Герберт Дэннис Брэдли (1878–1934) — британский писатель, описавший спиритические опыты Дж. Вэлиантайна. «Навстречу звездам» опубликована в 1924 году.

² Имеется в виду Джордж Вэлиантайн (1874–1947) — американский медиум, разоблаченный как мошенник.

транса бегло говорил на нескольких разных языках. Не раз он говорил и записывал то, что восточные знатоки признавали самым чистым и грамотным китайским языком, а также вел долгие беседы на прекрасном французском, итальянском и немецком языках, тогда как было известно, что он получил только среднее образование в деревенской школе и никогда в жизни не изучал ни один иностранный язык.

Меня настолько заинтересовала книга, что я решил увидеть этого человека, но время на Лонг-Айленде пролетело так быстро, что я не нашел возможности сделать это. Так что я был в восторге, когда Дороти Карузо рассказала мне, что медиум, который должен был принять участие в этом сеансе, был как раз тем самым человеком, с которым я хотел встретиться. Единственное условие, которое я поставил, состояло в том, что мое имя должно остаться анонимным. Это было довольно просто устроить, поскольку ни люди, в чьем доме проводился сеанс, ни мистер и миссис Кэннон, ни медиум меня не знали.

Собравшихся было мало: Дороти и я, ее брат, мистер Бенджамин и двое Кэннонов. В комнате, куда мы вошли, лежали все обычные атрибуты — миска с водой, гитара, алюминиевые трубочки — и я с некоторым разочарованием подумал, что этот сеанс, вероятно, будет самым обыкновенным.

Медиум впал в транс, как только погасили свет. В крошечной тьме мы слышали слабые шорохи и постукивания, потом вдруг раздался дикий боевой клич, испугавший меня так, что я чуть не подпрыгнул на месте. Миссис Кэннон прошептала, что это индейский клич медиума, который всегда объявляет таким образом о присутствии духа.

Затем раздался детский смех, за которым последовали такие звуки, будто кто-то плещется в миске с водой. Я протянул руку: «Теперь пожмите мне руку», — сказал я, и моей руки коснулась маленькая мокрая ручка. Никак не могу объяснить, но я определенно чувствовал это и крепко держал эту руку несколько секунд. Затем наступила тишина,

нарушаемая только тяжелым дыханием медиума. Внезапно одна из трубочек поднялась с пола и легонько ударила меня по голове, как бы привлекая мое внимание. Сначала я услышал только слабое бормотание, потом отчетливо донеслись слова. К моему удивлению, они были произнесены по-русски.

— Ты меня не узнаешь? — мягкий голос показался удивительно знакомым, но я не мог его узнать.

— Я повсюду следовала за тобой, — продолжил голос с легким смехом. — Я — Татьяна.

Единственная Татьяна, которую я знал, была второй дочерью царя Николая II, и я сказал об этом.

— Да, конечно.

Могу поклясться, что в голосе зазвучала нотка триумфа.

— Мы все здесь, — продолжал голос на чистом русском языке. — Мы любим вас и шлем вам поцелуи, — послышался звук чьего-то воздушного поцелуя, — и Анастасия хочет, чтобы вы знали, что девушка, которая едет в Америку, — не она. Ты должен сказать об этом тете Ксении.

Голос замер, и трубочка упала на пол.

Через три дня я услышал, что в Нью-Йорк прибыла девушка, выдававшая себя за великую княжну Анастасию. Моя племянница Ксения, недовольная тем, что я затянул дело, велела привезти ее и пригласила к себе домой на Лонг-Айленд, не сообщив об этом мне.

Я очень хотел встретиться с ней, так как я был одним из последних членов семьи, кто видел Анастасию во время моего визита в Россию в 1916 году, и был уверен, что мне не составит труда узнать ее. Однако меня никогда не подпускали к протее Ксении, поэтому я не чувствую себя вправе высказывать мнение. Она провела несколько месяцев у моей племянницы, которая безоговорочно поверила ее рассказу и проявила к ней величайшую доброту. Затем ее обращение с Великой княгиней Ксенией, сестрой покойного царя, привело к ссоре с Уильямом Лидсом, который выгнал ее из дома.

* * *

Во время того же визита в США у меня был еще один довольно любопытный спиритический опыт.

За несколько лет до этого в Риме я познакомился с Джоном Хейсом Хаммондом-младшим¹, известным ученым и музыкантом. Зная, что я люблю музыку, он пригласил меня в свое поместье Глостер в Массачусетсе, чтобы я мог услышать чудесный орган, который он изобрел². Поскольку орган был слишком большим, чтобы поместиться в старом доме, для него построили еще один, но, поскольку он еще не был достроен, мы остановились в старом семейном поместье.

Когда я ехал туда золотым осенним днем, то подумал, что Глостер — одно из самых красивых мест в Америке. Дом стоял посреди соснового леса, спускавшегося к морю, сады были полны георгинов и хризантем.

Над старым готическим домом, принадлежавшим нескольким поколениям Хаммондов, доминировал новый, размером почти с русский дворец и казавшийся смесью всех известных архитектурных стилей от Средневековья до восемнадцатого века. Ров с перекинутым подъемным мостом и решеткой вел к большому двору, окруженному фасадами старых нормандских поместий, привезенных из Франции. Создавалась иллюзия, будто находишься на деревенской площади. Чтобы дополнить эту иллюзию, в одном конце двора было нечто похожее на вход в церковь с двойными дверями, ведущими в обширный, тускло освещенный зал, в котором стоял орган.

---

¹ Джон Хейс Хаммонд-мл. (1888–1965) — американский физик и изобретатель, известный как «отец радиоуправления».

² Не следует путать с «органом Хаммонда» (электрическим органом), созданным в 1935 году другим американским изобретателем — Лоуренсом Хаммондом. Орган, собранный Д. Х. Хаммондом-мл., был традиционным по своей конструкции.

Нельзя было подобрать лучшее место для музыки. Умиротворяющая деревенская атмосфера двора, соборная тишина и строгость зала, величественные звуки органа производили незабываемое впечатление.

Мы прошли небольшое расстояние к старому дому с Борисом, собакой Хаммонда, великолепной борзой, которая бежала рысью перед нами.

После ужина мы сидели и разговаривали в гостиной. Слуги уже легли спать, и было так тихо, как может быть только в доме, расположенном в глухом лесу. Внезапно Хаммонд сказал:

— Вы знаете, так странно, но это место должно быть населено привидениями.

Конечно, я сразу же начал его расспрашивать. Он рассказал мне, что беспорядки начались только в последние год или два, и невозможно было как-либо объяснить их, поскольку у дома не было темной истории, и в нем всегда жили люди, которые вели безупречную жизнь и умерли своей смертью. И все-таки в пустых комнатах слышались шаги, сами по себе дергались дверные ручки, изредка слышался смех или вздох, шелест шелкового женского платья. Когда он играл на органе, то иногда чувствовал, словно на его плечи ложатся невидимые руки.

Странно было то, что Борис, в отличие от большинства собак, боящихся любых потусторонних явлений, похоже, подружился с призраком и часто подходил к двери, словно приветствуя гостя.

— Что же, надеюсь познакомиться с вашим призраком, — сказал я и прервался на полуслове, так как вдруг что-то упало с потолка, ударило меня по голове с резким стуком детского шарика, затем отскочило на плечо Хаммонда, а оттуда на пол, где пролетело по всей длине комнаты, пока не ударилось о противоположную стену. Борис, прыгнувший за ним с радостным лаем, лег у стенки, видимо, ожидая продолжения игры. Ни Хаммонд, ни я ничего не видели, но он

явно видел. Мы обсуждали загадку еще минут десять, а потом отправились спать.

Я был уже полураздет, когда вспомнил, что не запер дверь. Подойдя к ней, я уже собирался повернуть ключ, когда что-то заставило меня приоткрыть ее на несколько дюймов. За дверью никого не было, но, к моему удивлению, я почувствовал, как снаружи дернули ручку, — и дверь закрылась. Я снова и снова пытался открыть ее, поворачивал ручку туда-сюда, запирал и отпирал ее, но не мог сдвинуть. В конце концов я отказался от борьбы и отошел. Через полчаса я предпринял еще одну попытку. Дверь сразу открылась. Я тотчас же закрылся и держал ее запертой до следующего утра.

Было так странно приехать из разоренной Европы, только пытавшейся вновь встать на ноги, и оказаться в стране изобилия, которой была Америка в период бума 1927 и 1928 годов, до того, как крах на Уолл-стрит обрушил состояния, словно карточный домик¹. Развлечения достигли своего апогея, который, должно быть, соперничал с золотым веком. Несмотря на Сухой закон, не было недостатка в шампанском или другом спиртном. Нью-Йоркское общество танцевало и развлекалось, как это делало европейское общество накануне войны.

Никогда в жизни я не получал столько приглашений. Вечеринки, обеды, танцы, ужины, вечеринки на яхтах, теннисные вечеринки... всевозможные вечеринки... призраки бывшего веселья преследуют меня до сих пор! Большинство из них потускнели с годами, но есть те, что всегда останутся со мной из-за дружбы, о которой они напоминают.

Я любил бывать в доме Кирсли Митчелла, недалеко от Филадельфии. Никогда не забуду одну вечеринку, которую они устроили в разгар зимы — и поверьте мне, зима в Филадельфии — не шуточная. В тот вечер на ужин пригласили

---

¹ Речь о мировом экономическом кризисе, начавшемся 24 октября 1929 года с биржевого краха в США.

шестьдесят гостей, но прибыла только треть от этого числа, двадцать бесстрашных душ, которые преодолели снегопад, длившийся в течение последних трех дней. Ни машины, ни экипажи не могли подъехать к дому, ибо вдоль дорог лежали сугробы глубиной в пять-шесть футов. У некоторых гостей были сани, остальные пришли пешком и появились буквально промокшими насквозь. Многие из них сели за обед в одолженных шальях и халатах, в то время как их собственная одежда сушилась, а одну бедную даму так одолел холод, что пришлось уложить ее в постель, напоить виски и окружить грелками... Весь вечер шел снег, в результате чего в темноте на дорогах стало очень опасно, и Митчеллы никому не позволили выходить из дома до следующего дня. Так что повсюду в доме расстелили постели, люди спали на диванах, в креслах, даже на бильярдном столе.

Еще один дом, в котором я любил бывать, принадлежал Элизабет Марбери¹. Мы с ней очень подружились, несмотря на разницу в возрасте, ведь она была из числа тех людей, которые вечно остаются молодыми. Некоторые из моих самых счастливых часов в Америке прошли в ее старом фермерском доме в штате Мэн, на Белгрэйдских озерах, где мы ловили щук, а мисс Марбери грузно сидела на корме лодки, которая опасно опускалась каждый раз, когда она двигалась.

Это она познакомила меня с Уильямом Райтом², который в то время был завсегдатаем самых оригинальных вечеринок Нью-Йорка и всегда первым принимал у себя новейших кинозвезд, самых модных музыкантов и других знаменитостей.

---

1 Элизабет «Бесси» Марбери (1856–1933) — крупный американский театральный и литературный агент, в числе клиентов которой были Оскар Уайльд и Бернард Шоу.

2 Скорее всего, имеется в виду Уильям Лорд Райт (1879–1947) — американский сценарист и продюсер, глава сценарного отдела студии «Юниверсал».

Помню одну из его костюмированных вечеринок, на которую я и мой двоюродный брат, Великий князь Дмитрий Павлович, явились как иностранные дипломаты, с накладными бородами и целой кучей блестящих орденов на груди.

На ужине в их доме я встретил Чарли Чаплина¹ и композитора Джорджа Гершвина². Поначалу это был самый обыкновенный ужин, но не думаю, что кто-то способен вести себя официально более десяти минут в компании Чарли. Он начал рассказывать смешные истории, передразнивая разных персонажей в своей неподражаемой манере. Сначала он рассказывал их своим соседям, а потом и всем присутствующим, потому что все остальные перестали беседовать, чтобы слушать его. Вскоре все мы сотрясались от смеха, и даже дворецкий и лакеи с трудом сохраняли серьезность.

После этого Гершвин сел за рояль в гостиной и начал играть оперные мотивы, а Чарли взял газету и начал петь слова из различных рекламных объявлений на манер классической оперы.

Затем к нему присоединился еще один гость, скрипач Пол Кочански³, и они вдвоем устроили бурлеск с Чарли в роли канатоходца.

Именно в таких импровизированных моментах лучше всего была видна необыкновенная гениальность Чарли Чаплина, изящность его жеста, та индивидуальная утонченность, которой нет ни у одной другой звезды сцены или экрана. Если бы не тот трагигротескный образ, который навязал ему мир, он мог бы в полной мере раскрыть свой

---

¹ Сэр Чарльз Спенсер (Чарли) Чаплин (1889–1977) — выдающийся американский и английский киноактер и кинорежиссер.

² Джордж Гершвин (урожденный Яков Гершвин; 1898–1937) — выдающийся американский композитор и пианист.

³ Пол Кочански (урожденный Павел Кочански; 1887–1934) — польский скрипач и композитор, большая часть творческой карьеры которой прошла в США.

гений. Если бы он развил свой дар, из него мог бы получиться блестящий музыкант, великий певец и, возможно, прекрасный писатель.

Однажды он прочитал мне свое стихотворение, и я был поражен как его красотой, так и тем глубоким пониманием жизни, которое в нем отражалось. Оно было пронизано меланхолией, неотделимой от Чарли Чаплина, ибо, несмотря на весь его успех и блеск, которым окружил его Голливуд, он оставался трагической фигурой.

ГЛАВА XVI

В Италии. — Римские охоты. — СМЕРТЬ МАТЕРИ

После похорон Нэнси я отправился к моей невестке Хендерсон Грин и ее мужу в Монклер, где их неизменная доброта и понимание помогли мне пережить первые недели горя и одиночества. Потом за дело взялся целитель «время» и рана стала постепенно затягиваться, хотя шрам остался навсегда.

Проведя несколько месяцев в Америке, я вернулся в Лондон с пасынком Уильямом Б. Лидсом и племянницей Ксенией. Срок аренды Спенсер-Хауса истек, и нужно было все перевезти. Серебро, мебель, картины и вещи, которые должны были быть разделены между мной и Уильямом, валялись повсюду в безнадежном беспорядке. Пока завершал дела, я жил в «Кларидже», а затем, проведя Рождество с матерью, уехал в Италию, оставив ее на попечение сестры.

Я не мог оставаться в Лондоне со всеми его тягостными ассоциациями и хотел выбрать место, в котором мог бы устроить дом для матери. С тех пор как разразилась русская революция, она не знала ни минуты покоя. Ее домами, или, вернее, ее так называемыми домами, были отели, один за другим... в Швейцарии, Париже, Лондоне... В лучшем случае она гостила в чужих домах. Она переносила все это с глубокой и непоколебимой верой в Бога, без единого слова протеста или жалобы. Так было всю ее жизнь: она никогда не думала о себе, а только о других.

Ни одно ее утро в Афинах не проходило без посещения благотворительных учреждений, больниц, школ и тюрем.

Всякий раз, когда она входила в палату, классную комнату или тюремную камеру, ее появление было подобно лучу солнца, и для каждого у нее всегда находилось слово сочувствия, сострадания или ободрения. На протяжении многих дней и ночей она могла часами сидеть у какой-нибудь бедной больничной койки, держа руку, которая ослабляла свою хватку только тогда, когда подкрадывалась Смерть. И в то же время ее собственная жизнь была полна печали.

Я хотел подарить матери по крайней мере собственный дом, если в моих силах дать его ей, поэтому занялся поисками.

Я выбрал Италию, во-первых, потому, что она напоминала бы ей Грецию, а во-вторых, потому, что ей подходил климат. В качестве предварительного шага я отправился в Рим и остановился у графа и графини Дентиче ди Фрассо. Они оба сделали все, что могли, чтобы рассеять мое уныние, и графиня Дороти, как называли ее все друзья, с ее безграничным остроумием и чувством юмора сделала больше, чем кто-либо, чтобы вернуть меня к жизни.

Наконец я нашел восхитительную виллу, принадлежавшую баронессе Алиотти, очаровательной и красивой ирландке, дважды выходявшей замуж в Италии. В то время эта вилла находилась практически в деревне. Сейчас, увы, эта местность так застроена, что ее едва можно узнать.

Я с первого взгляда влюбился в это место. Полные солнечного света лоджии, террасы и большой сад были именно тем, что я искал, а с башни, которая располагалась с одной стороны и выглядела настолько нелепо, что я добавил еще одну, чтобы сбалансировать фасад, открывался великолепный вид. Работы по покраске, перестройке и установке новых ванных комнат и кухонной плиты заняли несколько месяцев, хотя архитектор, которого я нанял, показал себя человеком с экономным складом ума. Найдя в вестибюле монументальный камин, он предложил продать его в таком виде, потому что из него могла получиться красивая

гробница! Однако мы использовали его менее мрачно — разобрали и превратили в несколько меньших по размеру каминов для новых комнат.

Во внутренней отделке мне помогал мой двоюродный брат, принц Филипп Гессенский¹, который впоследствии женился на принцессе Мафальде, второй дочери короля Италии². Он обладал прекрасным вкусом, а их маленький домик в парке виллы Савойя, римской резиденции короля и королевы — жемчужина архитектурного искусства.

Пока шел ремонт, я перевез свое имущество из Спенсер-Хауса, а заодно и все вещи, оставленные матерью в Афинах, когда она отправилась в свое последнее путешествие в Россию. Когда дворец был конфискован, мадам Каролу сохранила не только всю мебель и безделушки, но и большую часть вещей, принадлежавших отцу и остальным членам семьи.

Из Лондона прибыло 11 фургонов, и, так как мы не были готовы расставить их содержимое, все выгрузили в саду, прямо перед входом. К счастью, весна была теплая! Затем начали приходить вещи из Афин и дополнили этот хаос.

Я рано облысел, но в тот момент рвал на себе оставшиеся клочки волос, пытаясь все перенести, расставить, покрасить и сложить в кратчайшие сроки. В те дни у меня было только два вида занятий — разгрузка мебели и верховая езда. У Фрассо я пристрастился к римской охоте. В те дни они еще проходили сравнительно недалеко от города, поскольку пригороды еще не разрослись настолько, что лошадей

---

¹ Филипп Гессен-Румпенхаймский (1896–1980) — третий сын Фридриха Карла Гессен-Кассель-Румпенхаймского, избранного королем Финляндии (9 октября — 12 декабря 1918), и его жены Маргариты Прусской.

² Мафальда Савойская (1902–1944) — вторая дочь короля Италии (1900–1946) Виктора Эммануила III и Елены Черногорской.

приходится увозить и привозить на грузовиках. Новичку римский ландшафт может показаться плоским и скучным, но это очень обманчиво. Трудно вообразить себе такое количество оврагов, ручьев, неожиданных каменных препятствий и заборов из колючей проволоки, и если вам удалось охотиться там несколько сезонов и выжить, поверьте мне на слово, вам не стоит бояться никакой другой езды по пересеченной местности в Европе.

Почти все римское общество, по крайней мере те, кто мог позволить себе содержать лошадей, десять или пятнадцать лет назад были большими поклонниками этого вида спорта. Сейчас, когда возникли трудности с транспортом, он уже не так популярен, как раньше. Тем не менее, знаменитая школа верховой езды «Tor di Quinto» продолжает обучать итальянских и иностранных учеников.

Фрассо одалживал мне лошадей, одна из которых принесла мне мой первый трофей — лисью голову, которую называют маской и которая в Италии считается главным трофеем, а не хвост, как это принято в Англии. Лапа передается второму участнику убийства.

Позже я ездил на ирландском скаковом из ливрейной конюшни, огромном коне, настолько высоком, что каждый раз, когда я ставил ногу в стремя, чтобы взобраться на него, колено оказывалось вровень с моим ртом. Он был таким же импульсивным, как и большинство представителей этой породы. Всякий раз, когда мы подходили к какому-нибудь внушающему благоговение склону, он поднимал копыта, громко ржал и бросался в бездну. Когда это случилось в первый раз, я закрыл глаза и мысленно отдал Богу душу! Мы помчались вниз, перешли вброд что-то, о чем я не помню, и стремительно помчались вверх по другой стороне. Через некоторое время я привык к его повадкам, и именно эта его эффектная выходка стала нескончаемой радостью для остальных участников охоты.

Падения довольно часты при римской охоте. У маркиза Казати, женатого на красивой американке, была особенно

неприятная лошадь, по вине которой чуть не случилась трагедия. Мы поднимались на крутой холм, увенчанный одним из этих ужасных заборов. В нескольких ярдах справа от нас были ворота, и я крикнул ему, чтобы он проехал через них, но он не последовал совету. Его лошадь, уставшая после долгого бега, не смогла преодолеть препятствие и рухнула на землю вместе с наездником. Я, проехав через ворота как раз вовремя, стал свидетелем падения. Лошадь поднялась и побежала пастись, явно довольная своим достижением, но бедняга маркиз остался лежать ничком без сознания. Это был красивый мужчина с орлиными чертами лица и довольно выступающим носом, но, когда я перевернул его на спину, носа не было видно, была лишь пуговица на его месте.

Я поспешно огляделся в поисках остальных участников охоты, но, к сожалению, они были далеко позади, а тем временем я оставался с лежащим без сознания и явно тяжело раненным человеком на руках. Вдруг я вспомнил, что видел в долине корыто с водой, и, вскочив на коня, отправился на его поиски. У меня не было ничего, что могло бы служить емкостью, кроме моей мягкой шляпы, так что я наполнил ее до краев и, держа ее в зубах, попытался снова влезть, не пролив ни капли. Но я забыл одну особенность моего коня, а именно то, что он не выносил прикосновения к спине (я часто удивлялся, как конюхи вообще умудрялись его оседлать). Я коснулся одного из этих щекотливых мест, и тут же получил сильный удар, от которого шляпа отлетела в сторону, обдав меня с головы до ног содержимым. Но я снова наполнил ее и взобрался на коня, на сей раз успешно.

К тому времени, как я добрался до места катастрофы, подоспели остальные охотники, и я с облегчением увидел, что маркиза взяла на себя женщина, которая уже оказывала первую помощь. Но вода все равно пригодилась. Сейчас нос маркиза восстановлен в первоначальном виде, но его владелец пролежал тогда несколько недель.

* * *

Мать должна была приехать в Рим в апреле, так что нужно было поторопиться, чтобы подготовить обещанный дом в срок. Ее комнаты устроили так, чтобы напоминать те, что были у нее в Афинах. Украшения и мебель остались прежними, все ее книги и безделушки были расставлены, а ее картины висели на стенах.

В перерывах между расстановкой мебели я ходил на небольшие неофициальные вечеринки, ибо нет ничего более деморализующего и душераздирающего, чем сидеть в одиночестве и предаваться жалости к себе. Никогда не забуду доброту, проявленную ко мне тогда всеми моими римскими друзьями.

У Фрассо постоянно присутствовали люди за обедом или ужином, и потоки интересных личностей текли через их единственную гостиную: члены королевских семей, политики и артисты всех мастей.

В конце концов я решил, что лучший способ ускорить рабочих в моем новом доме — занять его самому. Это было похоже на кемпинг, потому что комнаты были обставлены лишь наполовину, но определенно ускорило работу. Потом приехала мать со своей фрейлиной и горничными, и атмосфера стала более домашней.

Одна из этих служанок была с матерью почти всю ее жизнь. (Я уже рассказывал историю о том, как она разгромила большевиков в словесной битве.) Но теперь она состарилась и была искалечена ревматизмом, поэтому мать наняла русскую сиделку, чтобы ухаживать за ней. Эта дама тоже была далеко не первой молодости. Она много лет проработала в больнице, которую мать основала в Пирее в память о моей сестре Александре¹, рано умершей жене Великого князя Павла. Помимо обычных греческих пациентов, там

---

¹ Александра Георгиевна, принцесса Греческая и Датская (1870–1891).

лечили сотни русских моряков. Однако после потрясений в Греции в 1923 году все, что было связано с нашей семьей, конфисковали, а больница попала под запрет. Персонал уволили, а сестер, большинство из которых были русскими, распустили зарабатывать на жизнь, как могли.

Так что со временем бедная старая сиделка встретила мою мать в гостинице, где она остановилась, и сразу же взяла на себя заботу о больной служанке. Но в одно прекрасное воскресенье матушка, вернувшись из церкви, обнаружила, что попасть в квартиру невозможно. Все двери были закрыты, так как вторая служанка, нервничая, забрала с собой ключи, перед тем как уйти, оставив незапертой только комнату старушек, которая давала доступ ко всем остальным. Матушка тут же подергала эту дверь, но и она отказалась открываться, и только вздохи и стоны раздавались в ответ на ее неоднократные стуки и просьбы разрешить войти. Наконец, в отчаянии и чувствуя себя очень обеспокоенной, она позвала дежурного по этажу, которому удалось забраться в комнату через окно террасы.

Сцена, представшая его глазам, шокировала его! Две пожилые дамы сидели спиной к спине на полу, не в силах пошевелиться. Служанка упала, а сиделка, пытаясь помочь ей подняться, услышала хруст в спине и упала рядом с ней. Так они и остались сидеть плотно прижатыми к двери, так что открыть ее не было никакой возможности!

Новый дом был таким, как мы и хотели, а сад — нескончаемой радостью и моей гордостью, потому что я сам занимался им. Королева Мария Румынская, увлеченный садовник, разбирающаяся в цветах больше, чем кто-либо из моих знакомых, однажды обедала у нас и сделала мне ценный комплимент. У меня была идея посадить луковицы лилий в два огромных терракотовых горшка, и, поскольку во время ее визита лилии были в полном цвету, эффект был прекрасным. Повернувшись ко мне, она сказала:

— Я научила тебя многому, но обязательно скопирую эту идею.

Дом всегда был полон гостей, все члены семьи навещали нас по очереди, не проходило и двух дней, чтобы кто-нибудь не приезжал и не уезжал. Мать любила быть окруженной людьми, за обедом и чаем собирались гости разных национальностей, всевозможного статуса и социального положения. Поскольку она всегда ужинала наверху со своей фрейлиной и рано ложилась спать, вечера я проводил в одиночестве, и делал это как можно более неформально.

По этой причине я ввел в Риме американскую традицию фуршетов. Никто из тех, кто не жил в Вечном городе, где протокол подобен закону мидийцев и персов, не мог оценить благословение, которым оказалось это нововведение. Всех послов, кардиналов Святого Престола и прочих можно было пригласить одновременно, не опасаясь натянутых отношений, ибо прелесть фуршета заключается в том, что вы просто выбираете себе еду и садитесь, где пожелаете. Это гораздо интереснее, чем формальный званый обед, когда вам приходится сидеть рядом с кем-то, кого вы никогда раньше не видели и, вероятно, искренне надеетесь больше никогда не увидеть!

Такое безмятежное существование длилось два года, а потом мать покинула меня.

Незадолго до ее смерти со мной произошло нечто странное, о чем я расскажу всем, кто интересуется сверхъестественными вещами.

Дом был построен в форме буквы L, так что я мог видеть крыло матери из своего окна. Однажды поздно вечером я вернулся после бала и, откинув ставни перед тем, как лечь в постель, увидел, что оба ее окна ярко освещены. Было 2 часа ночи, и я задумался, почему она бодрствует в такое время, а потом заметил, что этот свет был вовсе не такой, как от ночника или обычной электрической лампы. Это было золотое сияние, которое, казалось, заполняло всю комнату.

На следующее утро я спросил ее, почему она не спала в это время ночи, но она с удивлением ответила, что никогда в жизни не спала лучше и ни разу не включала свет.

Вскоре я видел этот странный свет еще раз, а затем уехал во Флоренцию, в гости к королеве Софии, и забыл об этом.

Но однажды утром я проснулся со странным предчувствием, что должен срочно ехать в Рим.

Мы договаривались, что моя невестка и две ее дочери вернутся со мной на моей машине, и все утро я боролся с тем, что, как я уверял себя, было всего лишь нервным припадком. Но в конце концов ощущение, что что-то идет не так, стало настолько явным, что я поделился этим с моей племянницей, принцессой Еленой Румынской. Вместо того чтобы посмеяться надо мной, она посоветовала немедленно выехать, заверив, что она, ее мать и сестра приедут сами через несколько дней.

Я отправился в путь и, приехав в Рим, нашел мать мирно пьющей чай на террасе вместе с моей сестрой. Втайне называя себя дураком, я дал обет никогда впредь не поддаваться таким полетам воображения!

Но на следующий день мать заболела и менее чем через неделю ушла к отцу.

В ту ночь, когда она умерла, снова появилось это сияние, великолепный золотой свет, полный обещаний грядущей награды.

ГЛАВА XVII

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПОХОРОНАХ. — АКСЕЛЬ МУНТЕ. — ГЕССЕНСКАЯ СВАДЬБА. — МУССОЛИНИ

Болезнь матери протекала так стремительно, что мои телеграммы членам семьи, уехавшим за границу, были отправлены слишком поздно и пришли уже тогда, когда все было кончено.

После отпевания в Риме гроб перевезли во Флоренцию, где поместили в склеп русской церкви, рядом с гробом ее сына, короля Константина. Этот склеп был, если можно так сказать, одним из самых веселых и наименее жутких мест, которые я когда-либо видел. Под потолком висел огромный греческий флаг, принадлежавший крейсеру, которым командовал адмирал Иоаннидис, второй муж моей сестры, стены — покрыты красным штофом, на котором висели иконы, оправленные в золото и серебро. Были развешаны греческие, датские и русские флаги, так что все место представляло собой буйство цвета — нигде ни капли черного. За склепом всегда присматривала королева София, которая всего несколько лет спустя сама упокоилась там же, добавив свой немецкий флаг, еще одно яркое пятно. Затем обязанности по уходу за склепом взяла на себя ее фрейлина и верный друг, мадам Контоставлос.

Мне всегда было противно обилие мрачных бархатных драпировок и ярдов черного крепа. Во-первых, это парадокс, если мы верим, что смерть не есть конец всего сущего, и, во-вторых, я думаю, что траур более уместно носить в своем сердце, нежели выставлять напоказ, угнетая окружающих людей.

Говоря о похоронах, я всегда вспоминаю то, что произошло, когда я вез гроб моей первой жены в Нью-Йорк, чтобы похоронить ее на кладбище Вудлон.

Нас с невесткой встретил на пристани гробовщик, величественный и напыщенный человек, лицо которого выражало точно общепринятое профессиональное сочувствие. Он немедленно взял на себя все заботы и величавым жестом приказал поднять гроб восьмерым мужчинам, явившимся с ним. К сожалению, они были разного роста (один определенно был больше шести футов, а остальные семь — примерно до пяти футов и двух дюймов), и, пытаясь поднять гроб на плечи, чуть не выронили его за борт, к ужасу невестки и меня, следовавших за ними по трапу. Даже самообладание великолепного гробовщика, казалось, несколько поколебалось, потому что он тотчас приказал им:

— Поставьте гроб на минутку, джентльмены.

Там была только груда багажа, на который его можно было поставить, но они поспешно повиновались, и мы молча ждали, пока они придут в себя.

Внезапно я коснулся руки моей невестки:

— Ты видишь то, что вижу я? — прошептал я.

— Да, конечно, но я надеялась, что ты не заметишь.

Гроб жены стоял на огромном черном сундуке, на котором блестящими белыми буквами были начертаны слова «Гран-Гиньоль»!¹ (Позже я вспомнил, что с нами на корабле прибыла гастролирующая труппа.)

Мгновение мы безмолвно смотрели на это, а потом наши губы начали дергаться...

— Как смеялась бы Нэнси!.. — воскликнули мы оба одновременно. И сами рассмеялись, впервые за те печальные дни.

---

¹ «Гран-Гиньоль» — парижский театр ужасов в квартале Пигаль (1897–1963), один из родоначальников жанра хоррор.

Раз уж я поднял эту тему, то могу также отметить еще один неприятный случай, произошедший в 1911 году в Санкт-Петербурге на похоронах моей бабушки¹.

Похороны члена императорской семьи в те времена были торжественным обрядом. Панихида длилась с 9 до 14 часов и сопровождалась великолепной музыкой. Мне жаль любого поклонника музыки, который ни разу не слышал русское отпевание, каким оно было в те дни, они упустили самые прекрасные гармонии, известные этому миру.

Бабушка лежала в круглом мраморном зале дворца на носилках, стоявших на возвышении, утопавшем в цветах. Лес высоких восковых свечей наполнял своим светом зал, а по углам носилок стояли четыре ее фрейлины. Между мраморными колоннами висели тяжелые черные драпировки, образующие места, где должны были стоять разные члены семьи со своими женами и детьми.

Накануне похорон отслужили долгую службу, и по ее окончании каждый из сыновей и дочерей покойной Великой княгини поднимался, чтобы проститься с ней в последний раз перед тем, как гроб запечатали. Один за другим они поднимались по ступеням возвышения и наклонялись над носилками, чтобы поцеловать икону на ее груди.

Внезапно певчих прервал страшный грохот и продолжительный лязг металла о мраморный пол. Великий князь Димитрий², который был очень близорук, неправильно рассчитал расстояние, наклонился слишком далеко и, сделав полное сальто над гробом своей матери, скатился вниз по ступеням возвышения.

Ему помогли подняться на ноги, скорее испуганному, чем раненому, и церемония продолжилась, но боюсь, что те

---

¹ Речь о великой княгине Александре Иосифовне, урожденной Александре Саксен-Альтенбургской (1830–1911), супруге великого князя Константина Николаевича.

² Великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919).

из нас, кто принадлежал к более молодому поколению, едва могли сдержать смех.

Чтобы меня не сочли слишком легкомысленным из-за этих историй, должен добавить: я верю, что это не смерть духа, и надеюсь, что однажды загляну за край тучи и найду, над чем посмеяться на собственных похоронах.

После похорон матери во Флоренции я вернулся в Рим, где занялся обустройством ее комнат. Нет ничего более мрачного, чем грустный обычай сохранять нетронутыми комнаты того, кому они больше никогда не понадобятся. Они превращаются в мавзолеи, и с течением времени вокруг них создается болезненная атмосфера, так как у близких не хватает мужества что-либо изменить.

Например, русская императрица Мария не позволяла, чтобы кто-то трогал комнаты ее мужа, Александра III, в Гатчине: каждая вещь, вплоть до носового платка на его письменном столе, должна была оставаться так, как было при его жизни. По той же причине лишился многих покоев Зимний дворец в Петербурге. Император Николай I умер там, и его комнаты, со всеми их ассоциациями, не трогали, а окровавленное ложе убитого бомбой нигилистов Александра II сохранилось вместе со всеми его личными вещами. Я решил, что в моем доме никогда не произойдет ничего подобного, поэтому изменил все.

Я не буду описывать первые недели на вилле после смерти матери, оставив эти воспоминания для близких, потому что каждый в своей жизни когда-то проходил через подобное. Через некоторое время жизнь снова приняла свой нормальный вид, в нее вернулись вечеринки и развлечения.

Когда королева Швеции Виктория¹ купила виллу рядом с моей и обустроивала ее, я сдал ей свою на шесть месяцев, так как собирался в Америку. Она пригласила меня на чай

---

¹ Виктория Баденская (1862–1930), супруга короля Швеции (1907–1950) Густава V.

за день до моего отплытия и настояла на том, чтобы дворецкий поставил стол на его привычное место и расставил все точно так, как это было у меня. Никогда не забуду этой трогательной человеческой доброты.

Когда завершился ремонт на ее вилле, она снова позвала меня на чай, но на этот раз я так рассмешил ее довольно непочтительным рассказом о другой королевской семье, что у нее случился рецидив, и больше меня уже не приглашали.

На вилле у королевы я впервые встретил загадочного и энергичного шведа, доктора Акселя Мунте¹.

У Акселя Мунте было так много сторон, что никогда нельзя было быть уверенным, какая из них настоящая, и я боюсь, что он сам не знал этого. Первое, что бросалось в глаза, это огромная сила его личности. Он настолько исполнен жизни, настолько яростен, что и реакция на его личность соответственно сильна. Везде, где упоминается его имя, вы встретите противоречивые мнения о его характере... «Этот человек — святой», — скажет один... «Он сатир...», — скажет другой, правда же в том, что любят его люди или нет, они всегда делают это очень бурно. Кажется, всю жизнь он преклонялся перед женщинами. Они начинали с того, что обижались на его резкие манеры и кажущееся безразличие к их обаянию, а заканчивали тем, что влюблялись в него. Я могу сказать только то, что моя жена, свекровь и я провели один из самых забавных часов в нашей жизни, когда однажды мы пригласили Мунте и княгиню Джейн ди Сан-Фаустино на чай и услышали их обсуждение вопроса о том, что заставило ее влюбиться в него, когда она впервые приехала в Рим сорок лет назад. Никто из нас не мог сдерживать смеха.

Что очень характерно для Мунте, так это то, что он старался не относиться к себе серьезно и не позволял этого никому другому. Если вы рассказывали ему, что вам понравилась его знаменитая книга «Сан-Микеле», его глаза

---

¹ Мунте был личным врачом Виктории Баденской.

блестели, и он выдавал какой-нибудь легкомысленный ответ, рассчитанный на то, чтобы сдержать ваше красноречие. Он очень скромен. Например, мало кто знает, что он замечательно поет и играет на фортепиано.

Однажды днем он пришел ко мне на виллу в гости, его сопровождал маленький мальчик (потому что это было в дни его слепоты), который провел его в мою гостиную и оставил там ждать меня. Через несколько минут он нашел рояль на ощупь. Спускаясь по лестнице, я услышал звуки Шуберта, сыгранные с большой тонкостью осязания и чувства.

Боюсь, я несправедливо воспользовался толстыми коврами, чтобы тихонько прокрасться в гостиную и слушать, как он перескакивает с одной мелодии на другую, тихо напевая слова себе под нос, не подозревая о моем присутствии. Тем не менее, когда я через полчаса или больше признался ему, что был там, он смутился словно школьник.

Королева Швеции Виктория очень доверяла доктору Мунте. Было трогательно видеть, как она полагалась на него, и я думаю, что его преданность и забота о ней, несомненно, продлили ей жизнь. Я помню, что только однажды ее лечил какой-то другой врач, это было как раз когда она жила на моей вилле. Несчастный врач пережил очень неприятный опыт, так как однажды вечером после обеда он почувствовал себя плохо, все завершилось тем, что его стошнило на спинку фрейлины и один из моих лучших голубых бархатных стульев в стиле Людовика XV. На следующий день прибыл Мунте и, узнав об инциденте, велел ему немедленно убираться, «поскольку любой мужчина, который так вел себя на публике, не мог быть джентльменом!».

* * *

Со своей второй женой, принцессой Франсуазой¹, я встретился на свадьбе принца Филиппа Гессенского и принцес-

---

¹ Франсуаза Орлеанская (1902–1953).

сы Мафальды Савойской. Мы познакомились за несколько лет до этого в Венеции, когда она была еще совсем юной, жила с матерью и сестрами, а я был женат на Нэнси.

Гессенская свадьба была грандиозным событием в Ракониджи, поместье короля Италии неподалеку от Турина. Принц Пьемонтский¹ попросил меня остановиться в его апартаментах в Королевском дворце в Турине, и каждый день мы вместе приезжали на обеды, ужины и другие свадебные торжества. Так как у него было много работы и много людей, которых нужно было видеть, мы, к моему ужасу, неизменно опаздывали.

Именно тогда я впервые встретился с Муссолини² и был поражен этой выдающейся личностью. Впрочем, моя первая встреча с ним состоялась в совершенно несветской обстановке.

Поскольку гостей было очень много, королева организовала парк автобусов для перевозки приглашенных из одного места увеселения в другое. Однажды ночью устроили представление в огромных оранжереях, наполненных бесценными цветами, фруктами и растениями. В одной из этих оранжерей возвели сцену, а в другой приготовили ужин для сотен гостей.

Мы все забрались в наши автобусы, великолепные автомобили марки «Фиат». Когда Муссолини вошел в автобус, мы с принцем Павлом Югославским сидели на маленьком боковом сиденье, а все остальные места были заняты. Поэтому мы оба встали и предложили ему свои места. Он очень вежливо отказался, сказав, что легко может

---

¹ Имеется в виду наследник итальянского престола Умберто (1904–1983) — сын Виктора Эммануила III и последний король Италии под именем Умберто II (9 мая — 12 июня 1946).

² Бенито Муссолини (1883–1945) — премьер-министр и диктатор Италии (1922–1943), вождь Национальной фашистской партии.

протиснуться между нами. Сиденье было очень узким, так что в результате он сидел наполовину на коленях у принца Павла и наполовину — у меня. Полагаю, мало кто удостоивался такой чести!

Я назвал Дуче «великолепным», и это не преувеличение, ибо о нем можно говорить так, чтобы его не сочли смешным, по крайней мере те, кто был знаком с ним.

Сложно забыть первую аудиенцию у него. Строгость обстановки, в которой он встречал своих посетителей в Палаццо Венеция, обширная зала, лишенная мебели, за исключением нескольких ренессансных кресел, стоящих у стен. Шаги, отдающиеся эхом на мозаичном полу. А потом, в самом конце, стол, и за ним сидит один человек. Кому-то другому такой подход может показаться театральным, рассчитанным на эффект. Но для дуче это было совершенно естественно, это было частью его личности. Он не позер — ни один человек никогда не был бы меньше позером. В нем есть великая простота и огромное достоинство в сочетании с обаянием, которым мало кто обладает.

Но вернемся к Гессенской свадьбе. За ужином я сидел рядом с королевой Маргаритой¹, матерью короля Италии. Ее остроумие и обаяние известны во всем мире, поэтому я не буду вдаваться в подробности. Достаточно сказать, что я был полностью очарован ею. Ее присутствие там было доказательством того, что она вышла победительницей из семейного спора, омрачившего торжество.

Поскольку Филипп был протестантом, а Мафальда — католичкой, они должны были заключить католический брак, но родители Филиппа совершенно справедливо на-

---

¹ Маргарита Савойская (1851–1926) — супруга короля Умберто I (1878–1900) и мать Виктора Эммануила III. Дочь герцога Генуэзского Фердинанда Савойского (1822–1855) и Елизаветы Саксонской (1830–1912).

стаивали на том, чтобы за католической церемонией последовала протестантская. Эту просьбу родственники невесты проигнорировали, а королева Маргарита даже прислала послание, в котором говорилось, что, если такая церемония состоится, она не будет присутствовать на свадьбе. В результате присутствовать на свадьбе отказались родители Филиппа, а бедный жених, несмотря на свое счастье, был весьма расстроен их отсутствием.

Как я уже сказал, на этих торжествах я встретил свою вторую жену, но там было много родственников и друзей, и у нас было мало времени, чтобы поговорить друг с другом. Несмотря на это, она произвела на меня впечатление, и, когда я вскоре после этого отправился в Америку, то пообещал себе, что сразу же по возвращении в Европу постараюсь снова увидеть ее. Но однажды утром я прочитал в газете, что дочь герцога де Гиза вышла замуж за герцога д'Аоста... «Ну вот и еще одна мечта разбилась...», — сказал я и попытался выбросить ее из своих мыслей.

По возвращении в Рим я с радостью обнаружил, что замуж вышла не она, а ее сестра¹.

В то время жизнь в Риме была очень веселой, потому что, поскольку я все еще жил один, мой дом всегда был полон друзьями и родственниками. Ко мне в гости приехала моя племянница, княжна Кения (миссис Лидс), а когда она отплывала в Неаполь, мы с сестрой отправились провожать ее. Там я снова встретил принцессу Франсуазу и окончательно решил, что не смогу быть счастлив без нее. Однако прошло некоторое время, прежде чем я сделал ей предложение. Все, что я мог сделать, это намекнуть вдовствующей герцогине д'Аоста на чувства, которые я питал к ее племяннице. Она давала мне уклончивые ответы и велела

---

¹ Анна Орлеанская (1906–1986) — третья дочь Жана Орлеанского, супруга (с 1927 года) Амедео Савойского (1898–1942), третьего герцога Аостского.

набраться терпения, так как рассматриваемая девушка пока не собиралась выходить замуж.

Примерно через год герцогиня телеграфировала мне на виллу д'Эсте, где я остановился, и попросила немедленно приехать в Неаполь, так как ей нужно было сообщить мне что-то важное.

Я приехал... увидел... и был побежден. Там была девушка моей мечты. Вскоре мы обручились.

ГЛАВА XVIII

МОЙ ВТОРОЙ БРАК. — НЕМНОГО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ. — ЖИЗНЬ В РИМЕ. — ВЕНЕЦИЯ. — ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ СВАДЬБЫ. — ВИТРИНА

Мы обвенчались в Палатинской капелле в Палермо, прекрасно отреставрированном памятнике византийского искусства XII века. Невозможно было бы выбрать более красивое убранство, чем позолоченные мозаичные стены, рельефно подчеркнутые пламенем свечей на алтаре.

Накануне вечером мы прошли гражданскую церемонию бракосочетания, которая, как ни странно, стала последней в Италии, поскольку на следующий день, 11 февраля 1929 года, между папой и итальянским государством был подписан «конкордат». В результате эмоциональная сицилийская толпа, собравшаяся возле церкви на нашу свадьбу, пришла в неистовое возбуждение и не знала, кого приветствовать больше: папу, короля, Муссолини или молодоженов. Иными словами, в один и тот же день праздновали два брака!

Все наши родственники присутствовали в полном составе, греческая королевская семья, принц Кнуд¹, второй сын короля Дании, представлял датский королевский дом, французская королевская семья, большая часть итальянской королевской семьи. Шаферами жены были герцог д'Аоста и король Португалии Мануэл, а моими — король Георг II и принц Пьемонтский.

---

¹ Принц Кнуд Датский (1900–1976) — второй сын короля Кристиана X и королевы Александрины.

Мы отпраздновали свадьбу в «Орлеанском дворце», доме моего тестя в Палермо. Дворец представлял собой нагромождение старинных зданий, купленных в случайные моменты и кое-как собранных вместе, но эффект был на удивление гармоничен, с очарованием, которое могут иметь только такие старые места в Италии. Акры земли сплошь засажены апельсиновыми и лимонными деревьями, и весной, когда они стоят в цвету, воздух наполняется их резким, сладким ароматом.

Этот дом немало повидал с тех пор, как чуть более века назад его купил герцог Омальский¹. Он видел свадьбу короля Луи-Филиппа и принцессы Обеих Сицилий Марии Амалии² в 1820 году, смерть грустного и разочарованного герцога Орлеанского более сотни лет спустя³. Он видел свадьбы, крестины и похороны трех поколений... Последний брак, отпразднованный там, был венчанием моего зятя, графа Парижского⁴, с принцессой Изабеллой Орлеан-Браганской в 1932 году. Его свадьба, как и свадьба моей жены и ее сестры, должна была состояться за пределами Франции, так как мой тесть, герцог де Гиз, законный наследник французского престола, жил в изгнании в Анжуйском поместье, недалеко от Брюсселя.

---

¹ Генрих Орлеанский, герцог Омальский (1822–1897) — пятый сын короля Луи-Филиппа.

² Луи-Филипп I (1773–1850) — король французов (1830–1848), был женат на Марии Амалии Неаполитанской (1782–1866) — дочери короля Неаполя и Сицилии Фердинанда IV (1759–1816) и Марии Каролины Австрийской.

³ Филипп Орлеанский (1869–1926) — герцог Орлеанский (с 1880 года), претендент на французский престол под именем Филиппа VIII (1894–1926).

⁴ Генрих Орлеанский, граф Парижский (1908–1999) — единственный сын Жана, герцога де Гиза (1874–1940) и Изабеллы Орлеанской (1878–1961), супруг Изабеллы Орлеан-Браганской (1911–2003).

Я женился на представительнице одной из самых романтических династий Европы, которая последние сто лет вела более или менее кочевой образ жизни. С тех пор, как Карл X¹ отрекся от престола Франции в 1830 году и его сменил более приспособленный к новым обстоятельствам Луи-Филипп, чья личная популярность помогла ему пройти через первые трудные года правления, судьба этой династии была бурной.

В конце концов Луи-Филиппу пришлось не лучше, чем его «венценосному брату», потому что революция 1848 года навсегда изгнала его из любимой Франции. Его невестка, овдовевшая герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Мекленбургская², чей муж погиб, выпрыгнув из коляски, когда его кони понесли, была женщиной бесстрашного духа и уникального мужества. Не испугавшись гнева толпы на парижских улицах, она вместе со своими двумя маленькими сыновьями, графом Парижским³ и герцогом Шартрским⁴, отправилась в Палату депутатов, решив отстаивать права старшего сына на престол.

По пути младший ребенок затерялся в толпе, и после отчаянных поисков бедной матери пришлось идти дальше без него. Прибыв в Палату депутатов, она взяла за руку маленького графа Парижского и смело представила его этому враждебному собранию. Четырехлетний мальчик

---

¹ Карл X (1757–1836) — граф д'Артуа, король Франции (1824–1830). Последний представитель старшей линии Бурбонов на французском престоле.

² Елена Мекленбург-Шверинская (1814–1858) — супруга наследника французского престола Фердинанда Филиппа, сына короля Луи-Филиппа.

³ Луи-Филипп Орлеанский, граф Парижский (1838–1894) — старший сын Фердинанда-Филиппа Орлеанского и Елены Мекленбург-Шверинской.

⁴ Роберт Орлеанский (1840–1910) — герцог Шартрский, второй сын Фердинанда Филиппа, герцога Орлеанского и Елены Мекленбург-Шверинской.

«царствовал» ровно два часа, после чего поднялся мятеж, закончившийся тем, что они спаслись бегством в Шато д'О, их родовое поместье в Нормандии. Через несколько дней герцогиня покинула берега Франции на небольшой парусной лодке, взяв с собой обоих своих сыновей (адъютант нашел герцога Шартрского и возвратил его обезумевшей матери).

Они прибыли в Англию, где уже жил Луи-Филипп. Королева Виктория приняла их с величайшей добротой и предоставила им дом недалеко от Вейбриджа.

Прошли годы. Луи-Филипп умер. Граф Парижский и его брат выросли в тихом английском загородном доме, но их сердца были полны тоски по Франции. Когда разразилась Гражданская война в Америке¹, они последовали примеру Лафайета в войне за независимость² и отплыли, чтобы присоединиться к армии Севера. Они прошли всю кампанию, граф Парижский служил адъютантом генерала Гранта. Ни один из братьев не имел особых привилегий, с ними обращались так же, как и со всеми остальными добровольцами.

Когда война закончилась, граф Парижский несколько лет оставался в Америке, потому что полюбил новую страну больше, чем когда-либо любил Англию. Но его младший брат вернулся в Европу, так как на горизонте маячила франко-германская война³, и он жаждал сражаться за свой народ. Во времена Второй империи у него не было возможности вернуться во Францию под своим именем, поэтому он записался в армию как Робер Лефорт и прослужил всю войну.

---

¹ Гражданская война в США (1861–1865).

² Жильбер дю Мотье, маркиз де Лафайет (1757–1834) — французский и американский политический деятель. Добровольцем принял участие в войне за независимость США (1775–1783).

³ Франко-германская война (1870–1871).

Он видел бурный конец Империи, бегство Луи-Наполеона и Евгении¹, а затем вернулся в Англию.

Монархическая партия во Франции неуклонно побеждала на протяжении всей империи и последовавшей за ней республики. К графу де Шамбору², внуку Карла X и следующему в линии престолонаследия, относились сначала настороженно, затем, когда он стал более уверенным в своей позиции, открыто приглашали вернуться. Но когда все было готово для его торжественного приема, он взбудоражил партию ультиматумом. Он потребовал белый флаг с изображенной на нем геральдической лилией³. И наотрез отказался править под триколором!

Монархическая партия раскололась. Некоторые из ее членов остались верны графу де Шамбору, несмотря на то что он их шокировал. Остальные переметнулись к младшей ветви семьи во главе с графом Парижским, взгляды которого были более либеральными. Так возникла легитимистская партия.

Наконец, после многочисленных интриг и бесконечных дискуссий, вызывавших в королевской семье ожесточенную неприязнь, граф Парижский решил добиться свидания со своим дядей, графом де Шамбором, и раз и навсегда решить вопрос об их соперничестве в притязаниях. Историческая встреча состоялась в замке Фросдорф, где две ветви примирились, и все права на корону перешли к малой ветви.

---

¹ Луи-Наполеон Бонапарт (1856–1879) — наследный принц, единственный ребенок французского императора Наполеона III (1852–1870) и императрицы Евгении Монтихо (1826–1920).

² Генрих Шарль д'Артуа, граф де Шамбор (1820–1883) — сын герцога Шарля Беррийского (1778–1820) и Марии-Каролины Неаполитанской (1798–1870). Последний претендент на французский престол от старшей линии Бурбонов как Генрих V.

³ Описывается попытка реставрации монархии во Франции в 1873 году.

Но психологический момент для восстановления монархии был упущен. Французская партия роялистов с новым энтузиазмом строила свои планы, но уже не смогла их осуществить. Граф Парижский, который в детстве в течение двух часов был королем, зачах в изгнании и умер в своем английском доме в Вейбридже, оставив предписание, что его тело не должно возвращаться во Францию, пока наследник престола не сможет помолиться на его могиле.

Граф де Шамбор тоже умер в изгнании в итальянской Гориции¹ и был похоронен рядом со своим дедом, Карлом X. Старому соперничеству пришел конец.

Притязания перешли к другому поколению. Два сына графа Парижского, Филипп, герцог Орлеанский, и герцог де Монпансье², умерли, и нынешним претендентом является мой тесть, герцог де Гиз, сын покойного герцога Шартрского.

Считаю герцога одной из самых трагических фигур. Француз до мозга костей, любящий свою страну с искренностью, на которую способны очень немногие так называемые патриоты, он растрчивает свою жизнь в сыром, зловонном старом доме вдали от любимой родины... и при этом находится так близко к ней. Если вы приезжаете в Брюссель из Парижа, он встречает вас на вокзале. Но... он никогда не провожает тех, кого поезд увозит обратно во Францию³.

Когда началась Великая война⁴, он тотчас же вызвался на фронт, но французское правительство не приняло его,

---

¹ Граф Шамбор умер 24 августа 1883 года в замке Фросдорф на территории тогдашней Австро-Венгрии.

² Антуан Орлеанский, герцог де Монпансье (1824–1890) — младший сын короля Луи-Филиппа I и его жены Марии-Амалии Неаполитанской.

³ В силу принятого в 1886 году закона претендентам от правивших во Франции династий запрещалось находиться на территории Республики. Отменен в 1950 году.

⁴ Первая мировая война (1914–1918)

поэтому он обратился к англичанам, которые по какой-то неизвестной и необъяснимой причине также не захотели принять его. Затем он устроился водителем скорой помощи во Французский Красный Крест. По крайней мере эта деятельность была ему разрешена, хотя лично я не вижу четкого политического различия между шофером скорой помощи и офицером. Если вопрос заключается в пропаганде, то должен заметить, что одно будет так же опасно, как и другое. Предположим, что у водителя скорой помощи могло быть меньше возможностей поведать о своих притязаниях выздоравливающим пациентам, чем у офицера, разглагольствующего своей измученной роте в окопах. Но политика никогда не была моей сильной стороной, поэтому я отказываюсь доставлять себе головную боль, ломая голову над этой вопиющей несправедливостью!

В течение нескольких месяцев человек, который мог бы стать королем Франции, водил карету скорой помощи по изрытым снарядами дорогам Нормандии, а затем оставил ее и стал простым носильщиком в окопах, все время находясь под обстрелами. Он пережил немало чудесных спасений, и в конце концов он был награжден «Военным крестом» в Вержмулине. По крайней мере, хоть в этом французское правительство признало его заслуги.

Партия роялистов очень сильна во Франции при Третьей республике, и чувства против этих постоянно меняющихся правительств и партийных раздоров очень остры. Но если вы не хотите, чтобы о вас забыли и проигнорировали, вы всегда должны успеть внести свою лепту. Этим непрестанно занимается мой зять, граф Парижский, который занимается пропагандистской работой. У него есть офис в Брюсселе, где он работает утром и днем со своими секретарями и стенографистками, редактирует газету, пишет письма и отвечает на них. Со всей Франции туда приезжают делегации, чтобы выказать преданность своему «королю», и всегда они либо остаются на обед, либо получают закуски. Во многом этому способствует герцогиня де Гиз.

Ей, женщине, разрешено ездить во Францию, когда она пожелает, поэтому она и ее невестка постоянно в разъездах между Брюсселем и Парижем.

Во Франции герцогу де Гизу принадлежит множество замков, окруженных обширными лесами, древесина которых была источником большей части дохода семьи. Но теперь, когда Советы заполонили весь мир дешевой древесиной, стоимость этих лесов значительно уменьшилась. Герцогиня де Гиз, в жилах которой течет испанская кровь, всегда любила солнце и ненавидела холодный климат севера, поэтому они решили перебраться на юг.

В конце концов они поселились во французской части Марокко. Там они выращивали кукурузу, зерно и овощи, а также разводили скот. Когда разразилась Великая война и всех французских рабочих призвали, у них не осталось никого, кроме арабов, которые мало или совсем ничего не понимали в обработке почвы, удобрении или вождении тракторов. Итак, две старшие девочки трудились весь день и большую часть ночи, выполняя мужскую работу. (Одна из них теперь принцесса Мюрат¹, вторая — моя жена.) Управляя своим непослушным отрядом арабских рабочих, как могли, они так хорошо обрабатывали земли, что в течение нескольких лет поддерживали все поместья в рабочем состоянии, пока не продали их и не поселились в Лараш, в испанском Марокко.

Там они подружились с маршалом Лиоте², выдающимся военным деятелем, который сделал из французского Марокко то, чем оно является сегодня. Он называл семью де Гизов «первооткрывателями», каковыми они и были на

---

¹ Изабелла Орлеанская (1900–1983) — старшая дочь Жана Орлеанского, герцога де Гиза и Франсуазы Орлеанской (1844–1925). Во втором браке (с 1934 года) была супругой принца Пьера Мюрата (1900–1948).

² Юбер Лиоте (1854–1934) — маршал Франции, французский генеральный резидент Марокко (1912–1916, 1917–1925).

самом деле, и дал им множество практических советов по поводу колонизации, в которой он был знатоком.

Помимо военного гения, ему хватило мудрости спасти все многовековые мавританские города от разрушения и нашествия современных построек и нововведений. Любое новое здание должно было возводиться за городскими стенами, так что Фес, Марракеш и многие другие города не утратили своего живописного очарования. Арабы практически преклонялись перед ним, и его имя по сей день оказывает на них магическое действие. Стоит вам постучаться в дверь какого-нибудь дома, обычно недоступного для незнакомца, и упомянуть о маршале, как настороженные лица расплывутся в улыбках, дверь распахнется настежь — и вас радушно примут.

Последним желанием Лиоте было быть похороненным в стране, которую он любил, и там он покоится среди арабов, которые почитают его могилу как место упокоения марабу (святого).

Однажды у семьи де Гиз был очень забавный случай в Лараше, когда они посещали военную мессу в воскресенье. На всех подобных мероприятиях в Испании принято играть национальный гимн. Каково же было их разочарование, когда оркестр вместо привычных мелодий вдруг заиграл бодрую мелодию «Китаец» из «Гейши»! Можно себе представить, какое это произвело впечатление на собравшихся!

Первую часть нашего медового месяца мы с женой провели в отеле «Вилла Иджеа», где шесть лет назад умер мой брат, король Константин. В тот злополучный день, когда я прощался с ним, я и представить не мог, что вернусь в это же место в зените своего счастья. На стене рядом с окном комнаты, в которой он умер, королева София установила мемориальную доску.

Жена хотела показать мне места своего детства, поэтому той осенью мы отплыли в Марокко и посетили маленький город Лараш, расположенный на берегу. Я был очарован большим колониальным домом, окруженным садом, состоящим из сплошной массы цветов. Интерьер был оформлен

в мавританском стиле, но с хорошим вкусом, поскольку этот стиль, если его плохо подать, может быть просто отвратительным.

Мы много путешествовали по стране, посетили Фес, Марракеш и Атласские горы. Чтобы оценить красоту этих гор с их необыкновенным калейдоскопом всех цветов радуги, нужно увидеть их.

Когда мы вернулись в Рим и поселились на вилле, то, так как мы оба общительные люди, вскоре к нам стали приходить толпы друзей.

Сестра жены, герцогиня д'Аоста, гостила у нас и однажды вечером, чувствуя усталость, легла спать пораньше, оставив нас внизу играть в бридж и нарды. Внезапно воздух сотрясли вопли, так что мы все бросились смотреть, что с ней случилось. Мы нашли ее на галерее, в ночной рубашке, с мизинца правой руки стекала кровь. Оказалось, что как только она начала засыпать, ее за руку, свисавшую с кровати, укусила мышь. Поставили ловушку, мышь поймали и выпустили ее в саду, но вкус крови, должно быть, придал ей мужества, ибо на следующий день она снова вернулась, чтобы броситься в атаку.

Если бы я отдал должное теме приема гостей в Риме, мне пришлось бы посвятить ей целую книгу, и, вероятно, никто не захотел бы это читать, потому что вечеринки, какими бы замечательными они ни были, делаются скучными по прошествии времени. В пересказе они больше похожи на черствое печенье и выдохшееся шампанское. Так что ограничусь описанием одной-двух хозяек, которые часто устраивали красивые развлечения.

Одна из них — герцогиня Сетмонета, урожденная Виттория Колонна¹. Ее великолепный палаццо построен на

---

¹ Виттория Колонна, герцогиня Сермонета (1880–1954) — дочь герцога Палиано Маркантонио VI Колонна, супруга Леоне Каэтани, впоследствии герцога Сермонета и князя Теано. Известна своими мемуарами.

руинах театра Марцелла и был известен ранее как Палаццо Орсини.

Однажды Виттория сдала свою квартиру нынешней принцессе Оттобони, в то время — супруге Гектора Сассуна, итальянке по происхождению. Они решили вместе устроить там бал, что было весьма грандиозным делом. Все танцевали с огромным удовольствием, а ужин изобилдовал вкусными блюдами и превосходными винами. Все ели и пили вволю, и, когда все были сыты, начался котильон.

Во время него гостям раздавали милые подарки, множество цветов, портсигары, трости, косметички и т. д. Но изюминка бала была впереди. Хозяйки договорились войти в бальный зал вместе, держа в руках огромный зонт, один из тех, которыми благоразумно пользуются при игре в гольф. Он был увешан шарфами, носовыми платками и галстуками.

Возможно, причиной тому был ужин, но в любом случае вид этого ярко украшенного гирляндами зонта оказался слишком возбуждающим для невозмутимости гостей. Все они кинулись к хозяйкам, которых чуть не затоптали насмерть, пытаясь оторвать все, что только возможно, от зонта, который в конце концов поломали. Только больная лодыжка удержала меня от этой битвы! Не хочу бросать тень на римское общество, так как слышал, что то же самое происходит и в других странах.

Другой дом, чьи приглашения были и остаются очень востребованными, — это дом княгини Джейн ди Сан-Фаустино, урожденной мисс Кэмпбелл из Нью-Йорка¹, чьи остроумие и более чем язвительный язык известны во всем мире. Ей 75 лет, но она по-прежнему управляет своим окружением железной рукой, ее величественная фигура, окутанная вдовьим покрывалом, вселяет благоговейный трепет в сердца римских матрон и приезжих иностранцев.

---

¹ Джейн Аллен Кэмпбелл (1865–1938) — жена Карло Бурбондель Монте, князя ди Сан-Фаустино (1867–1917).

Тем не менее, она может быть лучшим другом, которого только можно пожелать в чрезвычайной ситуации. Никогда не забуду, что она сделала в Венеции для меня и моей первой жены, когда некоторые так называемые «друзья» жены заклеили нас как «германофилов». Джейн взялась за нас и терроризировала словесными перепалками этих уже «бывших друзей», которые неизменно терпели поражение и с позором отступали. Немногие люди имеют смелость вступить за своих друзей в такие моменты, ибо сделать это означает либо разделить их позор, либо, в случае королевских особ, прослыть снобом. Принцесса Джейн не относится ни к тем, ни к другим... она никогда не была настроена пренебрежительно и уж точно не была снобом.

Мода быть «германофилом» или «любую-национальность-филом», слава богу, уже прошла, что же касается сноба, то — что такое сноб? Бедные королевские семьи должны благодарить судьбу за богатых снобов, иначе где бы они были? Я встречал много так называемых снобов и находил их такими же людьми, как и все остальные. По правде говоря, я и сам такой в отношении художников; мой собственный род интересуется меня, но мало.

Но я только что говорил о Венеции, и это напомнило мне восхитительный палаццо, в котором я гостил, — дворец графа и графини Вольпи ди Мисурата¹ на Большом канале. Гораздо приятнее остановиться у очаровательных друзей в самой Венеции, в уютном доме, чем в перегруженном Лидо или в одном из городских пряничных отелей, стены которых выпирают наружу и в которых останавливается множество путешественников всех национальностей. «Невеста Адриатики», безусловно, может похвастаться некоторыми странными зрелищами и необычным поведением. Но ничто не способно нарушить ее безмятежную красоту и обаяние.

---

¹ Джузеппе Вольпи, первый граф Мисурата, (1877–1947) — итальянский бизнесмен и политик, член Национальной фашистской партии.

Помимо того, что Граф Вольпи является одним из самых выдающихся финансистов наших дней, он еще и один из самых очаровательных и добрых людей, которых я встречал. Что касается графини, то если Всевышний когда-либо отправлял на землю ангела, чтобы заботиться о человечестве, то это она!

Еще одна выдающаяся личность Венеции — графиня Морозини. Женщина всемирно известной красоты и большой индивидуальности, хотя она и достигла преклонного возраста, но по-прежнему занимает неоспоримое место в венецианском обществе.

На Лидо иногда завязываются прочные дружеские отношения, и за это я буду благодарен судьбе до самой смерти. Когда мы с моей первой женой были в Венеции в 1920 году, то встретили мисс Корнелию Армсби¹, очаровательную калифорнийку, и ее подругу, мисс Тауэр, которая впоследствии стала миссис Тафт. Мы сразу подружились, но очень скоро наши пути разошлись. Много лет спустя я очень настойчиво посоветовал ей приехать в Рим и поселиться там. Она сняла прекрасную квартиру в Палаццо Колонна, и ее вечера согревали сердце своим непринужденным гостеприимством и прекрасным настроением.

Еще одной американкой, купившей палаццо в Венеции, была миссис Джеймс Корриган. Однажды она устроила грандиозный бал и попросила нас приехать к ней в гости за несколько дней до него. Все было прекрасно подготовлено. Гостей попросили одеться в белое, и эффект был изумительный. Мы ужинали за четырьмя большими столами в двух смежных комнатах. Где-то в середине ужина мы услышали ужасный грохот из соседнего зала, сопровождавшийся криком. Большая фарфоровая ваза, стоявшая на старом венецианском буфете, каким-то образом сдвинулась с места и упала на пол, едва не задев голову княгини Сан-Фаустино.

---

¹ Корнелия Виккер Армсби (1884–1969) — американская гольфистка, социалистка.

Гостеприимство миссис Корриган стало почти легендой, но мало кто знает о теплом, милосердном сердце, что бьет-ся под этой, казалось бы, свехобщительной внешностью. Имен тех, кто должен быть ей благодарен, — легион.

* * *

Событие, о котором я всегда буду вспоминать не без изумления, — это свадьба принца Пьемонтского с бельгийской принцессой Марией Жозе¹, которая состоялась в Квиринале в 1930 году. По чьей-то вине она превратилась в одну длинную череду неразберихи.

Во-первых, церемония была назначена на 10 часов утра, и всех гостей попросили быть там не позднее девяти. На всякий случай большинство из нас прибыли еще в восемь. Мы были готовы к двухчасовому ожиданию, но никак не к четырехчасовому, а ведь именно столько времени прошло до начала службы. Свадебная процессия задержалась из-за того, что сначала шлейф невесты, а затем ее матери, королевы Бельгии, порвались и портнихам, которые спешно прибыли на место происшествия, пришлось зашивать их еще до того, как невеста и ее мать успели сделать хоть один шаг. Что еще хуже, эта беда случилась с невестой не один раз, а три, прежде чем она наконец дошла до алтаря.

Затем, когда церемония завершилась, встал вопрос старшинства, который оказался весьма запутанным, в результате чего нынешний король Англии² и принц Павел Югославский³, который представлял покойного короля

---

¹ Мария Жозе Бельгийская (1906–2001) — единственная дочь короля бельгийцев Альберта I и его супруги Елизаветы Баварской. Жена наследника итальянского престола Умберто, будущего короля Умберто II.

² Георг VI.

³ Князь Павел Карагеоргиевич (1893–1976) — регент Югославии (1934–1941) при малолетнем короле Петре II — старшем сыне короля Александра I Карагеоргиевича (1921–1934).

Александра, шли в процессии позади короля Афганистана Амануллы¹ и меня.

Буйное настроение последнего упомянутого монарха разыгралось до такой степени ликования, что он чуть ли не выскочил из Капитолия, схватив чью-то шелковую шляпу и бешено размахивая ею в ответ на возгласы толпы, которые он интерпретировал как предназначавшиеся исключительно ему. Но когда он надел шляпу, аплодисменты зрителей сменились сдавленным смехом. Голова ее владельца была, очевидно, намного больше, чем у короля, в результате чего он натянул ее прямо на лицо, где она застряла. Он тщетно тянул и пытался освободиться, пока на помощь не поспешил адъютант, который крепко ухватился за нее и рывком потянул вверх, так что король чуть не упал со ступенек.

Еще одной итальянской королевской свадьбой, которая должна была быть очень красивой, но была испорчена погодой, стала свадьба принцессы Джованны, дочери короля Италии², с царем Болгарии в 1932 году.

Церемония состоялась в красивой старинной церкви в Ассизи. Мы все прибыли в местную гостиницу накануне славным октябрьским днем. Никогда еще солнце не сияло так ярко, никогда красновато-коричневые холмы Умбрии не выглядели так очаровательно, с их алой и золотой бахромой на вершинах. Но на следующий день мы проснулись и обнаружили, что дождь льет как из ведра, тяжелый полутропический южный дождь, льющий стеной, который гарантированно продлится по крайней мере несколько часов.

И он лил все утро. Нельзя представить более великолепного места для свадьбы или какой-либо другой

---

¹ Аманулла-хан (1892–1960) — эмир (с 1926 года — король) Афганистана (1919–1929).

² Джованна (Йоанна) Савойская (1907–2000) — третья дочь короля Италии Виктора Эммануила III и Елены Черногорской, жена царя Болгарии Бориса III (1918–1943).

церемонии, чем церковь в Ассизи с ее замкнутым двором, но не может быть более незащищенного места в дождливый день, ибо она построена ярусами, от нижнего уровня к массивному парадному входу свадебная процессия должна была подняться по крутому склону, усыпанному лавровыми листьями и самшитами, и обойти длинную полосу травы. К тому времени, как мы подошли к дверям, мы все промокли насквозь и были по колено в грязи. Что еще хуже, дул сильный ветер, который подхватывал длинные юбки и вуали дам и кружил их, пока они не стали похожи на вялые лохмотья. Я шел в процессии со своей женой и помню, как вуаль, прикрепленная к ее головному убору, запуталась в моих украшениях, так что мы с трудом освободились.

К тому времени, когда служба закончилась, дождь прекратился, и мы вышли из церкви под бледные водянистые лучи солнца, но большинство гостей представляли собой жалкое зрелище, ибо грязь засохла на брюках мужчин, а все женщины были промокшие и перепачканные.

Мы завтракали в доме на полпути между Ассизи и Споллетто, и я сидел как раз напротив царя Болгарии Фердинанда и королевы Греции Софии. Они встретились впервые за двадцать лет, и, вспоминая натянутые отношения, существовавшие с 1913 года, когда муж Софии, король Константин, нанес болгарам сокрушительное поражение, я задавался вопросом, смогут ли они находиться рядом. Но я забыл, что с тех пор утекло столько воды, что она смыла давнюю вражду. Они так хорошо общались друг с другом, что, когда обед закончился, мы едва смогли их разлучить.

— О чем вы говорили? — спросил я Софию после.

— Конечно, о прежних временах, — ответила она, выглядя почти удивленной этим вопросом. В ее голосе и на лице не было горечи.

Но моя жена, принадлежавшая к другому поколению, не была так терпимо настроена по отношению к своему двоюродному деду, королю Фердинанду, ибо, когда он любезно

заверил ее, что чувствует себя «...*beaucoup plus d'Orléans que Cobourg*»¹, она ответила довольно резко:

— *Alors, vous avez déjà oublié la guerre, mon uncle?*²

Итальянская королевская семья всегда была к нам более чем добра. Тот факт, что сестра моей жены была герцогиней д'Аоста, в некотором роде укрепил узы родства. Что касается меня, то мое родство с домом Савойя очень отдаленное. Все мы, конечно, имели общего предка — королеву Марию Шотландскую³. У нее, бедняжки, конечно, тоже должны были быть предки, но карабкаться по генеалогическому древу в такой книге слишком утомительно, так что я представляю это дело любителям истории.

Король и королева Италии — образцовая пара, преданная друг другу и своим детям, с непоколебимым чувством долга перед своей страной. Король — один из самых образованных монархов Европы, и было бы трудно задать ему какой-либо вопрос, не получив четкого и краткого ответа. Его коллекция итальянских монет, как древних, так и современных, известна во всем мире. Главный интерес королевы — благотворительность и добрые дела. Высокая царственная фигура, очень красивая и элегантно одетая, она привлекает все внимание на любом официальном приеме.

Ничто, однако, не мешает ей одеться во что-нибудь очень простое и в любой момент дня и ночи отправиться в какую-нибудь безвестную трущобу, чтобы утешить умирающего или помочь бедной женщине при родах.

В последнее время королевские особы подвергались критике со стороны прессы всего мира — возможно, некоторые

---

¹ Чувствует себя больше представителем Орлеанской династии, чем Кобургской (*фр.*).

² Так вы уже забыли о войне, дядя? (*фр.*)

³ Мария Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии (1552–1567), супруга французского короля Франциска II (1559–1560).

отдельные случаи дали для этого повод. Но нужно ли нападать на всю касту только потому, что несколько разрозненных членов предались человеческим слабостям? Правда в том, что пресса, если можно так выразиться, считает любого члена любой королевской семьи сакральной фигурой, и если одна из этих светских фигур, правильно или неправильно, проявляет какую-либо человеческую слабость, ее тут же уничтожают и все его близкие подвергаются тем же нападкам. Но виноваты ли они в этом?

ГЛАВА XIX

СНОВА ПОЖАР. — ДРУЗЬЯ. —
ДАНИЯ. — РЕСТАВРАЦИЯ В ГРЕЦИИ. —
НАШЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ. —
ГРОБЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ. — МИР

Я пишу последнюю главу своей истории в июльский день, когда над Вечным городом висит пелена зноя и даже улица под моим окном выглядит растрескавшейся и выжженной. Привычный рев транспорта сводится к тихому, ленивому мурлыканью, ибо большинство людей укрылись на море или в горах, да и в любом случае никто не ездит на машине в жаркие послеполуденные часы.

Итак, я сижу у открытого окна в рубашке с коротким рукавом, и понимаю, что никогда до сегодняшнего дня не проявлял достаточного сочувствия к государственным служащим, клеркам всех мастей, дантистам и врачам, и вообще ко всем, кто осужден на тяжелый труд в течение летних месяцев. И все же нет никаких сомнений в том, что лето — лучшее время года в Риме, — если вы можете достаточно часто уезжать из города — и это благодаря чудесному Лидо Муссолини в Остии, теперь доступно каждому. Даже самые бедные римские семьи могут воспользоваться дешевыми железнодорожными билетами, купаться и отдыхать на пляже в свое удовольствие.

Король и королева были так любезны, что позволили нам свободно пользоваться своим поместьем «Кастель Порциано», где находится один из лучших пляжей на итальянском побережье. На четырнадцать миль простираются золотые пески, и не видно ни души. До моря девять миль от въездных ворот по длинным прямым аллеям, усаженным

соснами, чьи ветви сходятся над головой, словно своды собора. Это особенно красиво в вечернее время, когда свет заходящего солнца пробивается сквозь кроны деревьев, превращая их темные стволы в ярко-малиновые на фоне зелени листвы.

Около полудня мы отправлялись на пляж с несколькими друзьями, взяв с собой обед, а возвращались около шести. Обычно мы обедали в бунгало с соломенной крышей, расположенном в нескольких ярдах от пляжа и служившем также кабинкой переодевания для дам. Мужчины раздевались напротив, в старом каменном здании, которое первоначально строилось как сигнальный пост для кораблей в море. Оно состояло из одной длинной комнаты с кухонной плитой.

Поскольку бунгало от крыши до пола было покрыто соломой, мы всегда осознавали опасность зажженных окурков, небрежно разбрасываемых повсюду, и просили всех либо тушить их в пепельницах, либо бросать в кадки с пресной водой, которые стояли там, для омовения песка с ног.

Но все наши меры предосторожности не смогли предотвратить то, что могло стать трагедией.

Однажды после обеда мы, позавтракав в бунгало, отправились на пляж, одни — погреться и поспать на солнышке, другие поиграть в нарды, когда я случайно поднял глаза и увидел, как моя жена, которая ушла позагорать немного раньше, бежит к нам, крича и яростно жестикулируя.

Сначала мы подумали, что она нашла труп утонувшего человека, ибо такие несчастные случаи, к сожалению, были слишком часты в Остии, где течения очень сильны, но, когда она приблизилась к нам, мы увидели, что она указывает в глубь суши. Мы повернулись и, к своему невыразимому ужасу, увидели густое облако черного дыма, поднимающееся прямо с крыши бунгало.

Все мы, мужчины и женщины, помчались туда. Капитан Брэди, американский военно-воздушный атташе, и я первыми прибыли на место происшествия и бросились спасать

то, что могли. За одним из окон я увидел спускавшуюся на землю завесу пламени и механически отметил, что солома должна была загореться от крыши, а не от стен, что впоследствии подтвердилось. Это был случай самовозгорания, известный каждому крестьянину, у которого стога сена загорелись от палящего солнца.

Брэди, я и остальные присоединившиеся к нам люди начали выбрасывать из дверей и окон все, до чего могли дотянуться, и сумели спасти большую часть женской одежды, стулья, столы и посуду. Потом жар стал невыносимым и остальные вещи пришлось бросить на произвол судьбы.

Мы хмуρο разглядывали пламя, когда, к своему ужасу, поняли, что ветер, который в тот день был довольно сильным, дует в сторону суши. Пламя, бегущее по высушенной траве, охватило кусты позади. В ужасе я вспомнил о Татое. Эти четырнадцать миль соснового леса позади нас! И всего считанные минуты до того момента, как огонь перекинется на них!

Несколько человек из нашей группы запрыгнули в машины и разъехались во всех направлениях, чтобы поднять тревогу в поместье и собрать как можно больше помощников. Другие отправились звонить в Остию, чтобы вызвать местную пожарную команду.

Тем временем остальные с помощью шоферов и одного или двух рабочих, которые, возвращаясь с обеда, увидели пламя и поспешили на место происшествия, схватили лопаты и попытались потушить огонь с помощью песка. Но наши усилия были примерно такими же успешными, как усилия короля Кнуда с другой природной стихией¹, и все, что мы сделали, это получили ожоги от летящего пепла. К этому времени пламя уже лизало опушку леса и я снова

---

¹ Кнуд Великий (994/995–1035) — король Дании, Англии и Норвегии. По легенде, в ответ на лезть придворных о праве короля требовать покорность и у моря продемонстрировал невозможность этого.

и снова вспоминал о Татое и горячо молился, чтобы ветер переменился.

Если когда-то мои молитвы и были услышаны, так это в тот момент! Ибо как раз тогда, когда казалось, что весь лес обречен, ветер переменился и начал сдувать пламя обратно к морю.

Тем временем собралась толпа, состоявшая в основном из жен и семей различных служащих и зрителей поместья, и раздались восторженные возгласы, когда из Остии прибыла пожарная команда, оснащенная хилой и несколько устаревшей машиной и резервуаром с водой размером чуть больше чайника. Пожарные были в приподнятом состоянии приятного возбуждения и, очевидно, рассматривали это как светское событие, поскольку они ходили среди зрителей, пожимали руки всем своим приятелям и выслушивал длинные и подробные отчеты о том, как вспыхнул пожар. К тому времени, как они закончили размышлять о его причине, бунгало превратилось в грудку обугленных веток и раскаленных углей. Затем, под влиянием наших слов о том, что это все еще представляет опасность для окружающего леса, они стали заливать огонь водой. Жены зрителей удобно устроились на спасенных нами стульях, достали свои вязания и приготовились наслаждаться весельем.

Несколько минут все шло прекрасно, а затем... бак опустел. После долгих совещаний было решено опустить шланг в ближайший колодец с соленой водой. Через несколько минут энергичной прокачки этот источник тоже иссяк. Жены и дети зрителей, которые к тому времени мирно доедали остатки нашего обеда с явным удовольствием, сочли эту новую дилемму хорошей шуткой и расхохотались, а я присоединился к ним.

Затем вспотевшие добровольцы протащили шланг по пляжу, чтобы опустить в море. Он явно был слишком короток для такого расстояния, но начальник пожарных был человеком совестливым и настоял на том, чтобы постараться. Когда бесполезность затеи была доказана вне всяких

сомнений, он опустился на песок и оглядел пространство, будто сосредоточенная мысль могла ему помочь.

К счастью, к этому времени реальная опасность миновала, и мы смогли оставить наши хлопоты. Пожарные удалились, чтобы принять поздравления группы на стульях, пока мы, как могли, перевязывали ожоги друг друга.

Жене пришлось вести машину домой, я сидел, свесив ноги в окно, а шофер стонал позади меня. Нам пришлось остановиться у аптеки, чтобы сделать перевязки, прежде чем продолжить путь.

* * *

Тем летом мы провели немало счастливых часов с графом и графиней Фрассо¹, купившими знаменитую виллу Мадама на склонах Монте-Марио.

Вилла Мадама была одним из самых красивых домов в мире. Ее построил Джулио Романо по эскизам Рафаэля, который вместе со своими учениками украсил лоджию для кардинала Джулио Медичи (впоследствии папы Климента VI).² Она получила название в честь Маргариты Австрийской³, дочери Карла V⁴ и жены Алессандро Медичи⁵.

---

¹ Речь о Дороти Колдвелл-Тейлор, графине Фрассо (1888–1954), супруге графа Карло Дентиче ди Фрассо (1876–1945) — итальянского военного и политика.

² Климент VII (в миру Джулио Медичи, 1478–1534) — папа римский в 1523–1534 годах.

³ Маргарита Пармская (Маргарита Австрийская), (1522–1586) — герцогиня Пармская и штатгальтер Испанских Нидерландов (1559–1567), внебрачная дочь императора Карла V.

⁴ Карл V Габсбург (1500–1558) — король Кастилии и Арагона (1516–1556), король Германии и император Священной Римской империи (1519–1556).

⁵ Алессандро Медичи (1510–1537) — герцог флорентийский (1532–1537).

Когда Фрассо купил ее, она была практически в руинах, но ее отреставрировали до бывшего состояния с большим художественным вкусом и пониманием, прибегая к советам ведущих архитекторов. Как только ремонт был завершен, Фрассо переехали и провели там много весенних и летних месяцев. Однако позже, когда дела вынудили их проводить большую часть года в Америке, виллу начали сдавать на зиму в аренду. Однажды ее сняла миссис Джеймс Корриган и устраивала там великолепные приемы, которые могли соперничать с роскошью Маргариты Австрийской. Через год ее снимала семья Бунс. Сейчас ее арендовало министерство иностранных дел, и там живут и устраивают приемы известные дипломаты.

Когда я гостил на вилле Мадама во времена Фрассо, то часто задавался вопросом, возвращались ли туда когда-нибудь души умерших Медичи и желали ли отравить пиршества своих преемников. Наверное, из зависти они бы всех нас отравили, если бы только могли!¹

Дом всегда был полон гостей. Звезды кино (Дуглас Фэрбенкс², Мэри Пикфорд³, Гэри Купер⁴, Кей Фрэнсис⁵), английские герцогини, банкиры, политики, известные музыканты, поэты с анемичной внешностью. Весь этот социальный коктейль идеально сочетался в течение нескольких лет, пока Фрассо не уехали и не оставили нас сожалеть о том, что их римского дома больше не существует.

---

¹ С легкой руки французского писателя Александра Дюма-отца семейство Медичи слыло «великими отравителями».

² Дуглас Фэрбенкс-старший (1883–1939) — одна из крупнейших звезд эпохи немого кино. Основатель и первый президент Американской академии киноискусства.

³ Мэри Пикфорд (урожденная Глэдис Мэри Смит; 1892–1979) — одна из крупнейших звезд эпохи немого кино.

⁴ Гэри Купер (1901–1961) — звезда американского кино 1930–1940-х годов.

⁵ Кэй Фрэнсис (1905–1968) — американская киноактриса 1930-х годов.

Еще двумя близкими друзьями, которыми я обязан Риму, были миссис фон Ленгкерке Мейер и ее дочь Донна Джулия Брамбилла¹. В течение нескольких лет миссис Мейер была женой посла Соединенных Штатов в Риме², а ее дочь вышла замуж за итальянского дипломата³, последний пост которого был в Афинах, где и он, и его жена приобрели огромную популярность и где о них тоскуют по сей день. Когда и мать, и дочь остались вдовами, они вместе поселились в Риме, и их дом находился недалеко от нашего.

Миссис Мейер обладала очень решительным характером и точно знала, кого она любила или не выносила. Однако мы с ней были хорошими друзьями, и ее смерть стала настоящим горем. Дружба все еще продолжается с ее дочерью, которая, если она снова выйдет замуж, станет идеальной супругой посла.

Знаю, что Александр Кирк⁴ рассердится на меня за то, что я пишу о нем, так как он избегает огласки любого рода, но я все равно должен сделать это в знак благодарности, так как многим ему обязан. Он и его мать⁵ прожили в Риме много лет, и я никогда не видел двух более преданных друг другу людей. Она была одной из тех женщин, которые кажутся нестареющими. У нее был быстрый, живой ум и живые реакции юности в сочетании с чувством юмора и пониманием, которые может дать только огромный жизненный опыт.

---

¹ Джулия Эпплтон Мейер Брамбилла (1886–1979), супруга (с 1917 года) Джузеппе Брамбилла.

² Джордж фон Ленгкерке Мейер (1858–1918) — американский бизнесмен, государственный деятель и дипломат. Посол США в Италии (1901–1905) и России (1905–1907).

³ Джузеппе Брамбилла (1879–?) — итальянский дипломат.

⁴ Александр Комсток Кирк (1888–1979) — американский юрист и дипломат. В начале 1930-х годов советник посольства США в Риме.

⁵ Клара Комсток (1851–1936).

Ее сын, Александр, был советником посольства Соединенных Штатов, и весь Рим был в восторге от того, что он всегда знал, за какую ниточку дергать и когда именно ее дернуть. Его такт и понимание дел снискали ему доверие всего итальянского министерства иностранных дел, и он много сделал для развития дружбы между Италией и Америкой. Но увы! Я должен написать о нем в прошедшем времени, потому что его перевели из Рима.

Частой гостьей у Фрассо была супруга Уильяма Бойса Томпсона¹, у которой была прекрасная яхта «Alder», ожидавшая ее в Чивита-Веккья.

Однажды она пригласила нас с женой в круиз, и мы отплыли в Сардинию, Корсику и Монако, закончив путешествие на Капри. Переход между Монако и Кап-Корс был опытом, который сложно забыть.

После обеда мы все блаженно дремали в огромных шезлонгах, а я предавался своей дурной привычке спать с открытым ртом, когда волна выбрала этот момент, чтобы выплеснуться на палубу и, между прочим, прямоком мне в глотку! Яхта сильно накренилась, отбросив тяжелое кресло и меня на другой конец палубы, разбудив всех остальных, а я при этом выплевывал морскую воду, как кит.

Мы попрощались с нашей очаровательной хозяйкой на Капри, где присоединились к мисс Корнелии Армсби, снявшей виллу с видом на Фаральони, две огромные скалы, выступающие из моря.

Американский посол² и миссис Геррет также сняли виллу недалеко от города на склоне холма. Кузина посла, мисс

---

¹ Гертруда Томпсон (урожденная Хикман; 1877–1950) — супруга Уильяма Бойса Томпсона (1869–1930) — американского промышленника, политического деятеля и филантропа.

² Джон Вок Геррет (1872–1942) — американский дипломат, посол в Италии в 1929–1933 годах, супруг Элис Геррет (урожденная Уордер, 1908–1942).

Томас, была помолвлена с графом Опперсдорфом, и так как она была совсем одна, решили, что свадьба состоится в маленькой церкви, примыкающей к вилле Герретов.

Попасть туда было непросто, так как на крутых склонах Капри никуда не добраться, если не идти пешком или не ехать на осле. Жарким августовским утром мы отправились на воскресную прогулку в церковь! К тому времени, как мы добрались до нее, мы все буквально промокли от пота.

После свадебного завтрака все мужчины сняли фраки, женщины, как обычно, были практически раздеты, и мы все валялись на террасе, пытаясь охладиться, ожидая, пока невеста переоденется. Посол последовал примеру всех и появился в яркой синей рубашке, в которой, кстати, позировал для своего портрета известного испанского художника Сулоаги¹.

* * *

Есть только один недостаток в том, чтобы писать о своих друзьях: это знаменует собой прохождение лет, ибо, чтобы отыскать многих из них, приходится копаться в далеком прошлом. Чтобы добраться до некоторых из них, имевших большое значение в моей жизни, я должен перевернуть страницы назад, к тем далеким дням в России, когда я гостил у своей сестры в Михайловском.

Одной из таких подруг была Соня Шереметева², которая также является моей троюродной сестрой, ибо ее бабушка была дочерью императора Николая I (моего прадеда) и вышла замуж сначала династическим браком за герцога Лейхтенбергского, а затем, после его смерти, за адъютанта

---

¹ Игнасио Сулоага (1870–1945) — известный испанский художник.

² София Владимировна Шереметева (1883–1955) — супруга Дмитрия Владимировича фон Дена (1874–1937).

ее отца, графа Строганова¹. От этого второго брака родилась девочка, ставшая женой генерала Шереметева и матерью Сони².

Мы с Соней дружим с тех пор, как вместе играли в саду ее матери в Петергофе, пока наши няни-англичанки сплетничали в тени, и за все года мы не теряли связи друг с другом.

История ее жизни заняла бы целую книгу, но я думаю, что величайшие из всех историй жизни часто остаются ненаписанными, потому что они не для того, чтобы их видел этот мир. Красиво жить — высшее из всех искусств, и научиться ему непросто, но Соня владеет им в совершенстве. Однако года забрали у нее практически все, что большинство из нас считает необходимым для счастья. Она давно потеряла здоровье, потому что после травмы позвоночника, когда она была еще подростком, она не знала ни часа без боли. Она потеряла свое состояние во время русской революции, когда ей пришлось пройти через ужасные испытания, прежде чем удалось бежать с вдовствующей императрицей Марией Федоровной из Крыма. После множества приключений, от которых большинство людей превратились бы в развалины, она приехала в Рим со своим мужем, капитаном Деном, русским офицером, который до Великой войны был здесь военно-морским атташе³. Теперь он стал полным инвалидом, и Соня сама за ним ухаживает, а помимо этого умудряется успешно вести дела.

---

¹ Мария Николаевна (1819–1876) — дочь российского императора Николая I (1825–1855) и великой княгини Александры Федоровны, урожденной принцессы Шарлотты Прусской.

² Графиня Елена Григорьевна Строганова (1861–1908) — супруга (с 1879 года) генерал-майора Владимира Алексеевича Шереметева (1847–1893).

³ Дмитрий Владимирович фон Ден (1874–1937) — капитан 1-го ранга, военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии в 1906–1911 годах, представитель генералов Деникина и Врангеля в Италии.

Чтобы безропотно подниматься на холм Голгофы, требуется величайшее мужество, но нужно нечто большее, чем просто мужество, чтобы поднять флаг, когда вы доберетесь до вершины, что и демонстрирует Соня. Поэтому ее никто не жалеет, что само по себе комплимент, ибо она одна из самых очаровательных, самых занимательных женщин в Риме.

Я еще раз погружаюсь в детство в России и вспоминаю, как великая княгиня Анастасия Мекленбург-Шверинская каждый год приезжала в Михайловское, чтобы навестить своего отца, старого великого князя Михаила, и что ее сопровождала младшая дочь Цецилия¹, прекрасная девушка, высокая и стройная, с обаянием, которое покоряло всех. Будучи примерно одного возраста, мы подружились, это была та дружба между мальчиком и девочкой, которая длится до самой смерти. Мы можем не видеться годами, но это не имеет ни малейшего значения. Мы просто снова поднимаем старые темы, как будто никогда их не прекращали.

Выйдя замуж за наследного принца Германии, Цецилия покорила сердца своих будущих подданных не только красотой, но и своим умом и глубоким пониманием людей. Страстно и искренне любя свою страну, она думала только о том, как лучше всего ей послужить. Великая война стала для нее ужасным горем, поскольку означала разрыв многих самых дорогих уз ее жизни, но она отбросила все личные чувства. Даже после войны, когда империи шатались и падали, Германия была погружена во внутренние раздоры, а красная угроза надвигалась все ближе, она никогда

---

¹ Цецилия Мекленбург-Шверинская (1886–1954) — младшая дочь Фридриха Франца III, великого герцога Мекленбург-Шверинского, и великой княжны Анастасии Михайловны, супруга прусского кронпринца Вильгельма (1882–1951) — старшего сына германского императора Вильгельма II (1888–1918).

не теряла веры в будущее. В один из самых темных часов она написала такое письмо:

«5 января 1919 года

Мы встречаем Новый год без надежды, но не без мужества. Наше Отечество, наша прекрасная Германская империя, лежит в руинах, Невозможно удержаться от грустных мыслей — слишком больно, раны слишком глубоки. Наши мечты были посвящены судьбе нашей страны, мы видели, как процветает ее торговля по морю и по всему миру, и наши сердца бились сильнее, когда мы осознавали прогресс, достигнутый за последние тридцать лет. И вот мы стоим, не видя абсолютно ничего. Унижение почти невыносимо. И все же... именно из-за этого унижения мы будем напрягать наши силы, знания, все, чему мы учились в нашей светлой юности при великой Германской империи, и употребим их во благо нашему бедному смиренному Отечеству.

Ты и твоя дорогая жена понимаете, как глубоко ранило меня отречение. Целью моей жизни было служение своей стране всеми силами, всем своим существом... той стране, которой мы так гордились. Но Богу было угодно иное, и я все же надеюсь, что смогу еще послужить ей, хотя и иначе. Это также и горячее желание моего супруга. В каждом письме все его мысли обращаются к благополучию его любимой Германии и к желанию, чтобы Бог помог нам воспитать наших детей храбрыми немцами, которые будут выполнять свой долг, каким бы он ни был, и поддерживать традиции их предков...»

В этом мире еще остались идеалисты, еще есть люди, способные достойно принять поражение!

Сестра Сесилии, Александрина, известная в семье как Адини, является нынешней королевой Дании¹, и ее тоже очень любят подданные ее супруга.

---

¹ Александрина Мекленбург-Шверинская (1879–1952) — супруга короля Дании Кристиана X (1912–1947).

Я был в Копенгагене всего несколько месяцев назад, на праздновании Серебряного юбилея короля Кристиана, и огромный энтузиазм датчан по поводу их королевского дома был более чем впечатляющим, так как они не демонстративная раса.

Три скандинавских королевства, несмотря на то что им приходится справляться со своими внутренними проблемами, всегда будут оплотом против коммунизма, по крайней мере революционного типа, ибо их правящие дома точно соответствуют темпераменту народа. Король Норвегии Хокон, король Швеции Густав и король Дании Кристиан ведут простую демократичную жизнь, которая нравится подданным, ведь еще со времен викингов они привыкли считать своего правителя главой клана, а не государем.

Они не окружены королевским великолепием и торжественностью, например, король Дании каждое утро отправляется на прогулку верхом без сопровождения полиции, конюших и лакеев. Он выезжает на улицу в одиночестве, прокладывает себе путь среди автомобилей и велосипедистов и более послушен сигналам светофора, чем многие его подданные. Когда он проезжает, некоторые прохожие приветствуют его, но большинство не обращает на него внимания. Однажды, когда король ждал сигнала, чтобы двигаться вперед, водитель автомобиля, у которого были проблемы с дверью, хлопнул ею так сильно, что лошадь короля испугалась.

Король вежливо попросил мужчину быть осторожнее, и тот тут же извинился. Но через секунду забыл об этом и снова хлопнул. На сей раз лошадь рванулась так резко, что поскользнулась на асфальте и упала вместе со всадником. Они упали так сильно, что одно из стремян сломалось пополам.

Король сильно ушибся, но настоял на том, чтобы возвратиться во дворец верхом.

Королева тоже выезжает на своей малолитражке в полном одиночестве. Крестьяне хорошо знают ее и приветливо

машут рукой, когда она проезжает мимо, так же как они приветствовали бы кого-нибудь из своих родственников. Именно это очень характерно для Дании. Народ считает своих правителей членами семьи.

Отец руководствовался теми же принципами в Греции, и, несмотря на бесконечно более дикое состояние страны, они были там столь же успешны, пока король не встретил смерть от рук наемного полукровки.

Король Георг II придерживается тех же демократических идеалов, поскольку главным лейтмотивом его личной жизни является простота. В начале, сразу после Реставрации в ноябре 1935 года, это было скорее вынужденной мерой, потому что, хотя он был удостоен теплого приема в Пирее, в его возвращении домой не было никакой царственной пышности. Даже у королей иногда возникают проблемы с жильем, и он столкнулся с одной из них сразу же по прибытии в Афины.

Большой королевский дворец — «картонный ящик», как я называл его в дни моей непочтительной юности, — конфисковали после нашего второго изгнания и превратили в палату депутатов, так что он поселился во дворце, который прежде принадлежал его отцу и который во время диктатуры Венизелоса использовался для официальных приемов и государственных банкетов. Следовательно, дворец был обставлен лишь наполовину, хотя было бы лучше, если бы он был совершенно пуст, ибо мебель и украшения были на редкость безобразны. Жилых покоев там не было, и королю пришлось сидеть на своих чемоданах в коридоре, пока для него готовили спальню.

В первые месяцы после Реставрации ему было непросто, и он буквально похудел до костей, ибо он всегда был крепким юношей, а теперь худ как палка. Две его сестры, Ирина¹

---

¹ Принцесса Ирина Греческая и Датская (1904–1974) — вторая дочь короля Греции Константина I и его супруги Софии Прусской, супруга (с 1939 года) принца Аймоне Савойско-

и Екатерина¹, помогают ему и берут на себя многие социальные функции. Ирина выступает в роли хозяйки, и благодаря ей все работает как часы.

Ни один король в наши дни не сидит слишком уверенно на своем троне, но я абсолютно уверен в будущем Греции. Георг обладает всеми качествами, которые делают его хорошим королем. Он искренен, уравновешен и решителен. От моего отца он унаследовал чувство справедливости и его способность всегда понимать точку зрения оппонента, и он точно знает, когда можно уступить, а когда следует проявить твердость. Хотя его правление нельзя назвать гладким, он завоевал любовь и уважение.

Ему очень повезло с премьер-министром, генералом Иоаннисом Метаксасом², верным и преданным другом сначала короля Константина, а затем его сына. Его верность королевскому дому привела его к изгнанию во времена Венизелоса, и ему только чудом удалось спастись.

Между прочим, он был единственным человеком (за исключением короля Константина), чей совет, если бы к нему прислушались, мог бы предотвратить трагедию малоазийской кампании.

В изгнании во времена Венизелоса в 1916 году, он укрылся сначала на Корсике, а затем в Италии, где оставался до 1920 года, когда вернулся с кратким визитом в Афины. На обратном пути во Флоренцию он узнал о превосходстве сил турок в Малой Азии и о неприятном сюрпризе, который готовил Мустафа Кемаль ничего не подозревающим грекам,

---

го (1900–1948) — первого и последнего короля Независимого государства Хорватия (1941–1943).

1 Принцесса Екатерина Греческая и Датская (1913–2007) — третья дочь короля Греции Константина I и королевы Софии, супруга (с 1947 года) Ричарда Кэмпбелла Брендрема (1911–1994).

2 Иоаннис Метаксас (1871–1941) — премьер-министр и диктатор Греции в 1936–1941 годах.

которых одурачил Венизелос, заставив поверить, что кампания станет для них легкой прогулкой. Метаксас, который был одним из самых талантливых людей в штабе короля Константина во время Балканских войн, был настолько убежден в правдивости этой информации, что задержал греческую миссию в Бриндизи, направлявшуюся в Лондон для обсуждения кампании, и предупредил ее членов не принимать никаких решений без определенных гарантий поддержки со стороны Великобритании. Обманутые ложной уверенностью в обещаниях Венизелоса, они даже не удосужились выслушать Метаксаса и намекнули, что ему лучше заняться своими делами.

Несколько месяцев спустя Метаксас и его семья вернулись в Грецию и сняли виллу на морском курорте, где жили до тех пор, пока генерала не отозвали в Афины. Он еще более настойчиво советовал заключить мир с Турцией при первой же возможности и удалиться из Малой Азии до полного разгрома. Но министры не желали слушать его доводы. Греция столкнулась с одним из самых страшных разгромов в своей истории!

Гунарис¹, который был тогда премьер-министром, зная военные способности генерала, предложил ему пост начальника штаба, но тот отказался, заявив, что не будет руководить кампанией, в которую не верит.

Вместо этого он писал острые статьи в газеты, указывая на безрассудство предприятия и призывая ни в коем случае не отправлять короля Константина в Малую Азию, чтобы возглавить армию и таким образом нести на себе основную тяжесть ответственности за неизбежную катастрофу.

Остальная часть этого рассказа — уже история. Метаксас оказался прав, трагически прав. Греческая армия была уничтожена, а Смирна обращена в пепел. Король Констан-

---

¹ Димитриос Гунарис (1866–1922) — премьер-министр Греции (апрель 1921 — май 1922), лидер Народной партии и противник Э. Венизелоса.

тин отрекся от престола, а верный друг, пытавшийся спасти его, был вынужден бежать от мести венизелистов.

Благодаря помощи норвежского консула он поднялся на борт норвежского судна, переодетый обычным матросом, в сопровождении жены и секретаря, которые были одеты в поношенную одежду и представлялись бедными эмигрантами.

Едва они покинули порт, как два торпедных катера высадили свои экипажи с приказом найти Метаксаса и застрелить его на месте.

Беглецы решили высадиться в Мессине, но, поскольку у них не было паспортов, они могли сделать это только тайно. Родственники, уже находившиеся в городе, связались с контрабандистами, которые согласились увезти их на рыбацкой лодке. Итак, грузовое судно на мгновение остановилось у Мессинского пролива, и при свете луны трое пассажиров пересели на маленькое суденышко, которое благополучно доставило их севернее Мессины, откуда они смогли добраться до Палермо. Наконец, перебравшись сначала в Неаполь, а затем в Рим, они прибыли в Париж, где оставались до тех пор, пока объявленная в 1924 году всеобщая амнистия не сделала безопасным их возвращение в Грецию.

* * *

В ноябре 1935 года, через год после Реставрации, тела короля Константина, королевы Софии и моей матери были вывезены из склепа во Флоренции и доставлены в их родную страну. Я и все члены семьи собрались в Афинах, чтобы почтить это возвращение домой. Память о нем останется со мной на всю жизнь.

Мы с женой приехали туда за месяц до церемонии, потому что я не хотел, чтобы она впервые увидела мою страну в трауре, ведь я так часто описывал ей красоту закатов, силуэты гор на фоне неба, яркие цвета, такие, будто Всемогущий излил все содержимое своей палитры, разбрызгивая

голубые, зеленые и пурпурные краски на пейзажи. Но я забыл рассказать о том, что климат Греции никогда ничего не делает вполсилы: если идет дождь, то он ЛЬЕТ.

И это было именно то, что случилось, когда мы зашли в Пирей. Над небом висели черные тучи, пелена дождя тяжелой завесой закрывала землю.

Но теплота приема заставила нас забыть о недружелюбии небес. Неистово звонили колокола, гудели сирены, вызывая горько-сладкие воспоминания о том последнем возвращении домой, когда мать, королева-регентша, встречала нас на своем катере.

Король и брат Андрей прибыли встретить нас и поприветствовать мою жену, и мы отправились во дворец по улицам, украшенным флагами и окруженным ликующими людьми. И вдруг погода резко переменялась, тучи расступились, и один длинный луч солнца упал на Акрополь, позолотив его.

Даже я никогда не осознавал красоту Акрополя, пока не увидел его освещенным в нашу честь в ту ночь. Мы с женой стояли на балконе и смотрели на него, замороженные красотой открывшегося перед нами зрелища. На темном фоне скалы, незаметно переходящей в беззвездный бархат неба, выделялся Парфенон, переливаясь на свету, словно сказочный дворец далеко над нами, расплывчатый, как сон.

Последующие дни прошли в суматохе, поскольку нужно было увидеть так много старых друзей, посетить так много знакомых мест. Года принесли много перемен, как я и предполагал, тем не менее я обнаружил, что немного расстроен этим, потому что по мере того, как мы становимся старше, мы все более и более цепляемся за прошлое со всеми его ассоциациями.

Но, справедливости ради должен сказать, что Афины во многих отношениях преобразились до неузнаваемости. Город стал больше, современнее, чище, хотя и менее живописным. Со всех сторон вырастают новые здания, заводы,

производства. Появилось даже новое общество, более богатое, более прогрессивное, более космополитичное, грозящее вытеснить старые семьи, многие из которых исчезли. Там стало веселее, чем во времена моего отца. Почти каждый вечер был какой-то официальный обед, по утрам жена и мои племянницы устраивали аудиенции во дворце и принимали по пятьдесят-шестьдесят дам до обеда.

Я хотел показать жене Пелопоннес, поэтому мы устроили туда автотур, и отправились в путь на двух машинах. С нами был мой брат Андрей, капитан Мелас, который был его адъютантом в Малой Азии, и его жена; графиня Вольпи, сопровождавшая нас из Рима; мадам Форести; полковник и мадам Метаксас. Это должен был быть тур строго инкогнито, поэтому в пути номера в отелях бронировались и обеды заказывались от имени полковника Метаксаса. Это работало отлично — до обеда в самый подходящий день. Затем информация о путешествии каким-то таинственным образом просочилась в прессу, и когда мы прибыли в тот вечер в Науплию, то увидели, к своему ужасу, знамена и триумфальные арки, а также высокопоставленных лиц, ожидающих, чтобы произнести приветственные речи. Так что ничего не оставалось делать.

Остаток тура превратился в триумфальное шествие. Вместо запланированного тихого отдыха и неформального осмотра достопримечательностей было пять дней официальных речей, рукопожатий и ликующих толп. Нужно было посетить церкви, осмотреть ратуши и школы, а моя жена, будучи «новой принцессой», получала большинство почестей. Почти в каждой городке, через который мы проезжали, собирались толпы. Но все это было сделано так очаровательно и с таким добрым расположением, что мы не могли испытывать чего-то иного, кроме благодарности за такую верность и привязанность. В конце каждого дня нас осыпали дарами — фруктами, овощами, цветами, свечами, баночками меда всех сортов. Мы забрали столько, сколько смогли увезти, когда покидали Грецию.

* * *

Мы вернулись из Афин, чтобы почтить любимые останки тех близких, которые проделали путь из Флоренции.

Гробы поместили в специальный железнодорожный вагон, красиво украшенный итальянцами, за неизменную доброту и предусмотрительность которых наша семья всегда будет благодарна. Моя сестра Мария и ее муж, мой племянник принц Павел и племянница принцесса Ирина, ехавшие в поезде, были глубоко тронуты сочувствием, проявленным к ним на протяжении всего пути. На каждой станции оркестры и чиновники ждали с венками, а в Риме стоял Почетный караул, и вагон был распахнут с обеих сторон, чтобы дать возможность жителям греческих и русских колоний в последний раз попрощаться с усопшими.

Затем поезд отправился в Бриндизи, где эскорт итальянских войск доставил три гроба на борт греческого военного корабля «Аверофф» — того самого, на котором шестнадцать лет назад король Константин радостно возвратился в Афины. Его старый штандарт был снова поднят, и пушки крепости загрохотали, приветствуя короля-солдата, возвращающегося в свою страну.

И вот, наконец, они прибыли в Афины, проехали через город на лафетах, влекомых моряками военно-морского флота, в сопровождении эвзонов¹ в их живописных складчатых юбках и коротких жакетах. Улицы были заполнены скорбящими людьми, они приходили в собор, где в течение шести дней находились три задрапированных флагами гроба, и у подножия каждого из них лежал лавровый венок. На седьмой день их захоронили со всей пышностью и великолепием, которые только мог дать им народ. Высокопоставленные епископы, собравшиеся со всех городов Греции, выстроились вдоль ступеней главного алтаря, создавая своими

---

¹ Эвзоны — элитное подразделение пехоты греческой армии. Традиционно задействованы для несения почетного караула.

украшенными драгоценностями облачениями симфонию света и цвета на мрачном фоне собора. Мои братья Андрей и Николай, а также племянник Павел и я стояли в почетном карауле по четырем углам вокруг гробов.

Затем, когда служба закончилась, гробы в последний раз понесли по улицам, чтобы захоронить в семейном склепе.

Это был один из тех дней, которые бывают только в Греции, очень холодный, с северным ветром, дующим прямо с заснеженной Парнис, тем не менее небо оставалось прозрачно-голубым, каким может быть только небо Аттики, и солнце золотило мечи и эполеты, придавая дополнительный блеск флагам, развевающимся из каждого окна.

Четко очерченные в этой прозрачной атмосфере, горы казались ближе, чем когда-либо, как будто они подступили ближе, чтобы манить их, — те горы, которые они любили, и которые скоро собирались забрать их в свое знакомое лоно. Казалось, горы приближаются и тянутся вперед в золотом солнечном свете, обещая бесконечный покой; и это обещание было выполнено.

Это было скорее праздничное зрелище, чем траурное, — последнее путешествие короля, ставшего легендой. Он прошел по тем многлюдным улицам, на которых стояло множество старых ветеранов, глаза которых затуманились от слез при воспоминании о тех днях, когда они плечом к плечу сражались в Балканских войнах.

И весь город оплакивал двух королев, Мать и Жену, чьи помыслы при жизни были только о благополучии и счастье народа, наблюдавшего за их уходом.

Но рассвет сменяет ночь, и наступает конец всякой печали. Король Георг II, следующий за тремя лафетами с флагами, казался всему народу символом новой эры процветания и счастья Греции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	5
Благодарности	17
Предупреждение читателю.	18
Глава I. Детство	19
Глава II. Поездки в Данию. — Кайзер Вильгельм на Корфу ...	41
Глава III. Россия. — Распутин. — Забытые драгоценности ...	61
Глава IV. Снова Россия. — Убегая от сумасшедшего. — Крым	79
Глава V. Англия. — Первая любовь. — Встреча с первой женой	104
Глава VI. Король Португалии Мануэл. — Друзья со сцены. — Два великих человека	121
Глава VII. Две восходящие звезды. — Первая революция. — Балканские войны. — Помолвка	135
Глава VIII. Начало Мировой войны. — Беспорядки в Гре- ции. — Пожар	147
Глава IX. Тревожное время. — Изгнание. — Первый брак	168
Глава X. Кентская помолвка и свадьба. — Тени грядущих со- бытий	182
Глава XI. Смерть короля Александра. — Первое возвращение в Грецию. — Вторая революция. — Новое изгнание. — Странное предчувствие	195
Глава XII. Румынский брак. — Развод. — Второй румынский брак. — Второй развод	210
Глава XIII. Первая поездка в США. — Смерть короля Кон- стантина. — Смерть моей первой жены	222

Глава XIV. Собачки-ангелы и некоторые дьяволы!	236
Глава XV. Лже-Анастасия. — Спиритический опыт	246
Глава XVI. В Италии. — Римские охоты. — Смерть матери ...	260
Глава XVII. Непредвиденные происшествия на похоронах. — Аксель Мунте. — Гессенская свадьба. — Муссолини ...	269
Глава XVIII. Мой второй брак. — Немного французской исто- рии. — Жизнь в Риме. — Венеция. — Великолепные свадьбы. — Витрина.	279
Глава XIX. Снова пожар. — Друзья. — Дания. — Реставрация в Греции. — Наше возвращение. — Гробы возвращают- ся домой. — Мир	297

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Les mémoires»

Греческий и Датский Христофор

МЕМУАРЫ

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 23.06.25
Формат 12,5×19,5 см
Гарнитура Petersburg

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Принц Христофор Греческий и Датский был младшим сыном первого Греческого короля из династии Глюксбургов, Георга I, и урожденной русской великой княжны Ольги Константиновны. Таким образом, принц Христофор был связан родственными узами со многими правящими домами Европы и приходился племянником королю Дании, королеве Великобритании Александре и русской императрице Марии Федоровне. На страницах своей автобиографии, увидевшей свет в 1938 году, всего за два года до смерти принца, он описывает события конца XIX — первой трети XX века: будни греческой королевской семьи, пышные визиты в Российскую империю, королевские семейные торжества, события Великой войны и последовавших за этим революций, Балканские войны и революции в Греции, изгнание, путешествия по Европе и в США, многочисленных венценосных особ, аристократов, политиков, артистов, дипломатов, встречавшихся на его жизненном пути. В различных обстоятельствах, в том числе и трагических, принц Христофор всегда сохранял невероятный оптимизм и любовь к жизни. Будучи очень близко к сильным мира сего и зная жизнь монархов изнутри, он дважды отказывался от предложенных ему престолов и корон, предпочитая жизнь менее формальную, свободную от бремени ответственности за страну и народ.

На русском языке мемуары принца Христофора еще не издавались, хотя некоторые книги его сына, принца Михаила Греческого, известны русскому читателю.